

Мальчик с мечом деревянным рассказ сестры пережившей самоубийство брата

Автор выражает благодарность Вере Зубаревой, Елене Литинской, Лауре Вольфсон, Лидии Разран Стоун, а также родителям и членам своей семьи, оказавшим бесценную помощь и поддержку в написании этой книги.

Бог сохраняет все.
Особенно слова прощенья и любви,
как собственный свой голос...

Иосиф Бродский

Предисловие. Почему написана эта книга

Эта книга написана для тех, у кого близкие покончили с собой, и для тех, кто хочет знать больше о самоубийстве, чтобы предотвратить трагедию и помочь тем, кого коснулось это горе. По существу, тема самоубийства – табуированная тема. Она вызывает праздный интерес у газетчиков и любителей сенсаций, но тема эта настолько страшная и некомфортная для людей, что они не знают, что говорить или делать в том случае, если эта беда случится с их знакомыми.

Многие не хотят омрачать свое сознание подобными ужасами и «отодвигают» от себя все, что может покуситься на их покой. Эта книга не их книга. Она для тех несчастных, мучающихся годами и терзающих себя вопросами и чувством вины людей, родственники или друзья которых покончили с собой. Эти люди не решаются или не умеют высказать наболевшее, не осознавая, что их горе, искусственно замороженное и запрятанное, рвется наружу и калечит их души, обреченные на непонимание окружающих. Они чувствуют себя безнадежно, вселенски одинокими.

Почему люди убивают себя? Каковы признаки надвигающейся трагедии? Как помочь тем, кого коснулась беда? Вот основные вопросы, на которые я пытаюсь ответить в этой книге. Сразу оговорюсь, что я не выступаю здесь в роли научного исследователя и не претендую на какие-либо открытия в психологии и психотерапии. Моя цель гораздо скромнее: она утилитарная, а не теоретическая, причем я пытаюсь помочь своей работой не только своим читателям, но и самой себе. Многие из советов, которые я привожу в своей книге, «опробованы» на мне самой.

Я – человек, переживший катастрофу. Таких людей по-английски называют “survivors”, т.е. выжившие, уцелевшие. (1) В данном случае речь идет не о катастрофе мирового масштаба, а о беде, затронувшей тех, кто знал и любил моего брата. Но каким бы ни казался нам узким этот круг лиц, самоубийство всегда затрагивает больше людей, чем кажется на первый взгляд. Самоубийство – это землетрясение, сметающее островки надежд,

рушащее мосты дружб, рвущее узы симпатий и привязанностей, разрушающее все и вся: веру в ценность человеческой жизни, в святые законы человеческого существования: моральные, религиозные, интимно-личностные. Словом, крушение основ.

Катастрофа обрушилась на меня и моих родных, когда мой единственный брат Вадим Леонидович Алавердов покончил с собой, бросившись с балкона 10 этажа дома, в котором мирно спали его ничего не подозревавшие родители. Этот поступок моего брата рассек мое и родительское существование и сознание на два пласта: «до» и «после» катастрофы. Можно попытаться объяснить, что испытывают люди, узнавшие только что о подобном, самом страшном и непредставимом, и я, к сожалению, потерплю здесь фиаско, не сумею этого сделать, потому что, если выражение «слова бессильны», уместно когда-либо, то в данном случае без него не обойтись. Оглушенные горем, мы столкнулись с вопросами, которые жалили нас, словно рой диких пчел, и на которые нами не найдены ответы до сих пор. Поиск ответов на мучительные вопросы внезапно переместился в центр моего существования.

Можно ли было спасти его? Что мы проглядели? Как отделить черты характера от психических отклонений? Религиозный человек задает вопросы Богу, книжный червь, каковым я была всю жизнь, - книгам. К тому времени я жила в Соединенных Штатах 11 лет и мой английский значительно улучшился. Я получила магистерскую степень, читала свободно любую документальную и художественную литературу. Я бросилась к книгам о самоубийствах, депрессии, других психических заболеваниях, о том, как приходить на помощь людям, находящимся в зоне риска, и как помогать тем, у кого близкие погибли. Я нашла группы поддержки для родственников погибших, разнообразные мемуары, статьи, исследования, написанные зачастую не для профессионалов, а рассчитанные на рядового читателя.

Я читала и плакала в метро по дороге на работу и с работы, в автобусе, сидя в очереди к врачу, я поглощала эти книги и кое-что прояснялось, мозаика обретала какие-то очертания, более или менее понятные моему разуму, хотя много, очень много оставалось навсегда неразрешенным, так как невозможно было поднять из могилы и допросить родную и такую загадочную душу любимого брата. Когда же я пыталась поделиться этими знаниями с моими родителями, чьи страдания были невыносимы, то оказалось, что нет ничего, что бы я могла им предложить прочесть на русском языке. Я не говорю о статистике и сухих книгах, рассчитанных на специалистов. Я говорю о книге, рассчитанной на массового читателя, на людей, оказавшихся внезапно жертвами катастрофы, самоубийства их близкого человека.

Практически все, о чем я написала в этой книге, взято из американских источников. Россия и страны бывшего Советского Союза имеют огромное количество проблем, связанных с психическими проблемами населения и не

менее, если не более угрожающую статистику по суициду, но в силу недостаточного внимания государства к профилактике и лечению психических заболеваний и сильной стигматизации и невежеству в этом вопросе можно сказать, что поле деятельности для просвещения и помощи населению остается обширным и, увы, невозделанным.

Эта книга также очень личная и сокровенная. Она о моей личной боли и о том, как я преодолевала и продолжаю преодолевать ее, как я научилась жить с этой болью. Она о моем брате и его трудной сложной судьбе, хотя некоторые имена, упомянутые в книге, изменены. На примере трагедии нашей семьи я пытаюсь показать и рассказать то, что практически невозможно выразить словами. Я пыталась рассказать о феномене самоубийства и о том, что испытывают люди, у которых погибли близкие. В то же самое время мне не хотелось бы, чтобы вся жизнь моего брата свелась к его последнему страшному шагу. Этим можно объяснить подробный рассказ о нем и его судьбе. Цель моя очень скромна: если у читающих эту книгу станет на одну слезинку меньше и на один гран понимания больше, то я буду удовлетворена.

Каждому, кого коснулась подобная трагедия, предстоит долгий и нелегкий путь. И вовсе необязательно проходить его в одиночку. Но я уклонилась от своего повествования.

Как это произошло

О Смерть, я брошусь навстречу тебе,
несдавшаяся и непокоренная!

Вирджиния Вульф

Ночью 3 декабря 2004 г. мой брат, Вадим Алавердов, встал с постели, которую заботливо постелила для него мать, снял с шеи цепочку с могоендовидом, подаренную ему же, положил цепочку в ящик компьютерного стола, стоявшего в его комнате, тихо, чтоб не разбудить спящих в спальне родителей, прошел на балкон и бросился с балкона 10-го этажа бруклинского шестнадцатизэтажного дома. Эта ночь – самая страшная ночь моей жизни. Голос матери, позвонившей мне по телефону, мне не забыть никогда, куда моя жизнь и/или моя память не покинут меня.

Вадик был моим младшим и единственным братом. 31 января, почти через два месяца после этого последнего прыжка, ему бы исполнилось 43 года. Он был красив, физически крепок, окружен любящими его родителями, племянницами, которые его обожали и называли «самым веселым дядей в мире», имел сына-подростка, оставшегося на Украине, который был ему очень дорог, был талантливым программистом, практически самоучкой, освоившим это нелегкое дело, имел друзей, любящих его с детства. Брат, я верю, любил своих близких, был добр и щедр, полон юмора и дорожил жизнью, любой жизнью, даже комариной. Как оказалось, только не своей.

После того, что случилось, сместилась система координат, жизнь представилась иллюзорной и хрупкой, чем-то вроде оболочки мыльного пузыря, исчезла опора под ногами. Наша прежняя жизнь откололась от нас и легендарной Атлантидой опустилась на дно океана.

Почему он это сделал???

Вопрос, на который я и моя семья искали и ищем ответ.

Загадки и странности поведения моего брата, его жизнь, такая противоречивая и непростая, его метания и шатания, его вечная неприкаянность, его поиск авантур, его увлечения всяческой эзотерикой и сомнительными учениями, его рассуждения, споры с ним, его холодность и отчужденность, которую я чувствовала в последние месяцы, его привычки, его поступки перед самым концом – все осветилось новым светом, светом нового понимания его мучений, его трагедии, его большой психики. Меньше всего мне хотелось бы романтизировать его поступок. Мой брат, что бы он себе ни воображал и ни думал, причинил невыносимую боль своим близким, навсегда сделав несчастными родителей, но сделал он, я верю, потому, что не мог справиться со своими страданиями и искал спасения от самого себя.

Накануне вечером я говорила с мамой по телефону. Как обычно, спросила о брате: «Как Вадик?». Мама ответила, что все в порядке, он вроде успокоился и сейчас он спит. Это было в 9 часов вечера. «Молодец!» сказала я. «Нам надо брать с него пример. А то мы все крутимся, крутимся допоздна». Затем я, мой муж и наши три дочери пошли спать. Где-то в час ночи меня разбудил звонок. Я подумала, что это либо ошибка, либо кто-то звонит из-за границы, «перепутав» время. Когда я взяла трубку, я услышала материнский голос, страшный, как никогда. «Папа?» спросила я первое, что показалось мне наиболее вероятным, так как сразу же подумала, что стряслась беда с отцом.

Мой отец пожилой человек. Тогда ему был 71 год. У него избыточный вес, повышенное давление, и он к тому времени пережил инфаркт. Когда мама мне сказала, что сделал брат, я закричала, о чем не помню (о том, что кричала, мне позднее сказал муж). Знаю только, что своим криком разбудила детей, которые повскакали с кроватей: «Что случилось?». «Тихо, тихо, у дяди Вадика сердечный приступ, его забирают в больницу. Мы с папой поедem к бабушке». Я не могла среди ночи сказать детям то, что стряслось с их дядей, а потом убежать, оставив их, зареванных. Я не думала о том, что я им скажу или не скажу потом. Главное, что мне нужно было убежать из дома, что в эти страшные минуты мне нужно было быть рядом с моими родителями, просто быть рядом, как во время урагана, держаться друг за друга... Я не могу сказать, что все это было, как во сне, но чувство нереальности происходящего меня не покидало. Я помню, что я надела зеленую бархатную кофту, шерстяные брюки. Была холодная декабрьская ночь, и мы оделись по сезону. И это казалось ужасно диким и страшным: то, что мы двигаем, одеваемся, ведем себя «нормально» в ненормальных обстоятельствах. «Моего брата нет,

а я еще имею силы? наглость? одеться, двигаться, ходить в туалет... И я не рассыпалась, не разбилась на мелкие куски... Как можно???» Я была противна самой себе...

Когда мы приехали, в квартире было два полицейских, которые не пускали родителей на балкон, как они ни просили. Надо отметить, что нью-йоркские полицейские поразили меня своим тактичным и мягким отношением к нам. Если они и следовали инструкциям, то эти инструкции были очень гуманными и разумными. Полицейские также не разрешили нам сразу спуститься вниз и подойти к телу брата. Полиция ждала приезда Medical Examiner (врача, в обязанности которого входит засвидетельствовать смерть в результате насилия, самоубийства, при любых необычных обстоятельствах вне врачебного присутствия – Прим. автора). Только через какое-то время после наших просьб нам разрешили спуститься вниз, к телу моего брата. Я спустилась вниз с родителями. Рафик, мой муж, остался в квартире ждать, если придется открыть дверь полиции или Examiner'у. Брат был прикрыт простыней и лежал за невысокой оградой под балконом. Мы не могли себя заставить (или нас не пустили, не помню точно) перелезть через ограду и подойти к нему. Я была настолько в шоке, что даже не помню этих деталей, зато помнит мой отец. Потом, я помню, когда тело брата вынесли из-за ограды, он лежал, завернутый в большой белый мешок. Мама просила открыть его, чтоб поглядеть на сына в последний раз. Ей этого не разрешили, я думаю, тоже действуя по инструкции, чтоб избежать вероятной страшной реакции. Помню, как я и мама, стояли, дрожа от холода и глядя его тело через белый покров. Тогда и приехал из Манхэттена Medical Examiner. Мне показали фотографии брата для освидетельствования. Я не знаю, когда их сняли: возможно, когда полиция только приехала по сигналу о том, что чей-то труп лежит около дома. Его лицо не было изуродовано, только две-три ссадины. Фотографии родителям по-моему не показали, тоже, я думаю, по инструкции, хотя они уверяют, что видели фотографии. Medical Examiner спросил меня: как я думаю, что произошло. Я сказала, что брат был безработный, находился в состоянии депрессии. Он все это записал. Затем тело забрали в машину, так и не показав его нам.

Забегая вперед, скажу, что у евреев не принято видеть лица покойного на похоронах. Когда на кладбище прибыла машина из похоронного дома с телом брата, к моему удивлению, работник, бывший в машине, предложил мне, моему мужу и дочери и моим родителям посмотреть на Вадика в последний раз. Мы с благодарностью согласились. Лицо брата было загримировано: ни синяков, ни царапин не было видно, он был одет в костюм, в кипе и с талесом, был бледным и похудевшим, очень красивым, каким-то нереально красивым, как будто из музея восковых фигур. Мы застыли над ним, сцепленные агонией горя, пока гроб не закрыли...

Возвращаюсь к событиям той страшной ночи. После того, как забрали тело, мы вернулись в дом. Полицейский ушел, и мы остались одни. Наступал рассвет. Это был наш первый рассвет без него, рассвет, который он не сможет

увидеть, и мы знаем, что мы его никогда не увидим. Это было дико. Мне и мужу надо было возвращаться домой и проводить детей в школу. Была пятница. Брат совершил свой страшный прыжок в ночь с четверга на пятницу, очевидно, не желая нарушать священность субботы (ведь у религиозных евреев она наступает с вечера пятницы).

Мы не хотели говорить детям сразу же, что произошло. Они бы не смогли пойти в школу и нам надо было бы оставить их, зареванных, дома, а самим идти договариваться о похоронах. Поэтому мы сказали им, что дядя Вадик в больнице и мы поедem к нему. Проводив детей в школу (моей младшей, Флоре, было тогда 11 лет, средней, Рахиле, только исполнилось 16, а старшей, Эстер (тогда ее звали Ирада), студентке университета, – 18 лет), мы отправились в похоронный дом. Не дай Бог кому-нибудь пережить это: родителям говорить о могиле сына, договариваться о том, каким будет гроб, когда и как его похоронят. Несчастные мои родители! Покончив с нашими ужасными делами, мы вернулись домой, чтоб встретить детей после школы. Они были удивлены, почему мы не на работе. Опять был разговор о больнице. Вернулась старшая дочь из университета.

Надо сказать, что мой брат уехал в Израиль в 1991 году, когда моей старшей дочке было всего пять лет, а средней три годика. Он переехал из Израиля в Америку в 2002 г., когда мои девочки были еще юными девицами, а младшая так вообще его не знала. Тем не менее они сразу же полюбили его. Он для этого, казалось, не прикладывал никаких усилий, не старался угождать и нравиться. Те игрушки, которые он присылал им из Израиля (плюшевого верблюдика, забавную пластмассовую копилку в форме коровы и другие), они бережно хранили и любили. Когда ж они его узнали, он стал для них постоянным источником веселья. Его рассеянность, его замечания и реплики, его пение под гитару, его притчи – все находило в их лице благодарных слушательниц и поклонниц. В то время, как мы критиковали старшую и пытались учить ее уму-разуму, он говорил нам: «Оставьте ее в покое, пусть делает, что хочет». Когда он приходил ко мне домой, они бежали ему навстречу, радостные. Они любили угощать дядю Вадика своими кулинарными изделиями и просто были рады его присутствию в доме, хотя бы и молчаливому. Они были готовы с энтузиазмом пригласить его в любую поездку и на любое мероприятие. Дедушка шутил, что сколько он ни дарил им вещей, ничто не вызывало столько благодарной памяти, как то, что Вадик как-то купил им по первому требованию жвачку в магазине.

Однако Вадик как будто не замечал обожания племянниц. Погруженный в свои мысли, он проплывал мимо них, как фрегат, занятый своим курсом, плывет мимо лодчонок. Во всяком случае, он не подумал о том, каким потрясением явится смерть для его племянниц, какую травму он им нанесет...

Итак, после ужина дети подступили ко мне с расспросами: «Есть ли надежда?» Я сказала, что надежда очень слабая, можно сказать, почти нет. Затем я сказала, чтоб они приготовились к худшему. Я сказала им, что у них

больше нет их любимого дяди. Мы обнялись и заплакали все вместе, став единым клубком боли.

Я не могла и не хотела вводить в заблуждение своих девочек и плести им какие-то истории о больном сердце. Я сказала им правду. Они были потрясены. Мы все плакали. Позднее я узнала о том, что в некоторых, даже во многих семьях факт самоубийства скрывается. Зачастую факт смерти от самоубийства отрицается даже самыми близкими людьми покойного, нежелающими принять страшную реальность. Я глубоко убеждена, что этого нельзя делать, что правду нельзя скрывать, что завеса тайны не приносит добра, а выходит затем «боком». Люди мучаются годами в одиночку, не обращаясь за помощью и поддержкой, считая, что они словно прокаженные в этом «чистом» мире, что на них лежит стигма от этого поступка и предшествующих ему психических заболеваний. В западном мире очень много делается для того, чтоб помочь тем, кто оказался в подобной ситуации. Помощь оказывается как людям с суицидальными наклонностями и настроениями, так и тем, кто оказался жертвой самоубийства: близким людям покойного.

Но я возвращаюсь к своему повествованию.

На пути к трагедии

Я обнаружила, что нет ничего более трудного,
чем понять мертвых, но нет ничего более опасного,
чем их проигнорировать

Маргарет Атвуд

Отчаянье – это не идея, это нечто материальное, то, что мучает, сжимает и разбивает человеческое сердце... пока он не сойдет с ума и не бросится в объятия смерти, как в материнские объятия

Альфред де Виньи, Чаттертон, 1835

Когда человек кончает с собой, то первый вопрос, который возникает в умах окружающих, - это вопрос о причине: почему он это сделал??? Для того, чтобы на него ответить, мне предстояло перерыть гору литературы и провести самостоятельное «расследование», следствие, которое никогда не будет «закрето», потому что мой брат не встанет из могилы и не объяснит свой поступок нам, его родным. Мне надо было мысленно «прокрутить» жизнь брата, как фото пленку, чтоб увидеть закономерность в хаосе его жизни, мне надо было спросить себя и близких: «Что мы могли сделать, чтобы предотвратить эту трагедию?»

Наша семья – иммигранты: я с мужем, его зовут Рафик, наши две дочери - Ирада Эстер и Рахилия, мои родители - Леонид и Надежда. Моя третья дочь, Флора, родилась через два месяца после нашего приезда. Мы все приехали из Азербайджана в Америку по линии еврейской эмиграции. Моя бабушка, Берта Финкельштейн, мать моего отца, приехала сюда к своей родной сестре,

уехавшей в конце 1980-х гг. Она была тем «паровозиком», за которым потянулись три поколения, включая мою бабушку по линии матери, моих родителей, мою семью, а затем, позднее, и семьи моих дядей по материнской и отцовской линии. Мы ехали, надеясь на лучшее для себя и своих детей, как и многие, и никакие трагические предчувствия в ту пору меня не томили. Однако, как гласит закон Мэрфи, если какая-нибудь неприятность (а в нашем случае – трагедия – Л.А.) может случиться, то она обязательно случится.

Сколько я себя помню, у меня был брат. Мои первые воспоминания – это момент радости, когда я узнала о его рождении и прыгала на диване от счастья. Брат был младше меня на два с половиной года и, как это всегда бывает, сам факт его рождения после меня предопределил семейную динамику и навсегда закрепил за нами определенные роли. Я стала старшей сестрой с ее неременной обязанностью журить и поучать (вспомните фильм «Старшая сестра» с Татьяной Дорониной в главной роли). Я становилась на сторону родителей в конфликтах брата с ними и являлась примерной ученицей и послушной девочкой, предметом семейной гордости и образцом, словом, играла роль изрядно, кстати сказать, мне поднадоевшую, но неотторжимую от меня в той же мере, в какой мой брат был бунтарем и анархистом.

Не думаю, что Вадик когда-либо завидовал моим успехам или ревновал, если меня хвалили, а его нет. Подростком, он иногда меня дразнил, но какие братья и сестры избегают этого? Если я обычно приходила домой и рассказывала о происшедшем за день, то от Вадика нельзя было добиться связного рассказа о чем бы то ни было. Он был скрытным молчуном, тихим и погруженным в свои думы. Мы были типичными образцами экстраверта и интроверта, и удивительно, как мы все-таки любили друг друга, несмотря на такие явные различия между нами. Семья наша была шумная, хлебосольная, в доме прямо царил культ гостеприимства. Часто приходили в гости родственники, друзья и сослуживцы родителей, было шумно, весело, тесно за праздничным столом, который украшали гастрономические вкусности моих мамы и бабушки и шутки моего отца. Мои родители, обаятельные, веселые, открытые люди как магнитом притягивали к себе людей, к ним тянулись, с ними хотели дружить, их любили.

Сейчас мне кажется, что не случайно брату дали имя Вадим, что в переводе означает «будоражитель», «возмутитель спокойствия». Его конфликты с «властями», начиная с авторитета родителей, начались с детства. Летом мои родители снимали дачу недалеко от Баку, в селении Пиршаги, и у хозяина дачи росли на бахче арбузы. Вадик срывал с хозяйской бахчи маленькие, недозревшие арбузики, за что его наказывали, но он продолжал упорно делать свое. Или ему предписывалось идти на прогулку в шортиках, а он упорно хотел только брюки, я так понимаю, из стремления выглядеть, как взрослый. Кончилось тем, что Вадик на прогулку не пошел, а я с папой пошла гулять на бульвар и кататься на катере...

Он вечно «терялся», имея обыкновение неслышно исчезать. Мама очень боялась, что она его потеряет. То он на вокзале оторвался от родителей, забрел в какой-то магазин, а папа в это время бегал по отходящему составу и искал его во всех вагонах; то он, 6-летний, оставил маму в магазине недалеко от школы, которая находилась на порядочном расстоянии от дома, и самостоятельно пришел домой; то он в пять лет (!) объявил, что он уйдет из дома, и, так как это было в Москве, где мы гостили всей семьей летом, мамина тетя собрала ему котомку с какими-то пожитками и выставила его за дверь, мол, уходи. Он через какое-то время постучал в дверь: просился обратно... Однако стремление уйти из родительского дома в нем сидело...

Как-то он сказал незадолго до смерти: «Я ушел из дома в 12 лет». Ушел он, конечно, не в прямом смысле, но близко к этому, так как стал буквально пропадать вместе со своими школьными друзьями.

Друзья значили для Вадика очень много, как мы всегда считали, значили больше, чем его семья. Может, потому, что он родился под знаком Водолея? Впрочем, это замечание не для скептиков... В школу он попал с пяти лет, так как читать уже умел, и бабушка, бывшая директор школы, решила, что нечего ему делать в детском саду. Он был бледный, щуплый мальчик с интеллигентными чертами лица и маленькими веснушками вокруг маленького носа. Позднее на этот носик еще водрузились очки, что отнюдь не радовало Вадика, а, полагаю, сильно смущало. У него было плоскостопие, и Вадика было трудно много ходить. Ребята дразнили его «дистрофиком» за худобу. За «дистрофика» Вадик подрался со своим будущим другом Тимкой. Тимка положил Вадика на обе лопатки, но на вопрос Тимки «Сдаешься?» Вадик ответил отрицательно, чем заслужил уважение своего соперника, а может и не только его. Об этом я узнала, когда Вадика не стало...

В дальнейшем Вадик много внимания уделял своему физическому развитию. Мы смеялись над тем, что он, казалось, записался во все спортивные общества Баку, которые существовали в то время. Может, тот факт, что он менял эти общества, как впоследствии все менял в своей жизни, нас должен был насторожить... Другим элементом самовоспитания стало приучение к алкоголю. Дома отец выпивал, иногда крепко, но до скандалов не доходило, и эти выпивки проходили в рамках семейно-дружеского застолья. Однако со своими друзьями Вадик напивался иногда той степени, что его потом «выворачивало наизнанку», чем приводил в отчаяние родителей и бабушку, необыкновенно крепкую и выносливую как телом, так и духом.

С друзьями он пускался во всевозможные проказы и авантюры. Так, например, однажды отправились «автостопом» до Крыма, где (мир тесен, да еще как!) случайно в Алуште, на пляже, встретился с родным дядей, папиным братом. Родителям приходилось нередко вытаскивать Вадика из милицейского участка, где милиционеры, получив желаемую мзду, его мирно отпускали, но сколько крови стоило это моим несчастным родителям, и как

это было унижительно для них! Сколько негодования, сколько увещеваний, разговоров и выговоров ему приходилось выслушивать от меня! Однажды я настолько была потрясена его бесчувственностью, что сказала: «Будь ты проклят!». Уж не помню, чем был вызван мой гнев, но мне этот эпизод врезался в память, потому что я испугалась своих слов, их запомнила и мне теперь больно об этом вспоминать... Вадик мне никогда не припоминал сказанного. Он вообще не очень-то реагировал на наши «громы и молнии». Сейчас я думаю, что, возможно, у Вадика был какой-то дефект в психике, который не позволял ему иметь эмпатию, понимать и разделять чувства других.

Друзей моего брата мои родители не любили. Да и я их не жаловала, так как с ними мой брат пускался во всевозможные авантюры и проказы. С ними он обманывал, напивался, с ними его забирали в отделение милиции... Для моего брата, однако, друзья значили очень многое, если не все. Обычно немногословный и замкнутый в обществе, среди них он был краснобаем, весельчаком, буквально «расцветал». Он чувствовал себя значительной фигурой и произносил застольные тосты, был красноречив, то есть совсем не так, как дома. Друзья льстили ему, называли его «финансовым гением», а этот «гений» выдумывал все какие-то аферы. Сейчас я думаю, что Вадик не умел (не хотел, не мог?) найти признания в семье. Родителям очень хотелось им гордиться, но происходило мучительное несовпадение их ожиданий и надежд и его поведения, и в силу этого несовпадения друзья моего брата были единственным полем его самоутверждения.

Дух независимости, бунтарский характер неизбежно приводил Вадика, говоря канцелярским языком, к «противоправным действиям», к конфликтам с властями, где бы он ни был. Родителей и меня никогда не покидал страх за Вадика. Я боялась, что он или окажется в тюрьме, или умрет насильственной смертью. Даже в Израиле он умудрился на 7 лет стать «невъездным», когда заночевал пьяным в автобусе и поспорил с полицейским...

Как я уже сказала, Вадик был очень тихим. Входил и уходил он неслышно: либо звук ключа в замке, либо хлопающая дверь знаменовали его появление и исчезновение. За редкими исключениями он не любил сообщать, куда идет, к кому, зачем. Эта его привычка была источником частых конфликтов и переживаний, потому что он исчезал тихо и бесшумно и мог появиться глубокой ночью, а мог и не появиться, и вместо этого был звонок из милиции... Только когда он стал жить с родителями в Нью-Йорке, он иногда звонил маме и говорил, чтоб она не волновалась, что он скоро придет, за что она была ему безмерно благодарна.

Когда Вадик было четыре года, он выучился читать, незаметно наблюдая, как бабушка учила меня азбуке по кубикам. Некоторые буквы он запомнил вверх ногами, так как сидел напротив... Ни бабушка, ни я, увлеченные процессом обучения, не подозревали, что он тоже учится, одновременно со мной. Обнаружили мы его «грамотность» случайно.

Однажды папа, я и Вадик шли в гости к бабушке, папиной маме, и я по просьбе папы стала читала вывески. Дома папа, гордясь мной, сказал: «А вот Лиля уже умеет читать. А ты что умеешь?», на что Вадик ответил «А я все буквы знаю». Папа, конечно, тут же попросил подтверждения, что было продемонстрировано незамедлительно. Так же, не прилагая больших усилий, брат закончил десятилетку и Институт Народного Хозяйства, куда он поступил не из-за какого-то им преследуемого интереса, а чтоб родители «отстали». Брат в детстве рисовал машины, причем рисовал их необычным образом: вверх ногами, а потом переворачивал рисунок. Как-то, когда мы уже были подростками, папа принес книгу о многогранниках с инструкциями, как их изготавливать из бумаги. Брат начал делать многогранники, причем от самых сложных к самым простым, оставив цветными фигурами целую полку книжного шкафа.

Вадик был музыкален. Я ходила в музыкальную школу по классу фортепьяно, а его отдали туда же по классу виолончели, благо его учительница музыки жила в нашем дворе и для занятий его не надо было водить на уроки куда-то далеко, учительница приходила к нему домой. Тем не менее, он не захотел закончить семилетнюю музыкальную школу и бросил учиться довольно рано. Зато знание струнного инструмент позволило Вадиду легко выучиться игре на гитаре, и он с одинаковым удовольствием брэнчал песни Высоцкого и пел из блатного репертуара.

В школе он учился он без напряжения, не прикладывая особых усилий. Ему достаточно было один раз прочесть страницу учебника, чтоб потом почти наизусть пересказать его прочитанное. В Институт Народного Хозяйства он пошел, вероятно, только потому, что учиться там надо было всего 4 года и, как подозревал папа, ему не терпелось «догнать меня»: ведь я училась в университете на историческом факультете 5 лет. Вадик выбрал специальность «бухгалтерский учет». Ему, скорее всего, было все равно, куда поступать.

За несколько дней до смерти Вадик попросил папу: «Научи меня рисовать», имея в виду живопись маслом или акварелью. Наш отец дизайнер, художник, гобеленист и чеканщик, и в эмиграции он много трудится, реализуя свои художественные таланты. Отец был очень удивлен и даже воспринял желание сына как очередную блажь, но мать, как говорится, «материнским чутьем» или просто хватаясь за соломинку надежды, видя, что сын падает духом все больше и больше, скомандовала, чтоб отец «занялся» им. В 42 года Вадик впервые по-ученически взялся за краски и нарисовал довольно неплохо две картины: натюрморт и цветы. Отец, который вначале было подшучивал над ним, мол Ван Гог объявился, был впечатлен и предложил продолжить занятия, но Вадик остыл и не захотел...

Я никогда не сомневалась в способностях своего брата, но, как говорила учительница географии о Вадике, «умная голова дураку досталась», разделяя интеллектуальный потенциал брата и здравомыслие. У Вадика появилась

любимая девушка, тонкая и умная, любящая стихи, хорошую литературу. Мне она внушала уважение. Когда Вадик погиб, я неожиданно получила письмо от нее и сообщила ей о смерти брата. Вот что она мне написала...

Здравствуй Лилечка!

С того самого дня, как я получила от тебя это страшное сообщение о Вадике, я все время вспоминаю его.

Все время всплывают какие-то детали, не всегда в хронологическом порядке.

Ведь прошла половина моей жизни.

Мне было тогда 24, а теперь - 48...

Но я постараюсь поделиться своими воспоминаниями. Возможно они будут сбивчивыми и не совсем по-порядку.

Это был трудный год для меня - 1980-й.

В тот год я навсегда потеряла надежду на взаимную любовь. Человек, в которого я была безуспешно влюблена много лет, женился на другой. Я была растеряна, пыталась забить эту боль в душе работой, командировками.

В тот же год осенью мне подвернулась поездка в Чехию, и я с радостью туда поехала.

Где-то в начале ноября (как раз перед праздниками) мне позвонил незнакомый молодой человек. Как у нас в Баку бывало, он пытался завязать со мной знакомство. Но я была девушкой очень серьезной, да еще пережившей сердечную драму и не соглашалась на встречу. Потом он позвонил перед Новым годом. Каюсь, я даже съязвила, что он звонит только перед праздниками и приглашает меня их отметить. Я опять ответила отказом.

После Нового года звонки продолжались. И наконец-то я дала согласие на встречу.

Как ты уже догадалась, это был Вадик.

В середине февраля мои сердечные (в прямом смысле этого слова) раны дали о себе знать, и меня родители буквально запихнули в больницу. Вадик приходил ко мне каждый день. Он был очень внимателен и обходителен. Мне было интересно с ним разговаривать. Мне очень льстило такое внимание, и я постепенно привязалась к Вадику.

Скажу откровенно, это не было вспыхнувшее чувство. Просто мне было очень приятно находиться с ним рядом, слышать его голос. И эти отношения лечили меня лучше любых лекарств.

Меня выписали из больницы 1-го апреля. Мы стали встречаться с Вадиком. Мы читали одни и те же книги. Вадик ведь очень умный человек. У

нас на многое совпадали взгляды. Только не я его, а он меня всегда считал младшей.

Он говорил мне, что я еще девочка, а он старик. Когда я прочла в твоих стихах эти же слова, я даже вздрогнула.

Он читал мне стихи из Гессе и называл себя степным волком.

... Очень трудно говорить о Вадике был... Хотя мы очень давно не виделись и наши пути разошлись...

Для тебя ведь не было тайной, что Вадик очень увлекался спиртным. Я боролась с ним, как могла. Много раз он приходил ко мне не в лучшем состоянии. Я обижалась на него. Он просил прощения и обещал, что это будет последний раз... Иногда он вообще не приходил в назначенное время. Я звонила, тревожась о том, что с ним что-то случилось, бежала к вам домой... Как-то он даже не смог выйти ко мне, меня встречала ваша мама. Вся ваша семья встречала меня всегда радостно, и вы все мне очень нравились.

К тому же, ведь мир очень тесен. Ведь наши мамы в 9-м классе учились вместе, и у нас даже есть фотография их класса.

Обещания давались регулярно, и все время повторялось одно и то же. Мне очень хотелось помочь Вадика, вырвать его из этого замкнутого круга, но у меня ничего не получалось...

Прости меня, Лилечка, может быть мне не нужно было писать об этом, но ты просила откровенно написать. Ведь это и часть моей жизни... Мы еще продолжали встречаться, я надеялась, что все-таки у Вадика хватит сил.. Ведь к тому времени я очень к нему привязалась. И мне было очень тяжело разорвать наши отношения. Вадик ушел в армию, и мы решили перед этим, что останемся просто друзьями.

Были редкие короткие письма из Астрахани. Но когда Вадик вернулся, он не захотел дружеских отношений. Мы расстались...

Потом я слышала, что он женился, и надеялась, что он нашел свое счастье. А вышло вот как...»

После окончания института Вадик пошел в армию, где ему пришлось очень нелегко. Старшина говорил ему: «Ты у меня будешь умирать медленной смертью». Что там было конкретно, трудно сказать, но однажды он простоял в холодной воде в сапогах в камере, после чего у него пошли нарывы на ногах, и мама присылала ему мазь для лечения. Мы знали, что ему было тяжело, но он все-таки выдержал это испытание и писал письма домой даже с юмором.

В 1985 г. мой брат вернулся из армии и пошел работать по специальности, бухгалтером, где его начальник очень высоко отзывался о его способностях, но брата это мало волновало. Там он познакомился со своей будущей женой, Инной, которая была уже дважды замужем, один раз, якобы, фиктивно. Говорю «якобы», потому что с Инной я близко знакома не была,

Вадик о ней не откровенничал, и о ней нам стало что-то известно со слов нашей соседки, которая знала ее по консерватории, где она училась ранее. Мы так и не знаем, кто были предыдущие мужья нашей невестки и почему она разошлась с ними. Отношения моего брата и его будущей жены были не безоблачными. Мне не думается, что у него была к ней романтическая влюбленность. Скорее она ему нравилась как женщина и ему было с ней удобно или легко. Однажды он ее ударил, и она прибежала жаловаться моей матери. На что моя мама посоветовала им расстаться, если ее будущий муж так себя ведет. Инна не послушала и они поженились. До того, как это произошло, Вадик размышлял вслух в обычной своей полу-ироничной манере «жениться или не жениться», причем привлекал то меня, то маму в качестве собеседниц. Недавно, роюсь в старых бумагах, я нашла свой рассказ, написанный 30 лет тому назад, легкомысленный рассказ молодой девицы: роман с одноклассником, перманентная завивка, то есть поступки наперекор родительской воле, и другие юные эксперименты. Рассказ этот все же немного передает атмосферу нашего дома и мои отношения с братом. Мы с ним часто спорили и философствовали. Он был моим излюбленным собеседником, часто озвучивая голос незримого оппонента, звучавший у меня в голове во время любых полемик. Вот отрывок из этого рассказа, символично названного «Зуб мудрости»:

«Ну что за манера у моего брата разгуливать по квартире со стаканом чая и еще набиваться в собеседники?!

- Не делай вид, что спишь – предупреждает он. Я чувствую, что он не отвяжется, но молчу.

- Ты – жертва воспитания. Тебе внушили, что ночью надо спать, и ты покорно закрываешь глаза. А днем спать не положено, и ты не спишь.

- Слушай! Я и в самом деле хочу спать! Уйди! – не выдерживаю я.

- Я же сказал, что ты не спишь.

- Потому, что ты мне заснуть не даешь. Чего тебе?

- Поговорить.

- О чем? Опять о женитьбе?

Вот уже второй день он ко мне пристаёт с вопросом, жениться ему или нет. Я прекрасно знаю, что мои советы ему не нужны. Если он что-либо решит сделать, то его никакая сила не остановит. Просто хочется поболтать, и он валяет дурака. Мое участие в последующей беседе сводится к отрывистым репликам: «Женись», «Не женись». Наконец, ему это надоедает, тем более, что он еще более утверждает в намерении не жениться. «За» женитьбу говорят у него один-два довода, а «против» - чуть ли не двадцать. Но это надоедает и мне, и я задаю ему наш традиционный вопрос, на который никогда не получаю ответа: «Ты что, идиот?» Иногда я его сокращаю: «Ты идиот?», или просто: «Идиот!» Спрашиваю я громко, поэтому через минуту в

комнату врывается мама и уволаскивает брата. Слава Богу! Наконец-то можно поспать.

Утром мы с ним встаем почти в одно и то же время, около одиннадцати часов. Он так же не торопится в институт, как и я. Он читает газеты, лежа на диване, а я к газетам равнодушна, как и все женщины за исключением пенсионерок. По утрам я не люблю разговаривать, а брат вообще не словоохотлив. Мы не здороваемся. К чему формальности?»

Вот примерно в таком полушутливом ерническом духе мой брат раздумывал, не жениться ли ему на Инне. Я не думаю, что он был в Инну когда-либо романтически влюблен и вряд ли он ее уважал. Тем не менее и я мои родители понимали, что ни уговаривать, ни отговаривать в этом случае нельзя, и брак свершился. Бракосочетание моего брата прошло наименее торжественным образом. Они зарегистрировали свой брак в присутствии двух свидетелей: моего мужа и ее брата. Затем все четверо пришли к моим родителям, и мы отобедали все вместе, включая также наших двух бабушек и дедушку со стороны отца. Может, брата подстегнуло и мое изменившееся семейное положение: я вышла замуж в 1985 г., а мой брат женился в апреле 1987 г., когда ему было 25 лет.

Вскоре после того, как Вадик женился, его жена переехала вместе со своими родителями в Харьков. В октябре 1987 г. у Вадика родился сын. Мама вспоминает, как Вадик плакал, узнав, что его сын заболел. Он любил своего сына, хотя тот и рос вдали от него. Какое-то время все же Вадик оставался в Баку, а затем поехал в Москву заниматься мелкой торговлей брелками, матрешками и всякой всячиной на Арбате. Там его регулярно «доили» милиционеры, но так как он был в компании друзей-одноклассников, то его это предприятие веселило. Наши родители (отец – инженер, мать – учительница) не могли понять авантюрного духа своего сына, но он, очевидно, наслаждался ролью руководителя «предприятия» и распределителя работ. Полученные деньги он усердно переправлял жене и сыну, но сам жить с ними не мог или не хотел, или то и другое вместе. Затем, движимый все тем же авантюрным духом и желанием не расставаться с друзьями, некоторые из которых потянулись в Израиль, он собрался туда же, для чего предварительно развелся с женой. Его брак с Инной, таким образом, продолжался около пяти лет, но у них не было стабильной семейной жизни: он то приезжал в Харьков, то уезжал, но постоянно снабжал свою жену и сына деньгами, покупал мебель для квартиры, где они жили, то есть материально поддерживал их. Для родителей его проводы в Израиль стали горьким и незабываемым событием. Все его мысли, казалось, были обращены только на своих дружков, взявшихся проводить его до границы, и даже на прощальный обед, устроенный маминой тетей в его честь он не пришел.

Но я бы не хотела, чтоб создалось впечатление, что мой брат был бесчувственным и равнодушным к своим близким. Он делал добро, как и когда сам считал нужным, от души, широко. Он любил дарить подарки и

цветы и был довольно безразличен к деньгам. Так, когда меня отправили после окончания учебы после распределения в один из районов Азербайджана, Исмаиллы, и бабушка вызвалась поехать со мной. Как жена декабриста, 76-летняя моя бабушка отправилась в «ссылку» с внучкой. В марте, когда у бабушки был день рождения, Вадик поехал к нам, чтобы ее поздравить, несмотря на то, что в снег было опасно ехать через снежный перевал. Вопреки советам матери, он поехал и, конечно, очень растрогал бабушку. Или, когда в Баку было беспокойно и стреляли на улицах, он взялся отвезти подругу матери к ее отцу в больницу и повез соседей-армян в аэропорт. Это было время обостренного конфликта между Азербайджаном и Арменией, и Вадик рисковал своей головой, когда помогал друзьям и знакомым. Хоть мой брат придумывал финансовые авантюры, ему нужно это было из бравады, а отнюдь не из-за любви к деньгам. В родительском доме деньги Вадика лежали в ящике, который не запирался, и он их никогда не пересчитывал. Он легко расставался с деньгами и любил делать подарки своим близким.

Жизнь в Израиле, куда он прибыл в 1991 г., как будто раздвоила его личность. С одной стороны, он остался самим собой. Вместо того, чтобы серьезно взяться за учебу или устроиться на работу и зарабатывать себе репутацию, он все порывался в Москву к своим товарищам, затевал какие-то купли-продажи, то есть был все тем же непутевым и шалопутным братом, каким мы его знали. С другой стороны, там, на исторической родине, он ощутил свою еврейскую принадлежность: сделал обрезание, стал придерживаться субботы, старался ни о ком не говорить дурно, как заповедано Торой. Родители советовали ему пойти учиться или пойти работать в кибуц. Вадик не послушался, как всегда. Ему не сиделось на одном месте, и он несколько раз съездил в Москву.

Поездки в Москву ничем хорошим не обернулись. У него завязался роман с женой одного арбатского художника, разрисовывавшего матрешки, с которым он был связан торговыми делами. (Как недавно я узнала, эта женщина была довольно известной московской певицей, выступавшей в жанре авторской песни. Судя по тому, что я слышала, она полюбила Вадика и, по словам моего брата, была его настоящей большой любовью. Когда моя мама спросила Вадика, уже после его приезда в Америку, любил ли он когда-то, то Вадик ее в свою очередь спросил: «А ты разве не помнишь, что со мной было в Москве?» После гибели Вадика, по слухам, его бывшая любовь очень сокрушалась. Она умерла два года спустя после смерти Вадика и похоронена на Волковском кладбище – прим. Автора) Дело кончилось печально. Они напились, подрались, его заперли в комнате то ли на третьем, то ли на пятом этаже дома, где жила его дама сердца. Он пытался вылезти из окна, привязав шнур или веревку к какой-то мебели, а в результате сорвался и чудом остался жив, оказавшись в больнице с переломами. К нему приехала из Харькова его бывшая жена, чтоб ухаживать за ним, за что Вадик остался ей благодарен потом надолго, если не до конца жизни. Лечение, физиотерапия, пребывание

у родственников. Он вернулся в Израиль, но через какое-то время приехал опять в Москву и опять был до бесчувствия избит мужем женщины, в которую был влюблен, который дубасил его вместе с друзьями. Это «лекарство» подействовало, и брат вернулся в Израиль. Ни я, ни мои родители тогда даже не знали, до какой степени он был переломан, когда упал, как был избит и как он страшно выглядел. Наши московские родственники не хотели нам сообщать всех деталей, так как прилететь в Москву мои родители все равно бы не смогли: мы только что приехали в Америку и не могли уехать из страны, не рискуя потерять право на грин карту, дающую путь к американскому гражданству. Моя мама ухаживала за двумя старыми бабушками, а я возилась с тремя детьми. Осенью 1993 года приехал в Америку двоюродный брат моей мамы и нам рассказал о том, что случилось с Вадиком.

Прошло еще какое-то время, и Вадик решил воссоединиться с женой, к которой он испытывал благодарность и хотел помочь ей с медицинскими проблемами, чтоб она прооперировалась в Израиле. Он уехал в Харьков, зарегистрировался со своей бывшей супругой, а затем, когда она изъявила желание приехать к нему, передумал и стал ее отговаривать. Отговоры не помогли, и Инна приехала к нему вместе с сыном. Это произошло в 1999 г., т.е. 13 лет спустя после своего первого брака с ней. Теперь его сыну было 12 лет. Так мой брат во второй раз попытался на том же фундаменте построить личную жизнь. До этого он перебивался случайными заработками и сидел подолгу на пособии по безработице, но тут он взялся за ум и поступил на курсы по программированию. Еще не закончив курсов, он нашел работу (курсы пришлось оставить) и с головой ушел в свою новую профессию. Как рассказывал его товарищ, Вадик работал очень усердно и много, стал трудоголиком. Инна работала уборщицей (она по профессии – учительница музыки), сын учился. Жили они бедно, и родители мои помогали им, как и до этого помогали моему брату, когда он жил один, хотя сами в США жили на пособии по бедности. Семейная жизнь иммигрантов – это суровое испытание на прочность уз, и многие иммигрантские семьи не выдерживают напора противоречий. У моего брата не было опыта семейной жизни, у Инны не было хозяйственного опыта, не хватало мудрости, желания уступить, пожалеть мужа, который горбатился на новой работе и пропадал там допоздна. У моего брата в доме не было своего угла, а тут еще приехал брат Инны и они завели собаку. В семейных конфликтах сын Вадика принимал сторону матери, он жалел мать, с которой вырос, а отца своего знал совсем мало. Доходило до безобразных сцен, и дело приняло довольно страшный оборот. Инна, довольно суеверная особа, внушала моему брату, что он сам дьявол, а он решил, что она ведьма и готов был ее убить. По его собственному признанию, он бы ее убил, если бы наша мать не вмешалась, когда приехала, и не помогла Вадик, успокоив его. На сына Вадика все эти скандалы, надо полагать, произвели самое отрицательное впечатление, и он был всецело на стороне своей матери... Мои родители смогли полететь в

Израиль только в марте 2000 года, через месяц после смерти бабушки. До этого они были связаны заботой о старых матерях и тем, что как новые иммигранты не могли покинуть страну, не рискуя своим иммиграционным статусом. Итак, только через 9 лет после отъезда Вадика наши родители смогли увидеться с сыном. Вадик был на седьмом небе от счастья. Он не отходил от родителей, он обиделся, когда они собрались поехать на экскурсию: «Вы же ко мне приехали, а не по экскурсиям ездить». Как вспоминали мои родители, они никогда не видели столько внимания и заботы со стороны Вадика, сколько в этот приезд.

21 ноября 2000 г. наш отец попал под машину, когда переходил улицу один вечером недалеко от дома. У него был перелом бедра, он перенес операцию. Вадик часто звонил родителям, интересовался самочувствием отца.

Ссоры с Инной привели к тому, что Вадик от нее ушел. Оказавшись один, мой брат впал в отчаяние, и однажды, напившись, стал резать себе вены. В этот момент Вадика позвонил школьный товарищ, врач-терапевт, который тоже жил в Израиле, и по разговору с моим братом понял, что дело неладно. Вадик сказал ему следующее: «Состоялся суд. Мне вынесен приговор. Я должен умереть». Друг тут же приехал к нему и повез Вадика в психиатрическую лечебницу. Затем он позвонил в Нью-Йорк, и после разговора с ним мама полетела в Израиль. Это случилось в январе 2001 года, через два месяца после того, как отец попал под машину, когда он с трудом ходил по дому. Когда прилетела мама, брата уже выпустили из больницы, и он выглядел более успокоенным. Маме он объяснил, что жить он с Инной больше не может и принял решение о разводе, а затем пошел к адвокату. По моим подсчетам, второй брак моего брака с Инной продолжался от силы два года, а первый брак вообще был эфемерен: он у нее бывал наездами и они нигде вместе не жили. В больнице Вадик виделся с психиатром и затем встретился пару раз с психологом. Пойти к другому психологу по направлению брат не захотел, так как ему было далеко ездить на встречи с ним. Мне он писал время от времени отчаянные письма, а я, не зная чем помочь, уговаривала его идти к психологу...

Тем временем я и мои родители делали все, что только возможно, чтобы добиться его приезда в Америку. Нам казалось, что если он будет рядом с нами, мы ему поможем и его жизнь изменится к лучшему. И вот, наконец, в сентябре 2001 г. первым самолетом, который прилетел из Израиля после трагедии 11 сентября, прибыл мой брат и я увидела его после 10-летней разлуки. Я расставалась с молодым здоровым красивым парнем, а передо мной был измученный человек средних лет, полысевший, со старой шеей (особенно больно было видеть его морщинистую шею). Он был какой-то жалкий, и было страшно больно за него. На будущий год, 16 июня 2002 г., Вадик приехал к родителям «насовсем», оставив свою работу программиста.

Приехав в Нью-Йорк, Вадик стал жить с родителями. Они ему дали комнату, в которой раньше жила бабушка (она к тому времени умерла), папа купил компьютерный монитор, стол для компьютера, старался создать уют сыну. Вадик был какой-то озабоченный, нерадостный. Он хотел немедленно устроиться на работу и даже упрекал меня в том, что я ему не помогаю с поиском работы: он бы, мол, мне в Израиле вмиг нашел работу, если бы мне понадобилось. Я давала советы, но от моих советов он тоже быстро устал и стал меня упрекать, зачем я ему советую. Вадик устроился работать у одного русского бизнесмена и за небольшую плату выполнял у него работу программиста. Однако через какое-то время он не захотел удовлетвориться скромным заработком и потребовал прибавки. На том и расстались. Далее следовала череда случайных работ: то на фабрике по изготовлению коробок, то на складе в магазине электроники, то на бензоколонке, то на стройке... На некоторых работах он задерживался, но, проработав какое-то время, он уходил, с других его увольняли. Трудно было понять логику его поступков и смысл этих метаний. Когда я ему что-то советовала (а я постоянно говорила с ним о его планах), то его это часто раздражало. Он отвечал: «Чего ты мне советуешь, я же тебе не советую, как жить». Он все более от меня отдалялся. Сейчас я себя корю, зачем эти советы, к чему разговоры о будущем, о какой-то старости, пенсии – нужно было просто найти путь к его душе, искать этот путь...

Тяжелым ударом для всей нашей семьи оказалась внезапная кончина брата моей матери, моего дяди. Дядя Алик очень любил меня и Вадика. Приехав в Америку, он жил неподалеку от моих родителей, и Вадик часто с ним виделся. Незадолго до смерти дяди Алика они поругались. Дело в том, что Вадик сидел на пособии по безработице. Когда он оказался на пособии, то ли притворяясь, то ли на самом деле, но Вадик производил впечатление человека, довольного своим положением. Как я позднее поняла, он просто не мог долго работать на одном месте, психика не позволяла. Таков, к несчастью, был вынужденный стиль его жизни. Мои родители переживали его неприкаянность и не могли скрыть своего разочарования, хотя с ним на эту тему почти не разговаривали. Дядя же взялся поучать племянника, брат сильно возражать... Потом они помирились, но Вадик считал, что не должен был спорить с дядей, ведь у того было слабое сердце. 27 июля 2004 г. мой дядя умер: пошел купаться как-то утром на океан, а вынесли его на берег мертвым. Для всех нас это было потрясение. Трагическая смерть любимого дяди Алика оказала на Вадика очень глубокое воздействие. Он винил себя в смерти дяди. Он сказал после смерти дяди: «Я потерял друга... Я виноват...»

Позднее Вадик винил себя в смерти любимого дяди, у которого было больное сердце. Думаю, что резкие слова, сказанные в пылу спора, занозой торчали в сердце Вадика. Дядя умер 27 июля, в день разрушения Иерусалимского храма (2). Он пошел купаться на океан: как всегда сделал зарядку, затем полез в воду. Дядя был неверующий и, вероятно, если бы даже знал, не придавал бы значения запрету для евреев купаться в этот трагический

день еврейской истории. Он умер в море, и мы не знаем точной причины смерти, так как вдова и сестра отказались от посмертного вскрытия тела для выяснения причины смерти.... Вадик был потрясен его смертью. Он стоял на берегу рядом с телом дяди, а затем побегал домой, чтоб укрыть его одеялом, хотя дяде это было уже не нужно. Боль утраты, чувство вины, я уверена, не давали ему покоя, хотя Вадик обычно не выражал свои чувства...

Этим же летом на Вадика напали на улице, когда он шел устраиваться на работу. У него отобрали сумку с документами и деньги. Это было уже второе нападение на него: в первый раз на него напали на набережной в Бруклине и отобрали пустую сумку. Возможно Вадик был настолько погружен в свои мысли, что внушал бандитам уверенность, что он будет легкой добычей.

Прошло лето, а положение с работой оставалось все тем же. Брат сидел на пособии, искал работу по интернету, составлял компьютерную страницу для своей знакомой – поэтессы, живущей в Израиле. Меня он упрекнул, что мои страницы на интернете, которые он создал для меня, я не посещаю, и над ними не работаю. Дело в том, что я почти всю свою сознательную жизнь пишу стихи, и Вадик хотел мне помочь с тем, чтобы мое творчество было представлено в интернете. Он попросил своего друга, живущего в Канаде, сделать графическое оформление сайта. Интернет страницы получились очень красивыми, но у меня руки не доходили до пропаганды собственного творчества, так как я работала и была занята семьей. Мне Вадик писал: «Ты свой сайт не заполняешь, люди туда не ходят, а провайдер, который выделяет тебе место бесплатно, делает это в расчете на то, что посетители твоего сайта воспользуются его рекламой. Если он увидит, что к тебе никто не ходит, он закроет твой сайт, в дальнейшем, если ты заинтересована, будешь искать себе другое место, либо платить». Вот так. Сухо, по-деловому. Он в то время говорил неэмоционально, без шуток, куда-то исчез-испарился его юмор. Вадик оказался прав: после его смерти, когда я через несколько месяцев попыталась выйти на свой сайт, он исчез. Исчез труд моего брата, но что это значит по сравнению с тем, что не стало самого Вадика!

Вадик ходил все время удрученный, мрачный. Последний раз он был у меня дома на дне рождения моей средней дочери, Рахили. Он почти ни с кем не разговаривал и подолгу сидел у компьютера. Мой старый компьютер вышел из строя, и Вадик его восстановил. Когда он уходил, я сказала: «Какой ты молодец, компьютер починил», а он мне в ответ, что, мол, ничего особенного, это любая обезьяна сделать сможет. Я попыталась возражать, но чувствовала, что бесполезно, что он себя ни в грош не ставит.

Выше я написала о его внезапном интересе к рисованию, к которому он остыл, как только почувствовал, что что-то получается. Это были какие-то метания его измученной души. На День Благодарения я и дети звали его к нам в гости, но не дозволили: он остался дома с родителями, и у всех троих было настроение отнюдь не праздничное.

Осенью Вадик познакомился по интернету с какой-то молодой женщиной. Он с ней переписывался, а потом они встретились. У мамы он стал вдруг выпрашивать, что делают вначале: знакомят с родителями, а потом делают предложение или наоборот, на что мама ему резонно ответила, что вначале надо самим как следует познакомиться. При первой встрече Вадик ей понравился, но когда они встретились во второй раз, его неуклюже-ернический тон ее отпугнул, и она решила положить конец этому знакомству. Для Вадика это было еще одним ударом по самолюбию. О его самом последнем романе я узнала позднее, когда прочла электронную почту брата после его гибели. Я написала этой женщине, назовем ее Оля, о том, что произошло. Она была потрясена и позвонила мне. Она, оправдываясь, сказала, что на последней встрече Вадик вел себя «неадекватно», стал говорить, что если они поженятся, то часть ее заработка они будут отдавать на благотворительность, то есть мысленно распоряжаться тем, на что у него не было никаких прав. Потом он ей просто довольно неуклюже предложил переспать, она отказалась и так закончились их встречи. Думаю, что мой брат не очень умел ухаживать за женщинами и довольно слабо разбирался в женской психологии. Оля узнала у меня, где похоронен мой брат, и сказала, что поедет на кладбище. Но я забегаю вперед.

Вадик понимал, что сидит на иждивении родителей, которые сами не располагают большим достатком, а делал вид, как будто не понимает и то ли наивно, то ли шутовски спрашивал маму: «А что означает: «встать на ноги?»». Когда он приехал в Америку, он сказал матери «Я уже старый», а ведь ему было едва за сорок. Как я теперь понимаю, он чувствовал свое бессилие и усталость. Один мой знакомый работал с умственно отсталыми людьми, и я попросила его похлопотать за Вадика и устроить его на работу в этом учреждении. Вадик пошел на собеседование, но на работу его не взяли. Впоследствии я пыталась выяснить почему, и мне сказали, что он не произвел впечатления человека, готового следовать указаниям начальства. Вадика казалось, что он сумеет найти подход к этим умственным инвалидам, и отказ в работе Вадик болезненно переживал. Еще одним ударом была безуспешная попытка устроиться на прежнее место работы, причем, сделанная самым неуклюжим и заведомо безнадежным образом: он просто поехал на фабрику к концу рабочего дня, а когда приехал, ему сказали, что там идет сокращение рабочих мест. Возвращаясь в метро с бывшим сослуживцем, Вадик не проронил за всю дорогу ни слова.... Это было 1 декабря. Родители не знали, где он и что с ним. Почему-то им представились картины, что сейчас принесут его одежду, что он утонул, как мамин брат. Когда Вадик пришел домой, мать бросилась к нему: «Сыночек». Вадик расплакался и убежал в ванную комнату. Мать чувствовала, что с ним творится неладное, и стала уговаривать пойти к психиатру. Вадик было согласился...

На следующий день он сказал, что все в порядке, что к врачу идти не надо, так как он успокоился. Незадолго до этого он говорил, что пора «снова надеть маску». Он ее и надел, обманывая мать, что он спокоен. Ни мама, ни я

этого не поняли и поверили... Как выяснилось потом, он пошел в синагогу заказать кадеш (3) по дяде и на почту – отправить два моих поэтических сборника сыну в Харьков. Он отказался от мобильного телефона, то есть расторг свой контракт с телефонной компанией, выключил компьютер, который у него постоянно был включен. Все это были знаки, понятные мне сейчас, но не тогда.

В день трагедии Вадик мало ел. Он готовился. Рано утром он заглянул в спальню к родителям и, когда отец еще лежал в постели, подошел к нему и стал его благодарить. Папа был еще спросонья и пробормотал: «Что ты, что ты?» Вадик поцеловал ему руку. Отец настолько ничего не понял, что, когда мама его тут же спросила, что Вадик ему сказал, он даже не смог вразумительно объяснить ей.

А ведь это он прощался... Но никто ничего не понял. Настолько мы были слепы. Настолько не готовы к постигшей нас трагедии...

Мама вечером заглянула в его комнату, принесла ему грейпфрутовый сок, а он ей внезапно: «Я тебе мешаю?» Этот вопрос был в духе его прежнего высказывания, тоже возникшего как бы ниоткуда: «Если я вам надоел, я уйду». Мама запротестовала: «Как ты, сын, можешь надоест?» Ужас заключался в том, что он себе надоел, он устал от себя, но мы ничего тогда не понимали. А между тем он готовился к своему самому последнему шагу бегства в никуда и свободы от всех, а главным образом от себя самого. Он готовился, чтобы погибнуть наверняка и прыгнул не на строительные конструкции под балконом, а с краю, так, что в земле образовалась выбоина и еще долго там оставалась

Статистика самоубийств: данные Всемирной Организации Здравоохранения
Сразу оговоримся, что не будем обольщаться насчет точности «самой точной из лже-наук», как некоторые именуют статистику. Статистические данные во многих странах мира занижены, так как довольно распространенной практикой является то, что многие действительные самоубийства считают просто несчастными случаями и регистрируются как таковые. Это делается иногда по незнанию, а иногда под влиянием того, что родственники или государственные организации не хотят смотреть в лицо правде. У родственников это может произойти из чувства стыда, у государственных организаций, особенно в странах, где привыкли приукрашивать и лакировать действительность, по стародавней привычке продолжать в том же духе. Как утверждает Всемирная Организация Здравоохранения, в мире от самоубийств погибает больше людей, чем от войн и терроризма. В 2000 г. около 1 млн. человек погибли от самоубийств, т.е. 16 человек на 100000 населения. За последние 45 лет уровень самоубийств возрос на 60%, и в настоящее время самоубийство является одной из трех лидирующих причин смерти возрастной категории от 15 до 44 лет. Цифры эти не включают многочисленных попыток самоубийств, которые двадцатикратно превышают количество самоубийств

«завершенных». Хотя традиционно большинство людей, покончивших с собой, – это мужчины среднего и пожилого возраста, число самоубийств среди молодых людей возросло до такой степени, что эта группа относится к самой высокой группе риска среди трети стран разного уровня экономического развития. Почти во всех странах мира наблюдается резкий рост числа самоубийств среди молодых людей, что внушает тревогу ученым, врачам и представителям медицинской общественности. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) делит все страны по показателю суицида на три группы:

- Низкий уровень самоубийств (до 10 человек в год на 100 тысяч населения) -, Ямайка (0.1), Барбадос (0.7), Армения (1.8), Гватемала (2.1), Парагвай (3.1), Албания (4.0), Узбекистан (5.5), Израиль (6.2), Панама (6.3), Республика Македония (6.8), Италия (7.1), Аргентина (8.7) и другие. (Данные за 2003 год). Средний уровень самоубийств (от 10 до 20 человек на 100 тысяч населения) – Люксембург (11.0), США (11.1), Исландия (11.2), Норвегия (11.6), Словакия (12.6). Чехия (15.3), Польша (15.8), Швейцария (17.6), Франция (17.6), Гонг Конг (17.4) и другие (данные за 2005 год) - Высокий и очень высокий уровень самоубийств (свыше 20 человек на 100 тыс. населения) – Эстония (20.3), Украина (22.6), Латвия (24.5), Казахстан (25.9), Венгрия (26), Россия (32.2), Литва (38.6). Эти данные тоже за 2005 год. У стран первой категории данные за 2005 год пока не обнародованы. Россия уже давно занимает прочную позицию в третьей группе с показателем 39,3 (для 2000 года) и 39,7 (для 2001 года), 32 (2005 г), 30 (2006) и 29 (2007). «Каждый год в России от суицида гибнет больше людей, чем в дорожно-транспортных происшествиях. В 2006 г. 42 855 человек покончили с собой в России. (4) В 2007 году вследствие самоубийств в стране погибло 41 329 человек – это население небольшого города», - сообщил Интерфаксу Б. Положий, руководитель Научного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского. Самый высокий уровень самоубийств среди мужчин среднего возраста наблюдается в странах Восточной Европы (Литва, Российская Федерация, Латвия, Венгрия) и Япония. (5) Россия и Литва лидируют также по числу самоубийств в странах Восточной Европы среди молодежи от 15 до 24 лет и также среди людей старше 65 лет. (6) Правда, эти данные относятся к 2000 году, и есть надежда, что цифры на сегодняшний день не выглядят так устрашающе.

Мифы о самоубийстве

Авторы книги *Suicide: An Essential Guide for Helping Professionals and Educators* (11) «разоблачают» 12 мифов о самоубийстве, многие из которых не просто неверны, но и вредны.

Миф 1. Люди, которые говорят о самоубийстве, не совершают его. На самом деле около 80% из тех, кто совершил самоубийство, говорил с кем-то о своих планах. Это мольба о помощи.

Миф 2. Самоубийство происходит без предупреждения. Те, кто совершает самоубийство, часто предупреждают о своих намерениях, хотя не всегда напрямую. Они начинают говорить о смерти, приводят финансы в порядок, отдают то, чем прежде дорожили, теряют аппетит, очень много пьют или увеличивают потребление наркотиков, перестают общаться с теми, кто бы мог им помочь.

Мой брат вдруг сказал маме: «А какая разница между жизнью и смертью?» Мама ему: «Вадик, что ты говоришь?» Он ей давал понять, что между ними стена, что они находятся по разные стороны от этой стены, но мама ему ответила, что она простая женщина и не понимает, о чем он говорит... Он отказался от мобильного телефона под предлогом финансовых соображений, заказал поминальную службу по дяде в синагоге, отослал сыну мои два моих стихотворных сборника, за два дня до смерти перестал подходить к компьютеру и очень мало ел.

Миф 3. Суицидальные натуры ищут смерти и хотят умереть и их невозможно остановить. Даже люди, находящиеся в состоянии глубокой депрессии, амбивалентны в отношении к смерти. Они не столько хотят умереть, сколько хотят окончить страдания. Немедленная практическая помощь может спасти человека.

Миф 4. Самоубийство связано с социо-экономическим статусом. Не существует данных для поддержания этой идеи. Самоубийство охватывает все слои общества.

Миф 5. Люди, которые совершают самоубийство, психически ненормальные, сумасшедшие, безумные. Около 90% взрослых, покончивших с собой, имеют или диагностированное психическое заболевание или алкогольно-наркотическую зависимость. Тем не менее, большинство психически больных людей не совершают и не пытаются совершить самоубийство, поэтому объяснять самоубийство только психическим заболеванием неправильно. Дело гораздо сложнее и включает в себя отсутствие механизмов, помогающих справиться со стрессом, приспособиться, ригидность мышления и т.п. Я думаю, что данный так называемый «миф» сформулирован неточно: надо было сказать, что не все психически нездоровые люди кончают с собой, но большинство из тех, кто убивает себя, имеют психическое заболевание.

Миф 6. Люди, которые угрожают самоубийством, просто хотят привлечь к себе внимание. Надо принимать всерьез любые попытки самоубийства. Окружающим лучше быть чрезмерно бдительными, чем страдать после трагедии.

Миф 7. Большинство самоубийств происходит во время праздников или в зимние месяцы. На самом деле трагедии происходят круглый год и их число даже слегка возрастает весной и в начале лета.

Миф 8. Суицидальные тенденции передаются по наследству генетическим путем. Пока что нет научных данных для подтверждения этого мнения, хотя психические заболевания и передаются по наследству. Дополнительным фактором риска является присутствие примера законченного самоубийства в семье, когда поступок одного члена семьи побуждает других смотреть на прежде немыслимое как на приемлемый вариант поведения. Вспомним семью Эрнста Хемингуэя: отец писателя Кларенс, сам писатель, его сестра Урсула и брат Лейкастер, его внучка Марго – все умерли, наложив на себя руки. Как отмечает К.Р. Джемисон, у тех, кто совершает самоубийство, в два или три раза больше вероятность присутствия самоубийц в их роду, чем у остального населения. (12)

Миф 9. Разговор о самоубийстве опасен, так как он подстегнет или подаст мысль о самоубийстве. Исследования показывают, что если говорить об этом должным образом, риск самоубийства уменьшается, а не увеличивается. Никогда не следует шутить по этому поводу, возвеличивать подобный поступок или рассматривать как разумную альтернативу для кого бы то ни было. Разговоры о самоубийстве не являются причиной самоубийства. (13)

Миф 10. Если суицидальный кризис прошел, то опасность миновала. Около 10% тех, кто пытался покончить с собой, в конце концов приводят свой план в исполнение и чаще всего в течение первых трех месяцев после кризиса. Есть теория, что как только психическое состояние начинает улучшаться, у человека появляется энергия совершить задуманное.

Миф 11. Самоубийство безболезненно, если совершено «правильно». Это неправда. Многие суицидальные методы вовсе не «чистый и аккуратный» способ уйти из жизни, а часто приводит не только к смерти, но к страшным травмам, тяжелой участи несчастного.

Миф 12. Хорошие люди не убивают себя и самоубийство не происходит в хороших семьях. Этот миф калечит и уродует судьбы оставшихся в живых, а также искажает память о погибших. Конечно же, хорошие, добрые и любящие убивают себя. Акт самоубийства редко основан на желании причинить боль кому бы то ни было. Он чаще основан на желании избавиться от боли.

Эта мысль о первенствующем значении психологической боли принадлежит американскому ученому, одному из самых серьезных и почитаемых исследователей суицида, Эдвину Шнейдману. (14) Он считает, что для предотвращения самоубийства надо не столько заниматься изучением структуры мозга, статистики или психических заболеваний, сколько человеческими эмоциями и неудовлетворенными психологическими потребностями. Чтобы лечить суицидальную личность, надо в первую очередь идентифицировать, найти и уменьшить мучительную боль,

попытаться найти пути к удовлетворению базовых психологических потребностей, обозначенных доктором Генри Мюррей. (15)

Социальные и личные потребности человека

Потребность в достижениях, которая существует у каждого. На американском правительственном интернет сайте Suicide Prevention Resource Center утверждается, что увеличение уровня безработицы прямым образом связано с ростом числа самоубийств. Если говорить о моем брате, то Вадик, вероятно, очень стыдился того, что не достиг определенного экономического статуса, хотя и прикрывал эту боль бравадой и вопросами «А что это значит: «стоять на ногах»? Его психологическое состояние не давало ему возможности «привязать» себя к определенной службе, а он выставлял дело таким образом, что его данное положение устраивает и радовался пособию по безработице, хотя в душе, я думаю, стыдился, особенно перед родителями. Мама не скрывала того, что расстроена его неблагополучием, отец ходил мрачный, и Вадик все это видел...

Потребность в принадлежности. Семья моего брата оказалась разрушенной: вторичный развод с женой, разлука с сыном. На то, чтоб завести новую семью, ему не хватало ни, как я понимаю, душевных сил, ни экономической независимости, хотя подходящие кандидатуры имелись, и были женщины, которые ему нравились. Его самые близкие друзья оказались в разных странах: России, Канаде, Израиле. Он то думал ехать к одному другу в Россию, утешать его после смерти матери, то к другому другу – в Канаду, но отказывался от этих мыслей, так как не имел ни сил, ни средств.

Потребность в автономии. И эта потребность у моего брата оказалась неудовлетворенной. В 40 лет он снова стал жить с родителями. Он, который рвался к самостоятельности буквально с пеленок! Снять квартиру или отдельный угол ему не хватало средств, так как четвертую часть своего грошового заработка отсылал сыну на Украину. Находясь на пособии по бедности, он подал заявление на получение отдельной городской квартиры, но надо было ждать...

Потребность в самовыражении. Вадик развлекал моих детей, которые искренне были ему рады. Я же заводила с ним занудливые разговоры о планах на будущее и давала непрошенные советы. Отца веселость Вадика порою раздражала. Папа, будучи всю жизнь «добытчиком» для своей семьи, расценивал несерьезность сына как безответственность, стыдился и страдал, и, я думаю, Вадик это чувствовал...

Потребность в ненарушимости психологического пространства. Вадик был очень скрытным человеком в очень открытой семье. Это противоречие с самого детства приводило к конфликтам. Так, трудно было добиться от него, чтобы он сообщал, куда он идет, когда вернется. Мои родители с детства волновались за его безопасность... Он мог часами сидеть в своей комнате: тихий интроверт в среде шумных экстравертов. Мы «лезли» к нему с вопросами и советами, а когда «отстали» - случилось непоправимое...

Потребность в том, чтобы быть любимым. У Вадика не складывались отношения с женщинами, и это его не могло не угнетать. Я уже писала о его

неудачной попытке ухаживания и беседах о женитьбе незадолго до его гибели. У Вадика, когда он приехал в Америку, был также какое-то время роман с одной очень симпатичной молодой женщиной. Наш дядя (дядя Алик) познакомил Вадика с дочерью своего друга. У нее была дочь, подросток. Вадику она явно нравилась, а мои девочки прозвали ее «графиня вишенка» за темные глаза и темные вьющиеся волосы. Она работала в госпитале, была интеллигентна, и мы все были бы очень довольны, если бы у Вадика сложились бы серьезные и прочные отношения. Но Вадик оставил ее через некоторое время, так как тот факт, что его с ней познакомил дядя, его каким-то образом связывал, обязывал, короче, мешал. Я думаю, что развал собственной семьи тяжелым камнем давил на совесть моего брата и не давал ему покоя. Что касается нас, то я не думаю, что Вадик придавал значение нашим чувствам. Уж слишком он был погружен в себя, как будто «не замечая» мать, которая старалась во всем ему угодить и не потревожить. Перед тем, как это свершилось, она ему постелила «веселенькое» (цветное, с узорами) новое постельное белье. Эти знаки любви (через еду, уход, заботу) проходили как будто мимо него, уходили в пустоту... За несколько дней до трагедии, в День Благодарения, я его настойчиво приглашала прийти, девочки его ждали, но ему уже было не до нас...

Факторы риска самоубийства

1. Диагностированное психическое заболевание, депрессия

Исследования показывают, что у 90% самоубийц существует психическое заболевание.(16), и из этих причин наиболее частая – депрессия. По другим данным, эти цифры даже выше и приближаются к 95%. (17)

Хотя только небольшой процент людей, страдающих психическими проблемами, пытается себя убить или убивает себя, подавляющее большинство самоубийц – больные люди. В основном эксперты сходятся на том, что из всех людей, убивших себя, у 30 % наблюдается депрессия в чистом виде, 30% страдают депрессией в сочетании с алкоголизмом и/или наркоманией (что в целом составляет 60%), а остальные 40 % кончают с собой под влиянием других факторов. То есть, грубо говоря, две трети людей, покончивших с собой, находились перед этим в состоянии депрессии. Конечно же, далеко не все люди с диагностированной депрессией кончают с собой. Только 7 из сотни мужчин и одна из сотни женщин. (18)

Мать одного из молодых людей, покончивших с собой, писала: «Мы ничего не знали о клинической депрессии. Из-за ограниченного рынка работ, связанного с сочинительством (молодой человек получил филологическое образование – Прим. автора), мы думали, что депрессия сына вызвана тем, что он не мог найти работу по специальности. Как страшно мы недооценивали умственную пытку, которую он претерпевал. Как глубоко я сожалею о своем невежестве и бездействии, чтоб ему помочь. Я больше не смотрю на смерть как на рациональный выбор, но как на ужасный результат неослабевающей клинической депрессии, которая блокировала его мышление и в конечном счете привела к его смерти». (19)

Когда врач, приехавший освидетельствовать смерть моего брата, спросил меня, почему он покончил собой, у меня вылетело: «депрессия». Знала ли я о депрессии? Знала. Понимала ли я, что мой брат хронически страдает депрессией? Нет, я знала очень мало об этом, я не думала, что я могу, имею право кого-либо диагностировать. Я понимала, что ему нужна помощь профессионального психолога или психиатра, но когда я заводила об этом разговор, то брат мне отвечал: «Иди сама к психологу» или «Зачем ты мне советуешь? Я же не советую тебе, как жить». Мы никогда не говорили с братом о самоубийстве и не расспрашивали его о том, что он пытался сделать в Израиле. Нам просто не приходило в голову, что он может совершить подобное, приехав в нам, живя рядом с нами.

Так что же такое «депрессия»?

Вот что написано в брошюре, опубликованной National Institute of Mental Health США: «Заболевание депрессией – это болезнь, которая вовлекает тело, настроение и мысли. Она влияет на то, как человек ест и спит, на его самооценку и взгляд на окружающий мир. Депрессивное заболевание – это не то же самое, что преходящее плохое настроение. Это не признак персональной слабости или состояние, от которого можно избавиться по собственной воле. Люди, заболевшие депрессией, не могут просто «постараться изо всех сил» и почувствовать себя лучше. Без лечения симптомы могут длиться неделями, месяцами или годами». (20)

National Mental Health Organization США (www.nmha.org) определяет депрессию как медицинское состояние, которое вызывает продолжительные периоды печали наряду с чувством безнадежности и иногда глубокой эмоциональной боли. Болезнь может затронуть людей любого возраста, безотносительно к полу, расе или материальному положению. Заболевание может быть вызвано целым комплексом причин от химического дисбаланса в мозгу, генетической предрасположенности и злоупотребления алкоголем и наркотиками до телесных заболеваний и травматичных жизненных событий. Более 19 млн. американцев (9.5 % населения) страдают депрессией, причем у многих из них болезнь не диагностирована, они не лечат свое заболевание.

Термин «депрессия» предложен был Адольфом Мейером, психиатром, работавшим в американском университете Джона Хопкинса, и, как полагал Уильям Стайрон, термин этот очень неадекватен, поскольку депрессия скорее напоминает шторм, бурю, разыгрывающуюся в сознании человека. Никто не может с точностью определить причины этой бури, поскольку она может быть сложным взаимодействием различных факторов, таких, как биохимия мозга, генетика, внешние и внутренние факторы, поэтому бессмысленно все сводить к какой-либо одной причине, как и в том случае, когда мы говорим о самоубийстве. (21)

В настоящее время приблизительно 6 млн. мужчин США больны депрессией. Обычно мужчины обращаются или к алкоголю и наркотикам, или уходят в работу, раздражаются, сердятся, дерутся или пускаются во все

тяжкие, то есть рискованное поведение с трагическим концом. (22) Мужчины гораздо реже, чем женщины, обращаются за помощью к близким, друзьям или психологам. Сказываются навязанные обществом стереотипы мужского поведения. *Я думаю, что у моего брата тоже были свои стереотипы поведения типичного мужчины, и он просто органически не мог пожаловаться и просить о помощи своих родных или посторонних людей. Как тут не воскликнуть еще раз «если бы»?!*

По статистике женщины испытывают депрессию в два раза чаще, чем мужчины. В настоящее время 12 млн. американок больны депрессией. (23) Особенно угрожающую форму депрессия принимает у стариков-мужчин, резко возрастая после 70 и достигая пика после 85 лет. Последнее время более серьезное внимание стали уделять депрессии у детей. Раньше это заболевание часто проглядывали, относя к трудностям переходного возраста.

Те, кто заболел депрессией хоть однажды, имеют шанс заболеть ею повторно. «От 10% до 25% женщин от 5% до 12% мужчин рискуют заболеть депрессией в течение жизни. По крайней мере у 60% людей, переживших тяжелое заболевание депрессией, можно ожидать рецидива. Тем, кто имел два эпизода, имеют 70% вероятность заболеть в третий раз, а те, кто имел три эпизода, – 90 % вероятности заболеть в четвертый раз». (24)

Каковы симптомы депрессии?

- Изменения в настроении: частые настроения постоянной печали, беспокойства или ощущение «пустоты», чувство безнадежности, пессимизм, беспокойство, раздражительность, даже плаксивость
- Изменения в самовосприятии: чувство вины, собственной ничтожности, неадекватности, беспомощности
- Отсутствие или резкое снижение чувства удовольствия: потеря интереса или наслаждения от хобби и занятий, которые ранее доставляли наслаждение, включая секс
- Изменения в уровне физической активности: пониженная энергия, замедленная реакция, усталость, чувство заторможенности, или, наоборот, неумное перевозбуждение и беспокойство
- Трудности с концентрацией, памятью, принятием решений
- Перемены в режиме сна: бессонница, беспорядочные часы сна или чрезмерно долгий сон
- Перемены в режиме питания: значительная потеря в весе без соблюдения особой диеты или переедание и прибавка в весе
- Ощущения отсутствия перспективы: мысли о безнадежности, смерти или самоубийстве, попытки самоубийства

Перечисленные признаки могут сопровождаться физическими симптомами, которые не поддаются лечению: например, головные боли, проблемы с пищеварением или хроническая боль.

American Psychiatric Association считает, что для диагноза депрессии по крайней мере пять из вышеперечисленных признаков должны присутствовать в течение 2-х недельного периода и быть чем-то новым по сравнению с предыдущим состоянием.

Брат мой уже давно ходил «как в воду опущенный», хотя временами напускал на себя беззаботный вид. Он был не из болтливых, и трудно было проникнуть в его настроение. Мой муж давно мне говорил, что шурин ходит, словно у него какая-то тайна: так ходят люди, скрывающие или большой долг, или пагубные пристрастия. Но о самой роковой тайне моего брата никому не было дано догадаться...

Теперь, восстанавливая драгоценные крупицы его жизни, вспоминаем, что он жаловался маме на то, что он уже старый (в 40 лет, когда он только что приехал из Израиля), что он «старый, больной человек» (его дежурная шутка, а теперь я думаю - признание). Он говорил, что сам во всем виноват, но не уточнял, в чем именно.

Он просыпался еще затемно и мог отправиться на прогулку или спал до 12 часов дня, он набрал вес, бездумно жуя конфеты, семечки, все, что попадало под руку, пока мама не стала его ограничивать. Мы не знали, о чем он сосредоточенно думает, пощипывая свои губы и уставившись в одну точку. Были ли это мысли о самоубийстве? Авантюрные планы? То, что у него были предыдущие попытки самоубийства, служило почти гарантией, что он попытается это сделать опять, но мы об этом не знали. Мы «засчитывали» только одну попытку: ту, когда он резал себе вены в Израиле, но его спускание с пятого или третьего этажа на веревке? Его драки? Его пьянство? Все это было симптомами суицидального поведения, хотя этот термин закрепился у меня в голове намного позже. Когда моего брата не стало.

Он страшно засуетился, когда понял, что срок пособия по безработице истекает и ему надо срочно что-то предпринять. Да, у него усилилась раздражительность. Его раздражало многое в моей семье, его раздражала материнская забота, мои советы. Его волнение и взбудораженность, которые мы ощущали, не зная, что это признаки грядущей беды, мы сполна прочувствовали до его кончины...

Ему было трудно принять какое-либо решение, что свойственно многим людям и не является признаком какого-либо заболевания, но, мне кажется, иногда он не мог принять решения по сущим пустякам и колебался. Так, он советовался со мной из Израиля, что сказать соседу по поводу ремонта собственной машины, как будто я издалека могла лучше понять ситуацию, чем он. Что касается трудностей с концентрацией внимания, то, незадолго до гибели, когда я ему советовала заполнить анкету для какого-то учреждения, чтобы они помогли ему с поиском работы, он оборвал телефонный разговор, сказав, что он в таком состоянии, что не может

даже анкету заполнить. Я встревожилась и решила «отстать» от него, чем и поделилась с мамой. Мы не хотели ему надоедать...

Особый риск в отношении самоубийств представляют больные депрессией, которые:

- Ощущают безнадежность
- Подвержены вспышкам гнева, ищут отмщения
- Ведут себя безрассудным образом и рискованно
- Чувствуют, что они попали в западню, что у них нет выхода
- Увеличивают употребление алкоголя или наркотиков
- Находятся в изоляции от друзей, семьи, общества
- Ощущают волнение, возбужденность, неспособность спать или, наоборот, все время спят
- Испытывают резкие смены настроения
- Выражают мысли о бессмысленности жизни и отсутствии цели

Но вернемся к разговору о депрессии. Мы уже говорили о том, что это не просто плохое настроение, но болезнь. Нервные клетки производят нейротрансмиттеры (нейромедиаторы) мозга, но при стрессе или перерасходе энергии уровень потребления нейротрансмиттеров уменьшается. По данным современной науки, существует прямая связь между уровнем содержания в мозгу химических веществ-нейромедиаторов или, нейротрансмиттеров. Многочисленными исследованиями доказана связь уровня содержания серотонина в мозгу с депрессией: недостаток серотонина ведет к депрессии, а увеличение содержания его с помощью лекарств позволяет лечить это заболевание, хотя, как и все в медицине, не является панацеей и гарантией успешного лечения. Уменьшенное содержание серотонина было найдено в мозговых тканях самоубийц и в спинном мозге тех, кто пытался покончить с собой. Новое исследование международной группой ученых лаборатории Молекулярной и Клеточной Неврологии при Университете Рокфеллера показывает связь определенного гена *rr11* с уровнем передачи серотонина в крови. Ученые полагают, что этот ген может играть ключевую роль в подверженности депрессии. **(25)**. Это исследование было поддержано Народной Службой Здравоохранения США и Исследовательским Советом Швеции.

Происходит химический дисбаланс в мозгу, и без медикаментов (антидепрессантов) тут не обойтись. Расхожие и невежественные представления чуть ли не уравнивают антидепрессанты с наркотиками. Люди опасаются того, что у них сможет сформироваться зависимость от лекарств и того, что эти лекарства заставят их измениться и превратиться в кого-то другого. Это совершенно неверно. Лекарства не являются панацеей, но необходимы в сочетании с психотерапией, физическими упражнениями, витаминами и рыбьим жиром, прогулками днем при солнечном свете, то есть с целым комплексом мер. Однако коварство депрессии заключается в том, что нельзя быть успокоенными насчет полного выздоровления больного.

Напрасно рассчитывать, что залеченная депрессия никогда не вернется (об этом уже писалось выше).

Депрессия – это психосоматическое заболевание, и как все медицинские состояния, депрессия затрагивает всего человека в совокупности с эмоциональным, душевным, духовным и физическим содержанием. Иногда депрессию путают со скорбью и болью утраты. Человек может горевать месяцами о потере близкого человека, но это еще не означает, что он находится в депрессии. И наоборот, с внешней стороны может все быть благополучно, а человек заболевает депрессией... Депрессия, вопреки расхожим представлениям, – это не печаль, не эмоциональная проблема, не состояние, от которого можно «встряхнуться» усилием воли, и не простая слабость. Депрессия происходит не от лени или слабости. Она не происходит по вине самого человека и не является следствием его собственного выбора. Некоторые думают, что депрессия – это способ привлечь к себе внимание или проявление эгоизма. Жестокое заблуждение! Религиозность здесь тоже не при чем: болеют депрессией и священники, и прихожане, и, возможно, святые. Есть даже мнение, что Апостол Павел болел депрессией и по ряду признаков приступы депрессии были свойственны Матери Терезе. Депрессия поражает не только людей в развитых индустриальных странах. Просто в этих странах повышенное внимание к психическому здоровью человека, лучшее медицинское обслуживание и более точные статистические данные. Она затрагивает всех, от мала до велика. Ее нельзя «переждать» в надежде, что болезнь пройдет, и ее нельзя излечить силой воли и позитивным направлением мысли. Заболевшие депрессией люди могут ходить на работу и внешне не отличаться от здоровых, но это не означает, что с ними все в порядке. Это болезнь, и заболевшие нуждаются в помощи точно так же, как все больные. «Когда человек чем-либо заболевает, он заболевает весь целиком. Депрессия, как астма и диабет, не нуждается в «причине», чтоб случиться, – она просто приходит. Депрессия – это болезнь». (26)

Для лечения от депрессии существует целый ряд средств, включая медикаменты, так называемые антидепрессанты. Надо отметить, что антидепрессанты не являются единственным средством лечения и почти всегда предписываются в сочетании с психотерапией. Хотя улучшение бывает заметно часто в первые недели, для полного эффекта необходимо принимать антидепрессанты от 3-4-х и до 9 недель. Опасно бросать эти лекарства: все надо делать по предписанию психиатра. Некоторым людям необходимо принимать эти лекарства долгое время, если не постоянно. Люди иногда отказываются от лекарств из-за стыда, страха и побочных эффектов (поноса, например). У некоторых пациентов, находящихся в очень тяжелой фазе заболевания, антидепрессанты повышают риск самоубийства. Это происходит, думают ученые, возможно потому, что у тяжело больных нет сил на то, чтоб что-то предпринять, а лекарства возвращают им какую-то энергию и позволяют довести свой план до конца.

Смертельно опасно принимать алкоголь в сочетании с антидепрессантами. Если депрессия – не единственное психическое отклонение у заболевшего (например, шизофрения), то могут и должны быть предписаны и другие медикаменты. Бывают случаи, когда антидепрессанты не срабатывают, и тогда на помощь приходит электрошоковая терапия, которая печально известна по фильму «Пролетая над гнездом кукушки». Фильм этот наделал в свое время много шума и под давлением общественного мнения в Америке электрошоковая, или электроконвульсивная терапия утратила популярность как метод. Тем не менее, исследователи продолжали работать над ее совершенствованием и сейчас этот метод стал более точен, эффективен и побочные явления сводятся к минимуму. Известно, что электрошоковая терапия повышает уровень нейротрансмиттеров мозга и стимулирует рост нервных клеток на участках, затронутых депрессией. Эта терапия существует как крайний метод, и ее применяют почти в безвыходных случаях. Так, например, одна тяжело больная женщина билась головой о стены и только электроконвульсивная терапия помогла вывести ее из этого состояния. Электроконвульсивная терапия также эффективна в лечении суицидальных больных. Пациентов усыпляют с помощью снотворного, вводят препарат, парализующий мускулы при конвульсии. Подается на одну секунду электрический разряд через электроды, прикрепленные к черепу. Все это время пациент спит, а за его жизненными функциями врачи наблюдают через аппараты. Для улучшения безопасности пациенту подается кислород. Тридцать секунд продолжаются невидимые никому конвульсии. Затем пациент просыпается, чувствуя себя, как под влиянием снотворного. Около 5% пациентов могут испытать серьезную потерю памяти. В основном же наблюдается потеря памяти на короткий промежуток времени и ухудшенная память в течение последующего месяца. Только 0,5 % пациентов, испытавших этот вид лечения, имеют проблемы с памятью в течение продолжительного периода.

Депрессия может случиться один раз в жизни, она может повторяться время от времени или она может стать хроническим заболеванием. Она может проявляться в мягкой, умеренной или наиболее суровой форме. Наиболее серьезная форма депрессии – это когда способности человека к обычной рутинной жизнедеятельности очень сильно уменьшены: он не может заставить себя вылезти из постели, постоянно плачет и не способен концентрироваться в беседе.

Депрессия может быть вызвана целым рядом причин. Внешние причины, такие, как потеря близкого человека, предательство, потеря работы, финансовые проблемы важны так же, как и физические, внутренние: хирургическая операция, физическая травма, сердечный приступ, болезнь Альцгеймера, рождение ребенка, инсульт и др. Некоторые люди генетически предрасположены к депрессии. «Неизвестно, что чему предшествует: депрессия или химические изменения в мозгу. Одни думают, что определенные люди имеют генетическую предрасположенность к

химическому дисбалансу, но он приходит в действие только под влиянием определенных факторов в окружении. Другие считают, что депрессия первична, что она изменяет химический состав мозга и что генетическая предрасположенность не при чем. Известно, что такого рода химические изменения происходят у людей, пострадавших от стресса или травмы». (27) Вопрос остается спорным, и я не берусь судить, кто прав в этом споре. Коварство депрессии заключается в том, что она может «скрутить» человека без явных внешних или внутренних причин. В приложении к своей работе я привожу перевод с английского известного стихотворения американского поэта Э.А. Робинзона «Ричард Кори». Самоубийство героя, такого внешне благополучного в глазах окружающих, остается полной загадкой для них и для читателей, недоумевающих, почему процветающий герой, предмет для подражания и восторга, вдруг решился на страшный шаг.

Часто толчком к заболеванию депрессией служат потеря близкого человека и развод, но это вовсе не обязательно. Человек может заболеть при самых радужных на первый взгляд обстоятельствах, когда все прекрасно с внешней стороны. Серьезный физический недуг и злоупотребление алкоголем и наркотиками усугубляют заболевание.

Что испытывают люди, находящиеся в состоянии депрессии?

- «Чувство отчаяния, горя»
- «Ощущение непоправимости жизни»
- «Если бы кто-нибудь дотронулся до меня, я б задрожал, как стекло: я хочу, чтоб меня касались, но не могу пойти на такой риск».
- «Я не помню, кто я, что мне удается, что во мне такого, чтоб любить, что мне доставляло удовольствие – все ушло, погребено где-то. Я не могу это найти, я не знаю, где искать и у меня нет энергии: какой смысл?»
- «Не в состоянии выносить мысли о том, что боль продлится еще»
- «Полностью без энергии, не в состоянии ничего решать, думать, двигаться, видеть, слышать».
- «Мертв. Уже умер. Здесь пустота. Это не мое тело, то, что ходит и говорит. Я не в нем. Я не существую. Почему остальные этого не видят? Они не хотят видеть». (28)

Вот письма, которые Вадик прислал мне по электронной почте во время обострения своего душевного кризиса в Израиле. Они были написаны уже после его попытки самоубийства в Израиле и после того, как мама уехала. Он тогда уже ушел из семьи и жил один. Это отчаянные крики о помощи, сигнал SOS с тонущего судна. В них и безнадежность, и чувство вины, и беспомощность – все классические признаки депрессии. Вероятно, те же чувства он испытывал и через три года перед тем, как уйти из жизни. Только на этот раз он ни с кем не делился...

22 апреля 2001 г. 6: 17 утра

Я хуже Инны. Инна любит своих родителей и брата, а я получается не люблю. Если бы любил не мучился. Хуже всех своих товарищей. Они все для кого-то живут. А я всегда жил и продолжаю только для себя самого. Если бы это было не так то я бы это не писал и не ходил бы в депрессии. Я трус ты правильно в детстве говорила мне это. А Беер-Шева была доктор. Инна тоже наверное была доктор. А я ее предал как предавал всех всегда. Простите меня. Я ищу силы держаться но совесть бьет и бьет. Я не достоин такой хорошей семьи недостойн жить в Америке . Ничего не достоин. Не бойся я держусь но уже из последних сил.

22 апреля 2001 г. 6:30 утра

Я больше всего перед родителями своими и всем родом виновен и перед мертвыми и перед живыми. И перед Инной и перед сыном и перед всем миром. И перед детьми твоими и перед Рафиком. Я сам загнал себя в угол как крыса и не вырваться из него. И помощь не придет ниоткуда. Сам себе не могу помочь значит никто не поможет. Ни психолог ни раввин. Не только свою жизнь калечу но и окружающих своих.

22 апреля 2001 г. 6:36 утра

Психолог, гадалка, раввин могут успокоить, а меня нет потому сам вижу свою черноту.

22 апреля 2001 г. 6:38 утра

Почему не уехал из Беер-Шевы и сидел там столько лет. Из трусости. Там и сгнил. Мог выздороветь но упал низко

22 апреля 2001 г. 7:00 утра

Мама! Вместе мы все сможем решить все выдержим. Приезжай ко мне. Будем жить вместе. Это все неправда. Не заслужил я этого.

22 апреля 2001 г. 7:12 утра

Прости меня Лиля! Не читай все это. Порви и выкинь не показывай родителям. Я сам справлюсь.

22 апреля 2001 г. 8:27 утра

Лиля это все пройдет, пройдет как плохо что столько лет я был один и говорил сам с собой а потом изменился и стал уродом. И был уродом мог исправиться но не сумел преодолеть трусость. Покажи как-нибудь экстрасенсу наши семейные фото. Как себе я надоел. Отравился своей персоной. Ужас. Как к людям идти если я такой ужасный. Пальцы пишут.

22 апреля 2001 г. 8:25 утра

Плохо менять свои убеждения. Воспитывай дочек так чтобы они потом их не меняли. Страшная ночь вокруг. Там далеко только огонек и не видно где он горит. Просто я пишу. Не обращай внимания. Я как бы с тобой разговариваю. Без этого только со своими мыслями. А ни с кем больше права

у меня нет. Отнеси фото к экстрасенсу если знаешь кого. Я всех боюсь и никому не верю.

22 апреля 2001 г. 9:33 утра

Извини что так мучаю тебя. Мне очень стыдно. Это эгоизм все время привлекать к себе внимание. Черная душа у меня.

22 апреля 2001 10:12 утра

Не говори родителям что тебе я пишу. Ты не придавай этому значения. Оно само собой выходит. Просто я твои стихи иногда читаю и пишу. Что-то сегодня не могу работать. Раньше всегда после субботы мог только в субботу было тяжело. А сейчас не могу. Как перестать всего бояться и принимать какие-то решения. Комплиментарная логика очень этому мешает. Я смотрю часто наши старые фото. Все такие хорошие и добрые а я один злой неискренний и лживый. Как научиться радоваться жизни снова и не мучать всех своим жалким существованием.

23 апреля 2001 г. 12:33 ночи

Лиля не обращай внимания на письма. У меня все хорошо. У этой истории еще грань. Инна водила своего брата к ясновидящей чтобы избавить от любви к девушке которую она считала ведьмой. Та его расколдовала и по законам воздаяния Инна разрушила свою семью. Может и так. И кто я такой лишь тля ничтожная чтобы рассуждать о промыслах всевышнего. Знаю лишь вину свою.

23 апреля 2001 г. 2:32 ночи

Инна прокляла мою программу. Начиная с января не могу ее написать.

23 апреля 2001 г. 3:26 ночи

Это все длинная история так закрученная что уже не раскрутить. Чок-чок волчок. Не дает мне писать. Простые вещи не идут. Вот так.

23 апреля 2001 г. 5:03 утра

Пиши Лиля пожалуйста. Не обращай внимания на мои письма. Не волнуйся.

23 апреля 2001 г. 6:06 утра

Лиля! Не говори пожалуйста маме про что я тебе пишу. Ее сердце может не выдержать. Она очень любит меня. Брак наш был свыше. Сгубили его мы оба, себя виню больше. Я не знал женщин, отвык от людей. В руках у меня много лет был меч войны со всем миром а сердце было пустое. На операцию Инна шла желая себе смерти. А я, даже будучи согласен отдать ей жизнь, на вопрос согласен ли жить с ней предпочел смерть для нас обоих в руках моих опять был меч. До операции вылилось ее отношение ко мне в истории с братом, которого она любит животной материнской любовью, это я сейчас понял, а я написал безумные откровения про свою связь в Москве больше потому что она меня замучила с этой

историей. А потом все уже не зависело от нас и шло как по накатанной, слова, люди, события. Теперь уже ничего изменить нельзя. Это поняла и ясновидящая. Не считай меня сумасшедшим. Реальность в которой мы живем не всем дано видеть и это очень хорошо. Много знания – много печали. Это длинная грустная история. За меня не волнуйся. Я выдержу. Вернуться не смогу. Не говори маме и отцу.

23 апреля 2001 г. 6:12 утра

Странно устроен мир. У меня любовью и на одной руке пальцев хватит сосчитать а от них: переломы: 2 руки, нога, зуб, челюсть, что еще не помню. Душа вот еще, сердце вырвано. Не говори маме, все равно нет обратной дороги.

23 апреля 2001 г. 9:03 утра

Лиля! Не пугайся что я пишу эти рассуждения вслух. У меня все нормально. Целую. Вадик

23 апреля 2001 г. 9:45 утра

Лиля! Почему ты меня гонишь к психиатру. У меня ведь нет людей с кем говорить а я пишу тебе. А ты со мной не разговариваешь, а гонишь к какому-то психиатру. Я не хочу с ним говорить, он мне чужой человек. Если не хочешь я не буду тебе писать но у меня больше нет никого с кем могу открыто говорить. Вадик.

Вот письмо, пришедшее обычной почтой и написанное в те же дни.

22 апреля

Здравствуй дорогая мама! Правильно все ты пишешь. Только неправильно. Что это ты помогла мне принять решение. Не бери на себя это. Это я сам в больнице во время операции так решил, а остальное только было следствием, за что и плачу. (Вадик имел в виду решение о разводе с Инной – Прим. Автора) И задним числом уже вижу свои ошибки и темноту. Ты мне вытерпеть помогаешь, чувствовать свою нужность. Сейчас знаю, как из той ситуации можно было достойно выйти, но поздно конечно. И корни всей этой истории глубоко уходят, кривые они и больные. Поэтому и доверия нет. А восстановить его здесь не получилось, каждый опять тянул все на себя. А что не на себя, вероятно тоже было половинчатым и с оглядкой. Очень все это грустно. Но ничего. Надо как-то вытерпеть. Писал как-то Лиле, что может уеду на время из Израиля. Она сильно возражает. Не надо, прошу вас на меня в этом давить. Слушаешь твой голос и голос своей совести, решать все равно надо все самому. Даже после того как оторвавшись от земли, я столько лет поступал в зависимости от того куда ветер подует. Не грусти все образуется и будет хорошо. Целую Вадик.

Вот фото сосед сделал.

Всех вас очень люблю.

Меня настолько поразили тогда эти письма, что я их распечатала и решила сохранить, уж не знаю с какой целью, наверное, чутье историка подсказало. Если бы у меня была подруга-психолог, то я непременно пошла бы к ней с этими письмами, а записаться на прием без самого «пациента» мне не пришло в голову. Можете себе представить, каково мне было читать эти лихорадочные излияния и знать, что я нахожусь за тридевять земель и ничем не могу ему помочь. Можете себе представить, каково мне перечитывать эти послания сейчас...

Вообще с Вадиком у меня, да и у родителей всегда было страшное предчувствие, что мы его можем потерять: тюрьма, поножовщина, террористический акт в Израиле, да мало ли какой ужас? Самоубийство не входило в число «страхов», так как ни я, ни мои родители не подозревали, что у тех людей, у кого уже была попытка самоубийства, высока вероятность повторения подобных попыток, и чем больше было попыток, тем выше вероятность. Мы не могли связать воедино узлы той загадки, которую представлял для нас Вадик, мы не видели во многих эпизодах его жизни теперь очевидную для меня линию суицидального поведения. Мой дядя Алик только говорил время от времени, что мы Вадика «не понимаем», но когда попытался с ним объяснить, это ни к чему не привело. Я писала об этом, поэтому не буду повторяться.

Известный американский писатель Уильям Стайрон, переживший депрессию и бывший на грани самоубийства, писал: «Из множества ужасных проявлений болезни, физических и психологических, чувство ненависти к себе или, не так категорично, крушение чувства самоуважения – один из наиболее распространенных симптомов...» (29)

Чувство боли при депрессии, как свидетельствуют многие, не поддается описанию. У. Стайрон пишет: «...такая непостижимость обычно происходила не из-за отсутствия симпатии, но из-за коренной неспособности здоровых людей представить форму пытки, чуждую повседневному опыту. Для меня эта боль наиболее тесно связана с чувством, когда тонешь или задыхаешься, но даже эти образы не точны. Уильям Джеймс, который долгие годы боролся с депрессией, сдался в поисках ее адекватного изображения, подразумевая почти невозможность оно, когда он писал в «Разнообразиях Религиозного Опыта» (The Varieties of Religious Experience): «Это действенная и активная боль, сорт психической невралгии, совершенно неизвестный нормальному существованию». (29) Небольшая книга У. Стайрона уникальна тем, что страдания человека, погруженного в депрессию, описаны языком талантливого писателя.

Общество в основном не понимает, каково состояние людей, решившихся на самоубийство в состоянии депрессии. Уильяма Стайрона неприятно резануло, как публика отреагировала на самоубийство Примо Леви, замечательного итальянского писателя, пережившего Холокост в Освенциме и покончившего с собой в мирное время. Правда, надо сказать,

что не всеми признается то, что Примо Леви покончил с собой и до сих пор существуют разногласия на этот счет. Но в то время, как он умер, версия о его самоубийстве была распространена и многие недоумевали, как мог человек, мужеством и стойкостью которого так безмерно восхищались, вдруг обнаружить такую слабость характера! Между тем, как утверждает У. Стайрон и как подтверждает статистика, депрессия может случиться с каждым.

Уильям Стайрон писал: «Нет никакого сомнения, что депрессия в своей экстремальной форме – это сумасшествие. Это сумасшествие является результатом отклонившегося от нормы биохимического процесса. Было установлено довольно определенно (после сильного сопротивления со стороны многих психиатров и не так давно), что это сумасшествие вызвано химией нейромедиаторов мозга, вероятно, как результат систематического стресса, который по неизвестным причинам вызывает уменьшение химических веществ норепинофрина и серотонина и увеличение гормона кортизола. При всем этом «перевороте» в тканях мозга, нехватках и истощении химических ресурсов неудивительно, что человек начинает чувствовать себя удрученным, подверженным удару, и замутненные мыслительные процессы начинают фиксировать буквально конвульсии мозга. Иногда, хотя и не очень часто, такое больное сознание будет склоняться к насильственным действиям в отношении других. Но так как у людей с депрессией сознание большей частью обращено на самих себя, эти люди становятся опасны только для самих себя. Безумие депрессии, вообще говоря, - противоположно насилию. Это буря, но буря во мраке. Вскоре становятся очевидны замедленные реакции, почти паралич психической энергии, сжатой почти до нуля. В конце концов тело чувствует на себе этот эффект и ощущает себя больным, лишенным жизненных сил». (31)

Стайрон сравнивает ощущение больного депрессией с состоянием человека, запертого в перегретой комнате. «И так нет ни дуновения в этом котле, нет выхода из этого однородного тюремного заключения, вполне естественно, что жертва начинает думать все время о забвении». (32)

Как свидетельствуют те, кто пытался покончить с собой и кто выжил и рассказал о своих чувствах, **«главная цель самоубийства – это не окончить жизнь, а положить конец боли.** Люди в тисках суицидальной депрессии переживают эмоциональную агонию, которая для них так тяжела, что умереть для них становится лучше, чем жить. Некто сравнивал это чувство с тем, что «вы находитесь в глубокой черной дыре, но вместо того, чтобы бороться за то, чтобы вылезти на поверхность, вы хотите оказаться на самом дне» (33) Стайрон сравнивает положение человека в состоянии депрессии с тяжело раненым больным, который не лежит, как ему должно быть предписано, а разгуливает и от которого общество ожидает поведения здорового человека: умение поддерживать беседу, отвечать на вопросы и улыбаться, в то время как он испытывает «...острое чувство потери вместе с чувством того, что жизнь ускользает все быстрее и быстрее». (34)

Известная американская поэтесса Сильвия Платт так описывает свое состояние. «Я боролась и борюсь с депрессией, - писала она в своем дневнике. Я переполнена отчаянием, почти истерией, как будто меня душат. Как будто огромная мощная сова сидит на моей груди, а ее когти вцепились и сжимают мое сердце». (35)

Желание избавиться от ежедневной, ежечасной пытки подводит страдальцев к поиску выхода...

После того, что случилось с моим братом, очень наивно звучит для меня вопрос или однозначный ответ, касающийся любого человека, покусившегося на собственную жизнь: «Почему он/она это сделал/а?» Как будто это можно объяснить какой-либо одной причиной? Как будто мотивация личности так уж проста и ее можно свести к каким-то механическим причинно-следственным связям и как будто человек – это одномерный персонаж или литературный герой, а не загадка, которую мы все же тщетно пытаемся разгадать. К тому же, депрессия многолика и чаще всего происходит на фоне каких-либо других психических заболеваний и проблем.

Английская писательница Вирджиния Вульф, которая страдала маниакально-депрессивным психозом, написала в одной из прощальных записок своему мужу: «Я чувствую определенно, что я снова схожу с ума. Я чувствую, что мы не сможем выдержать еще один из этих ужасных периодов. И я не могу поправиться на этот раз. Я начинаю слышать голоса и не могу концентрироваться. Поэтому я делаю то, что считаю лучшим». Через несколько дней она написала снова и опять она винила свое сумасшествие в своей смерти.

Дорогой,

Я хочу сказать тебе, что ты дал мне полное счастье. Никто не сделал бы для меня больше, чем ты. Пожалуйста, поверь этому.

Но я знаю, что я никогда не преодолею это, и я попусту трачу твою жизнь. Это сумасшествие. Ничьи слова не смогут меня переубедить. Ты можешь работать и тебе будет намного лучше без меня. Ты видишь, я не могу даже писать, что показывает, что я права. Все, что я хочу сказать, это то, что до того, как пришла эта болезнь, мы были совершенно счастливы. Это все благодаря тебе. Никто не мог бы быть таким хорошим, как ты, с первого до сегодняшнего дня. Все это знают.

Ты уничтожишь мои бумаги?»

Вульф затем набила карманы тяжелыми камнями и шагнула в реку. (36)

Как пишет К.Р. Джэмисон, сознание вреда, произведенного тяжелым психическим заболеванием, и страх того, что оно может вернуться, играет решающую роль во многих самоубийствах. И чем образованнее и умственнее развитее больной, тем выше вероятность трагического исхода. (37)

Нейрофизиологи и врачи обнаружили, что люди, страдающие депрессией, соображают медленнее, легче отвлекаются, быстрее устают при решении любых задач и страдают забывчивостью. Их мышление менее гибкое и более ограниченное, по существу парализовано; варианты решения их проблем или минимальны, или вообще не существуют, и смерть кажется единственным выходом. Чувство безнадежности и негативного восприятия будущего – один из наиболее постоянных предупреждающих сигналов о самоубийстве. Эти данные были получены в результате тестирования суицидальных пациентов. (38)

Соотношение между драматическими событиями в жизни и психическим заболеванием не прямое. Люди, подверженные депрессии, часто отчуждают окружающих своими поступками, гневом, вспышками насилия или замкнутостью, что и приводит к разводам, увольнениям, обрывам дружеских связей. (39)

У людей, испытывающих депрессию в наиболее тяжелой форме и близких к суициду, развивается так называемое «туннельное» видение. Самоубийство им видится единственным выходом от нескончаемой боли. «Как только он входит в этот туннель, те, кто его любят, находятся вне поля его зрения. Он эмоционально отстранен от всех, возрастает его чувство изоляции. Если что-то произойдет, что облегчит его боль, он на какой-то момент оставит идею самоубийства... Внутри туннеля чувство неопределенности снижается, так как суицидальная личность не желает выносить дальнейшую боль. По иронии судьбы, по мере продвижения вглубь туннеля, внешние симптомы могут улучшиться. Человек может прекратить посещать психотерапевта или принимать лекарства, а его близкие могут видеть в этом знак улучшения и поправки». (40) Между тем это обманчивое состояние покоя. Негативные мысли о самом себе преобладают и усиливаются. Мышление становится методичным, спокойным и сфокусированным на смерти. Решение принято и план разработан четко, иногда до мелочей. Он не боится умереть, он боится жить.

Итак, одна из наиболее коварных черт депрессии заключается в том, что люди, выкарабкивающиеся из самых глубин депрессивного состояния, подвержены риску самоубийства в большей степени, чем когда они находятся в самой глубине. Это объясняется тем, что у них появляется энергия и теперь они могут осуществить то, что задумали ранее. *Так мой брат «обманул» нас, когда сказал, что все в порядке и что он «успокоился». На самом деле это означало, что он принял решение уйти из жизни. Маме он сказал, что «пора снова надеть маску». Мама сказала, что это ей непонятно. Он и хотел в данном случае, чтоб его не поняли. Ему это и нужно было. Не удивительно, что Вадик не стал ничего объяснять...*

Согласно статистике 70% из тех, кто покончил с собой, отрицали свои планы и мысли о самоубийстве. Данные этого исследования относятся к людям, заключенным в психиатрические лечебницы. (41) Более чем половина

этих пациентов, по данным медицинского персонала больниц, считались находящимися в стадии улучшения.

Как обращаться окружающим с больными депрессией, если следовать совету этих больных?

«Слушать, слушать и слушать».

«Не притворяться, что Вы все понимаете и не рассказывать мне свою историю снова и снова».

«Не сердиться».

«Не осуждать».

«Понимать, что иногда мне нужно быть рядом с кем-то, но что говорить слишком трудно».

«Понимать, что иногда я не могу вынести, что кто-то был рядом».

«Напоминать мне обо всем хорошем, что я сделал в жизни».

«Напоминать мне, что я был хорошим другом».

«Любить меня и говорить об этом». (42)

Что причиняет боль людям, находящимся в депрессивном состоянии? Что отбрасывает их назад?

«Когда люди сердятся, что я не могу и не буду следовать их советам»

«Когда ко мне относятся, как к упрямому ребенку»

«Когда думают, что я просто ленив»

«Когда говорят, что если я решил быть счастливым, я буду»

«Когда говорят и ведут себя так, как будто они стыдятся моего поведения»

«Когда не звонят, исчезают из моей жизни» (43)

Что говорить людям, находящимся в состоянии депрессии:

«Я желал/желала бы знать, как я могу помочь».

«Мы выкарабкаемся. Я помогу, чем только смогу».

«Звони мне. Скажи, что делать. Я буду рядом сколько нужно».

«Я люблю тебя (обнимитесь). Я здесь для тебя».

«Жизнь может быть ужасна. Пойдем погуляем».

«Слишком рано думать о будущем. Все подождет. Делай то, что ты можешь сегодня. Я тебе помогу».

«Улучшение займет время, много времени».

«То, что происходит с тобой, хуже, чем все, с чем я имел дело в своей жизни. Я не знаю, как ты можешь с этим справляться и делать что-то для других, когда ты сам выносишь столько боли» (44)

Нужно проявить творческую выдумку и не жалеть ни душевных сил, ни времени, помогая своим близким и друзьям выкарабкаться из депрессии. Написать теплое письмо или открытку, где перечислить, что Вас восхищает в этом человеке, пойти вместе куда угодно, хоть в парикмахерскую, на прогулку, в ресторан, в музей, на спортивную игру, за покупками, в зоопарк и т.п. Нужно говорить о том, что мы ими восхищаемся, что они экстраординарные люди, что они добры и великодушны, что многие бы не справились с тем, с чем справляются они. Любящее сердце подскажет...

Дистимия, или дистимическая депрессия

Эта болезнь похожа на депрессию, но в «мягкой» форме и продолжается от двух лет и дольше. Типичными для дистимии являются апатия, усталость, отсутствие чувства удовольствия, проблемы с концентрацией, низкая самооценка, чувство вины, раздражительность и негативные мысли. Распространены жалобы на общее плохое самочувствие и на целый ряд физических недугов и проблем. Из дистимии может вырасти тяжелая форма депрессии.

Возможно, и у моего брата была дистимия с временными депрессивными тяжелыми эпизодами и суицидальными вспышками. Во всяком случае, еще задолго до приезда к нам, по свидетельству одной знакомой, которая видела его в Израиле, Вадик был в депрессии. Депрессия это была или дистимия – теперь мы никогда не узнаем. Ни я, ни мои родители не догадывались о том, насколько опасно это состояние.

Биполярный психоз (или маниакально-депрессивный психоз)

Жизнь Роберта Шумана – это яркая иллюстрация к вышеназванному диагнозу. Периоды маниакальной трудоспособности перемежались у него с периодами впадения в депрессивное состояние, включая желание топиться в Рейне. В маниакальной фазе больные бросаются в игорный азарт, рискованные предприятия, вплоть до уголовных, безудержно пьют, в общем, пускаются «во все тяжкие». Они чувствуют себя неутомимыми и обнаруживают дикую трудоспособность, чувствуют, что могут «свернуть горы», строят грандиозные замыслы, непобедимо оптимистичны. Они мало спят и быстро говорят, торопясь высказать свои мысли. Говорят они необыкновенно много, мысли у них скачут и перепрыгивают с предмета на предмет Находящиеся в возбужденном состоянии больные раздражительны и экспансивны, у них раздутая самооценка, чувство грандиозности, они одновременно участвуют во множестве дел, очень беспокойны и взбудоражены. Им свойственна повышенная сексуальность, безудержная расточительность, словесная и денежная. Способность к рациональному мышлению у больных в этот период сильно занижена, и они нередко не

осознают, что находятся во власти серьезного недуга. Биполярное заболевание – хроническое, на всю жизнь.

Полагают, что Велемир Хлебников тоже страдал этим заболеванием. Больным этим свойственно воображать космическую связь вещей и явлений. Велемир Хлебников верил, что он владел формулами звезд, голосов, мыслей, рождения и смерти. Известно, что Хлебников находился какое-то время в психиатрической больнице.

Выше я уже приводила слова матери одного молодого человека, погибшего от депрессии. Она также писала: «Мой прекрасный, любимый сын Филип покончил с собой 16 августа 1994 г. Ему было 26 лет. Я пыталась примириться с этой кончиной и уговаривала себя, что это был «выбор» Филипа умереть и что даже хотя я и не понимала его, я должна уважать его решение.

Но прошло время, и я узнала, что мой сын проявил классические признаки bipolar mood disorder, называемого также маниакальной депрессией. Первое проявление случилось после окончания колледжа. Никто из близких не знал, что происходит и откуда это новое поведение с его время от времени принудительной говорливостью и чрезмерной раздражительностью». (45)

Маниакально-депрессивный психоз в среднем проявляется к 18 годам в отличие от простой депрессии, которая в среднем возникает в 26 лет. В отличие от депрессии, которая встречается в два раза чаще у женщин, чем у мужчин, - маниакально-депрессивный психоз в равной степени поражает и мужчин и женщин. Эта болезнь более сурова, чем простая депрессия, происходит чаще и в большей степени является наследственным заболеванием. (46) Вероятность попыток самоубийств у этих больных выше, чем у просто больных депрессией: каждый пятый в случае «обыкновенной» депрессии, и каждый второй в случае маниакально-депрессивного психоза. (47)

Давно замечено, что многие выдающиеся художники, артисты, писатели, в непропорционально большей степени страдали от депрессии, маниакально-депрессивного психоза и, соответственно, многие из них накладывали на себя руки. Если мы обратим внимание на длинный список людей, пострадавших от депрессии и принадлежащих к художественной и литературной среде, то возникнет впечатление, что они более уязвимы в отношении этого заболевания, чем многие «простые смертные». Серия научных исследований в разных странах мира подтвердила, что выдающиеся ученые, композиторы, бизнесмены в пять раз чаще, чем остальное население, кончали жизнь самоубийством. Высокий процент самоубийц наблюдается среди писателей и особенно поэтов. Маниакально –депрессивный психоз и депрессия чаще встречаются среди представителей творческих профессий, чем у общей массы населения. (48)

Роберт Шуман, Винсент Ван Гог, Вирджиния Вульф, Роман Гари, Сильвия Плат, Эрнст Хемингуэй, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Тенниси Уильямс, Дж.К. Роулинг и многие другие, а если брать шире, то и Абрахам Линкольн, и Уинстон Черчилль и множество известных и неизвестных людей страдали от депрессии... Самоубийством покончили Акутагава Рюноскэ, Антисфен, Луи Буссенар. Ромен Гари, Всеволод Гаршин, Гомер, Демокрит, Диоген Синопский, Леонид Добычин, Юлия Друнина, Сергей Есенин, Ясунари Кавабата, Харт Крейн, Поль Лафарг, Джек Лондон, Тит Лукреций Кар, Лаура и Поль Лафарг, дочь и зять Карла Маркса, русская поэтесса Надежда Львова, Владимир Маяковский, Петроний, А.Н. Радищев, Сапфо, Луций Анней Сенека, Сократ, Галактион Табидзе, А.К. Толстой, Н.В. Успенский, А.А. Фадеев, З. Фрейд, С. Цвейг, Марина Цветаева, Г.Ф. Шпаликов и его жена Инна Гулая, П. Яшвили и многие, многие другие. Наиболее вероятно, что добровольно ушли из жизни Гоголь и Блок.

Депрессия или не только депрессия тому виной – теперь уж почти невозможно определить, особенно когда дело касается древних, о которых осталось не так то много сведений. Вне всякого сомнения, доля самоубийц среди людей творческих профессий велика. Взрывчатость и непредсказуемость, импульсивность темперамента, привычка жить с максимальной самоотдачей и бешеной амплитудой страстей зачастую приводили к страшным, трагическим последствиям. Некоторым писателям в силу своего таланта удалось передать страдания больного, страдающего депрессией (Уильям Стайрон, Сильвия Платт), и эти описания дают ключ к пониманию природы страданий в той же мере, как страдания игрока в одноименном романе отображают страсти самого Ф.М. Достоевского.

Сезонная депрессия

Это депрессия, возникающая у тех, кто ей подвержен, каждый год в одно и то же время, обычно с началом осени или зимы и заканчивающаяся весной или ранним летом. Редкая форма депрессии, когда она возникает поздней весной или ранним летом и заканчивается осенью. Заболеванию присущи обычные признаки депрессии и как наиболее характерные признаки: очень сильное чувство усталости, отсутствие энергии, увеличенная потребность во сне, повышенный аппетит, острое желание потреблять углеводы (печеное, сладкое) и, как следствие – прибавка в весе.

Наиболее часто сезонная депрессия встречается у женщин от 20 до 40 лет, причем чем дальше к северу они живут, тем выше вероятность подобного заболевания. Нехватка солнечного света, как полагают исследователи, влияет на уровень серотонина и может служить причиной возникновения этого заболевания. Дневной свет увеличивает уровень серотонина в мозгу и обладает лечебным воздействием. Больным приписывается терапия светом: особые флюоресцентные лампы с пластиковым экраном, чтобы предотвратить ультрафиолетовые лучи. Конечно же, традиционные методы лечения депрессии применяются и в этом случае.

Послеродовая депрессия

Брук Шилдс, красавица и звезда Голливуда, заболела этим видом депрессии, причем в такой серьезной форме, что она даже думала об убийстве своего ребенка. В этой связи удивительно бестактно и легкомысленно прозвучали слова другой голливудской знаменитости, Тома Круза, который заявил, что достаточно витаминов, чтоб помочь матерям, страдающим послеродовой депрессией. На это Брук Шилдс сказала, что этим замечанием Том Круз оказал плохую услугу всем матерям. Согласно современным данным, от 5 до 9% рожениц могут страдать послеродовой депрессией и из них меньше, чем одна из пяти обращаются за помощью к врачу. Между тем, у ряда пострадавших депрессия может перерасти в послеродовой психоз с бессонницей, галлюцинациями, маниакальными проявлениями и даже идеями о самоубийстве и убийстве.

Шизофрения

Шизофрения давно стала ругательным обиходным словом, хотя далеко не всегда люди, легко его использующие, понимают, что за ним стоит. Шизофрения – это хроническое, суровое и выводящее из строя заболевание, затрагивающее до 1 % американцев. По приблизительным подсчетам 9-13 % больных шизофренией кончат жизнь самоубийством. **(49)**

National Institute of Mental Health США подразделяет симптомы шизофрении на три категории **(50)**:

А) Позитивные симптомы: галлюцинации, иллюзорные представления, беспорядочные мысли и движения. Наиболее распространенной формой галлюцинаций являются «голоса», которые говорят больным об их поведении, что-то приказывают, предупреждают об опасности или говорят друг с другом о пациенте.

Когда Вадик уже переселился в Америку, он настаивал, что надо привезти старое одеяло из Израйля. Это старое одеяло принадлежало моему покойному университетскому преподавателю, уехавшему с женой в Израиль, и, когда он умер, его вдова отдала Вадиду это одеяло. Так вот, Вадик, приехав в Америку, почему-то говорил о том, что надо было привести это одеяло. Как будто ему нечем было укрыться! Или он несколько раз говорил, что скучает по комнатному растению, оставленному в Израиле. У него появилась какая-то маниакальная подозрительность. Он подозревал своего работодателя-программиста чуть ли не в шпионской деятельности, ему не понравилось, что бюро по перевозкам хочет иметь копию его документов прежде, чем доверить ему машину. Он верил, что его жена обладает колдовской силой и заколдовала его компьютерную программу или что Беер-Шева, город в Израиле, где он жил, его «не отпускает». Матери он как-то заявил: «Ну да, я шизофреник», но мама восприняла это скорее как пример его самокритичности, нежели как самодиагноз. Вадик проводил часы

за компьютером, увлекался всякого рода психологическими тестами, и он, я теперь думаю, верил в то, о чем говорил.

Б) Негативные симптомы: потеря или уменьшение способности планировать, беседовать, выражать эмоции или находить удовольствие в повседневной жизни. Эти симптомы труднее распознать как часть заболевания и их можно принять за лень или депрессию.

Мой брат был всегда молчуном, но после его приезда к нам я не помню, чтоб мы с ним, что называется, «говорили по душам». Все наши беседы сводились, к сожалению, к моим практическим советам и поучениям и к его отшучиванию. Те, кто его не знал, находили его поведение странным: отрешенность от происходящего, зрение «зрачками внутрь», молчаливость. Мы же думали, что он все думает о жизненных проблемах и вот-вот найдет подходящее решение, которое все не приходило.

В) Когнитивные симптомы: проблемы со вниманием, определенными видами памяти и теми функциями, которые позволяют планировать и организовывать, то есть, отвечающими за исполнение действий. Дефицит когнитивных функций, может быть, трудно распознать как часть заболевания, но он может иметь наиболее калечащий эффект для нормального образа жизни.

Может быть потому Вадик и не стал учиться здесь, в Америке, что уже не мог осилить никакой учебы. Курсы программирования в Израиле – это был его последний позитивный «рывок», дальше которого он пойти не смог. Как я уже писала, Вадик не задерживался долго ни на одной работе, как бы хорошо у него ни шло дело и как бы к нему хорошо ни относились. Довольно часто его выгоняли за строптивый характер и конфликты.

Люди с шизофренией обычно не склонны к насилию и предпочитают, чтоб их оставили в покое. Пациентов, больных шизофренией, лечат медицинскими препаратами. Люди, больные шизофренией, чаще пытаются убить себя, чем остальных. Больные шизофренией подвержены более высокому риску развития депрессии и попыток самоубийств, чем остальные. Шизофрения в сочетании с депрессией – это смертельное сочетание.

Я не берусь диагностировать своего брата. Возможно ему и поставили диагноз в больнице, куда он попал после того, как резал себе вены, но мне об этом неизвестно. Матери он заявил, что он шизофреник, но было ли это простой момент самоуничтожения или результат внешнего или само-диагноза – мы никогда не узнаем...

Среди факторов риска самоубийства, специфичных для больных шизофренией, перечислены следующие (51):

- Раннее начало заболевания
- Чрезмерная зависимость от психиатрических служб или негативное отношение к лечению, или потеря веры в лечение

- Осознание невозможности жить так, как хотелось бы
- Страх дальнейшей умственной деградации
- Непосредственно перед с амоубийством – нарастающее возбуждение, раздражительность или агрессивность
- Высокий уровень образования
- Негативный взгляд на будущее, омраченное психическим заболеванием
- То, что болезнь длится долго и то, что она хроническая, с многочисленными периодами ремиссий и рецидивов
- Предупреждение о желании покончить с собой сравнительно редки
- Возраст (до 45 лет), принадлежность к мужскому полу

Посттравматический синдром

Значительное число исследований указывает на имеющееся соотношение между посттравматическим синдромом и самоубийством. Давно было замечено и документально подтверждено, что самоубийство чаще встречается среди определенных групп населения, в число которых входят участники боевых действий, ветераны войны, полицейские и другие работники, задействованные в силовых структурах. Эмоционально и психологически травмирующие события наносят неизгладимый след и способствуют развитию состояния депрессии. Оставленное без внимания депрессивное состояние личности может дойти до своей крайней точки, после которой уже нет возврата, и привести к самоубийству. Депрессивное состояние усиливает реально обоснованное или воображаемое чувство вины, которое не дает покоя многим участникам боев. Люди, которые сталкивались с насилием вплотную, легче преодолевают психологический барьер, когда это насилие направлено на других или на самих себя (в случае самоубийства).

«К наиболее распространенным факторам, повышающим степень риска самоубийства участников боевых действий относятся:

- Принадлежность к мужскому полу
- Злоупотребление алкоголем
- Случаи самоубийства в семье
- Более зрелый возраст
- Плохая социо-экономическая поддержка, например бездомность или отсутствие семьи
- Владение огнестрельным оружием
- Наличие медицинских и психических нарушений, включая посттравматический синдром, связанный с самоубийством» (52)

Посттравматический синдром зачастую возникает у жертв сексуального нападения, изнасилования и жертв домашнего насилия. В американском фильме “Prince of Tides”, поставленному по одноименному роману Пэта Конроя, за неоднократными попытками самоубийства одной из героинь

фильма скрывается страшный, трагический эпизод, происшедший в детстве, когда ее, ее мать и младшего брата изнасиловали трое бандитов, убежавших из тюрьмы. Калькируя известную американскую идиому, скажу, что этот случай был «заметен под ковер», и его трагические последствия дали о себе знать много лет спустя...

Паническое расстройство и социальные фобии

Не существует единой точки зрения на связь панического расстройства и самоубийства. Есть данные, подтверждающие, что это заболевание в разы усиливает риск самоубийства. Тем не менее, паническое расстройство и социальные фобии столь часто существуют в сочетании с депрессией, что трудно определить, является ли это заболевание самостоятельным фактором и какова их связь с другими психическими расстройствами.

Приступы паники обычно характеризуются такими признаками, как: чувство страха, учащенное сердцебиение, внезапная потливость, дрожь, ощущение удушья, боли в груди. Люди, страдающие этими приступами, часто попадают в больницу, так как они в полной уверенности, что у них сердечный приступ. Так, в американской комедии “Analyze This” Роберт ди Ниро играет главаря мафии, у которого внезапно обнаруживается целый «пучок» психологических проблем, включая паническое расстройство. Главарь мафии, не расстающийся с психотерапевтом!

Сильное паническое расстройство, сопровождаемое повышенным возбуждением, как при маниакально-депрессивном психозе, могут служить предвестниками самоубийства.

2. Биологические факторы риска.

Как уже было сказано выше, женщины чаще, чем мужчины, пытаются себя убить, но мужчинам это удается чаще. Это объясняют рядом причин, включая и то, что женщины используют менее летальные средства и злоупотребляют наркотиками и алкоголем меньше, чем мужчины. Женщины чаще лечатся от депрессии, так как, в отличие от мужчин, они чаще обращаются за помощью. Беременность и наличие детей у женщин своего рода являются природным «фактором защиты» для них, хотя, к несчастью, не всегда. У мужчин таким фактором является супружество.

По данным некоторых американских исследований, у белых мужчин курение сигарет является фактором риска в прямой пропорции к количеству выкуренных сигарет. Избыточный вес у женщин и пониженный вес у мужчин тоже имеют значение как фактор риска.

Хронические и смертельные заболевания, такие, как рак, СПИД, рассеянный склероз, повреждения позвоночника, болезнь Паркинсона, болезнь Альцгеймера, потеря зрения, хронические боли вызывают определенные психологические реакции, депрессию и чувство безнадежности, что усиливает риск самоубийства. Отдельной темой, очень

популярной в Америке и на Западе, является вопрос о том, имеет ли моральное право врач навсегда избавить смертельно больного пациента от физических мучений, применив эвтаназию.

Употребление алкоголя или наркотических веществ является фактором риска, как и предыдущие попытки самоубийства и самоубийства в семье. Как пишет Джемисон, «к несчастью, умственное расстройство и алкоголизм и злоупотребление наркотиками идут рука об руку. Двое из трех людей с маниакально-депрессивным психозом и каждый четвертый, страдающий депрессией, имеют серьезные проблемы со злоупотреблением, и у больных шизофренией почти такой же уровень. Еще более опасно то, что те, кто психически болен и имеют такие проблемы, подвержены большему риску попыток и совершения самоубийства». (53)

Поэт Эдгар Алан По, страдавший маниакальным расстройством, писал: «Я стал сумасшедшим с длинными периодами ужасающей нормальности. Во время этих приступов абсолютной бессознательности я пил, Бог знает сколько и как долго. Как само собой разумеющееся, мои враги считали, что мое сумасшествие происходит из-за выпивки, а не выпивка из-за безумия». (54)

3. Когнитивные и эмоционально-психологические факторы риска.

Импульсивность и агрессивность повышают риск самоубийства. Особенно опасно сочетание импульсивности натуры (*то, что я верю, было свойственно Вадику*) с депрессией. Чувство **безнадежности** добавляет опасности этому сочетанию. Люди с чувством безнадежности неспособны представить себе позитивный образ будущего, зато имеют негативные представления о том, что им предстоит. Чувство безнадежности является ключевым психологическим фактором в замыслах самоубийства и в его исполнении.

Выше уже писалось о теории Эдвина Шнейдмана, который в своем объяснении причин самоубийства на первый план выдвинул ряд неудовлетворенных психологических потребностей и как следствие этого – огромное чувство боли, не покидающее самоубийц. Другой известный американский исследователь, Аарон Бек, подчеркнул особое значение чувства безнадежности, присущее самоубийцам. Томас Джоинер, отдавая должное выдающемуся вкладу предыдущих исследователей, предлагает свое объяснение феномену самоубийства. Он считает, что не всякие неудовлетворенные психологические потребности (их около 20 в списке, предложенном доктором Генри Мюррэем) вызывают потребность покончить счеты с жизнью. По его мнению, наиболее важные из неудовлетворенных психологических потребностей можно в сущности свести к двум категориям: **нарушенному чувству принадлежности** (разрушена любовь, другие важные эмоциональные привязанности) и **воображаемому чувству (воспринимаемому самоубийцей как вполне реальное!), что он представляет обузу для окружающих, он им в тягость, и без него им будет**

лучше. Чувства своей неэффективности, провала, неумения и некомпетентности ведут к обострению ощущения, что от него нет никакой пользы и его близким будет лучше без него. (55) Было проведено исследование, целью которого было выявить связь между воспринимаемым чувством обузы и суицидальным поведением. Были сравнены такие показатели, как чувство эмоциональной боли (Шнейдман), безнадежности (Бек) и воспринимаемым чувством обузы (Джоинер). Независимая группа читала записки и оценивала по шкале от 1 до 5, как выражены в этих записках вышеприведенные чувства. «Оценщики» не знали, что половина этих записок принадлежала людям, погибшим от самоубийства, а половина тем, кто предпринимал попытку самоубийства, но выжил. При статистическом анализе было выявлено, что записки от тех, кто погиб, более подчеркивали то, что написавшие их являются обузой для окружающих, чем записки от тех, кто пытался покончить с собой, но не погиб. Другое исследование, анализирующее записки только от тех, кто покончил с собой, показало, что воспринимаемое чувство обузы играло более значительную роль и предопределяло большую степень летальности суицидальных средств. (56)

Я верю, что у Вадика было чувство изолированности. Самые близкие его друзья были далеко (один в Канаде, другой в России). Поехать к ним у него не было средств, да и что бы это дало? Если руководствоваться здравым смыслом, то ему нужно было заниматься трудоустройством, а не рваться куда-то ехать, но когда он руководствовался здравым смыслом? Я уже писала о том, что здесь, в Америке, у него не было подруги и что он пытался встретиться с одной симпатичной молодой женщиной, с которой его познакомил дядя. Мне она понравилась, мама с ней беседовала по телефону и «Графиня Вишенка», как прозвали ее мои дети, показалась маме приятной и разумной. Но Вадик перестал с ней видеться с новой подругой. Я думаю, он боялся быть ей обузой тоже и вообще его заниженная самооценка ему мешала и наносила вред...

Чувство обузы для окружающих, которое испытывал Вадик, явно проявилось в его фразе, сказанной матери, причем ничем не спровоцированной, когда она заглянула в его комнату в тот роковой вечер перед страшной ночью самоубийства: «Я тебе мешаю?...» На это последовал, конечно же, ответ: «Как ты, мой сын, можешь мне мешать?!» Но, видимо, никакие уверения уже были не достаточны, по существу уже ничего не значили для моего брата, чье сознание было «зомбировано» предстоящим планом действий...

Чувства стыда и вины. Я полагаю, что эти чувства буквально отравили существование моего брата незадолго до смерти. Не случайно он благодарил папу утром того дня, когда совершил свой страшный поступок. Папа спросонья и не понял, что к чему. «Что ты? Что ты?» - было его реакцией. Ему и в голову не могло прийти, что это было прощанием... А маме мой Вадик сказал: «Я сам во всем виноват»... Он винил себя в том, что

не сохранил семью, возможно, винил себя в том, что не может, приехав в США, обеспечить себе экономическую самостоятельность и живет с родителями, «у них на шее», но это все мои домыслы, в этом или в чем еще – уже никогда не узнаю...

В то же самое время у брата существовали определенные стереотипы мужского поведения, то ли взятые из семьи, то ли от того, что он вырос в Баку, который находится в том регионе, где существует тьма предрассудков и барьеров, связанных с мужским и женским поведением. Впрочем, стереотипы мужского и женского поведения существуют не только в южных регионах бывшего Советского Союза, но распространены по всему миру. Для меня ясно одно: внутренние психологические барьеры не позволили моему брату обратиться за помощью... Психологическая помощь была, вероятно, стигматизирована в его сознании: ему было очень трудно преодолеть себя, откровенно рассказать о своих страданиях и принять помощь от кого бы то ни было.

4. Социальная изоляция.

Социальная невовлеченность, оторванность от социума также опасны, об этом в 19 в. еще писал известный социолог Эмиль Дюркгейм, а теперь современные научные данные подтвердили его правоту. Слишком сильная или слишком слабая интеграция личности в общество представляют опасность и повышает риск самоубийства. При слишком сильной интеграции личность может совершить самоубийство во имя социальной группы (вспомним самоубийство эскимосских стариков, древних скифов, когда они погибали, если считали, что они стары и представляют обузу для окружающих, или героев войны).

При слабой интеграции личность одинока и очень важная потребность в принадлежности (любви, дружбе, близости) не удовлетворена и ведет к нарастанию эмоциональной боли... *Незадолго до трагических событий Вадик побывал в Канаде, где встречался с двумя школьными друзьями и их женами. Возможно, что осязаемый контраст между их семейным положением и своим собственным, а также тот факт, что оба друга работали и были «вовлечены» в сеть социальной поддержки, в то время как мой Вадик так и не обрел своего места и не мог найти приложения своим способностям, усугубили его депрессивное состояние. Он вернулся из Канады мрачным и почти ничего не рассказывал. Вадик также видел, что и у меня семья, дети, и мы в экономическом смысле «стоим на ногах», в то время как его мучило безденежье. Вспомните, у Пушкина в «Скупом рыцаре»: «О бедность, бедность! Как унижает сердце нам она!» Но какие бы копейки ни зарабатывал мой брат, он отсылал своему сыну деньги. Он очень любил сына и казнил себя, что не сумел сохранить семью...*

Одиночество, как доказывают данные исследований, напрямую связано с суицидальными замыслами и поведением. Особенно сильно влияют социальная изоляция и одиночество на суицидальные намерения стариков.

Самоубийства чаще встречаются в сельских районах, нежели городских, вероятно, из-за социальной изоляции. Замкнутые в себе люди (крайние интроверты) не ищут поддержки и помощи от окружающих, не делятся своими замыслами, в том числе и смертельными. *(И это тоже напрямую касалось моего брата).*

Моральная регуляция личности, по мысли Дюркгейма, ослабевает во времена социальных потрясений. Число самоубийств возрастает в периоды экономического спада и безработицы, чем объясняется недавний рост числа самоубийств в странах Восточной Европы. **(57)**

Рассматривая самоубийство в социальном аспекте, можно сказать, что самоубийство является результатом взаимодействия сложных социокультурных факторов и случается чаще всего в период социоэкономического, семейного и индивидуального кризиса (утрата близкого человека, безработица, из чувства чести).

*5. Географический фактор:
переезд или перемена места нахождения.*

Когда человек меняет привычную среду обитания на нечто незнакомое, то это чревато многими последствиями. Он лишается своих друзей, знакомого окружения, которые поддерживали его эмоционально и духовно. Он чувствует себя более одиноким и находится в состоянии стресса, вызванным тем, что ему надо постоянно бороться с новыми трудностями и приспосабливаться к новым обстоятельствам и требованиям жизни. Не все обладают достаточной гибкостью для адаптации в новых условиях. Некоторым процесс приспособления дается с огромным трудом. Иммигранты могут служить примером людей, испытывающих трудности в связи с тем, что оторвались от знакомой среды и попали в совершенно чужой им мир. Как иммигрантка первого поколения, пережившая это на своих плечах, могу свидетельствовать, что этот процесс дается нелегко и не все его выдерживают. *Мой брат так и говорил: «Вторую эмиграцию я не выдержу». Он также говорил маме, что мы «приспособились», имея в виду, что это ему недоступно. Да что там иммигранты! У коллеги старая мать переехала из Нью-Джерси в Нью-Йорк, поближе к дочери, и вместо радости – одни слезы. Ведь она лишилась знакомых, подруг, привычной квартиры!*

6. Пережитые трагические и тяжелые события, включая насилие и оскорбление.

Потеря близкого человека, тюремное заключение, конфликт на работе, заболевание, безработица, насилие, развод или разъезд, конфликты в семье, сексуальное и физическое насилие, проблемы с учебой и другие события могут привести к тому, что человек не в состоянии будет справиться с обрушившимся на него и почувствует, что происшедшее – больше, чем он может вынести...

Нередко потеря близкого человека может дать толчок к депрессии и привести к самоубийству. *27 июля 2004 г., то есть за пол-года до гибели Вадика, как я уже писала, умер брат мамы, которого и я и Вадик очень любили и в смерти которого Вадик винил себя.*

Трудности отношений с родителями и сверстниками, унижения или избиения со стороны сверстников или в семье могут сыграть большую роль и привести к суициду даже и тогда, когда дети повзрослеют. Душевные травмы сохраняются долго, иногда на всю жизнь и, оставленные без внимания, могут искалечить всю жизнь самой жертвы и ее окружения.

Перенесенное насилие, физическое, эмоциональное и сексуальное, в каком бы возрасте оно ни произошло, повышает риск самоубийства у жертвы. Многие исследования были сосредоточены на женщинах. Те из женщин, которые перенесли насилие в детстве или во взрослом возрасте, чаще пытаются покончить с собой, чем остальные. Чем больше видов оскорблений (эмоциональных, физических и сексуальных) испытала женщина, тем выше риск самоубийства.

Мой брат служил в советской армии, которая, несмотря на то, что это было еще задолго до современных дикостей дедовщины, все же была страшным испытанием. Широко известно, что самоубийства в российской армии связаны с дедовщиной, которая является огромным социальным злом и позором России. Думаю, что и в советские времена дедовщина и самоубийства из-за дедовщины существовали. Просто все было прикрыто завесой секретности и никто не мог пробиться сквозь заслон официальной лжи. Как недавно заметил Леонид Млечин, выступавший по радиостанции «Эхо Москвы» в программе «Особое мнение», дедовщина как явление получила распространение в советской армии после того, как стали призывать в армию людей с уголовным прошлым, имевших тюремные сроки. Теперь это настоящая беда для российской армии, и огромное социальное зло.

Я уже писала выше о том эффекте, которое оказывает посттравматический синдром на повышение риска самоубийства, и эти два фактора риска (пост-травматический синдром и перенесенное насилие и оскорбление) не просто тесно связаны, а почти интерферируются, то есть взаимно налагаются друг на друга.

7. Предшествующие попытки самоубийства и «приучение» себя к физической боли и риску.

Многие исследователи указывают на огромное значение этого фактора риска. Томас Джоинер считает, что самоубийство практически всегда совершается людьми, «приучавшими» себя к большей болевой терпимости и у которых, как результат изоляции, повышен порог физической болевой чувствительности. Об этом говорит тот факт, что в основном самоубийство совершается людьми не с первого раза, а как результат неоднократных

усилий в этом направлении. Ему предшествует суицидальное поведение личности, подвергающее себя риску, а также неоднократные попытки совершения самоубийства, не доведенные до конца и не осуществленные по какой-либо причине. Согласно точке зрения Джоинера, «...один пример суицидального поведения закладывает фундамент для других примеров, и это происходит через приобретение бесстрашия и компетентности». (58)

Проведенные опыты на мышах показали, что мыши, находящиеся более тридцати дней в изоляции, менее чувствительны к физической боли. (59) Суицидальные натуры, согласно проведенным опытам, могут переносить экстремальные температуры легче, чем обычные люди, то есть у них пониженный порог чувствительности. (60) Известно, что эти люди испытывают чувство изоляции от окружающих. Люди, часто подвергающие себя риску и с неоднократными попытками самоубийства, драчуны, испытывавшие физическую боль от насилия или ранений, с каждым разом все легче переносят подобные испытания и тем самым подготавливают себя к последнему шагу. В этой связи кажутся необыкновенно верными слова Вольтера о римском ораторе, заколовшем себя. Вольтер считал, что только необыкновенно сильный человек может преодолеть инстинкт природы (имелся в виду инстинкт самосохранения). Преодолеть этот мощный инстинкт природы, по мысли Джоинера, цитированного выше, могут люди, приобретшие способность к смертельно опасному поведению, терпимости к боли и некий опыт в этом. Например, Курт Кобэн, руководитель и главный музыкант американской музыкальной группы «Нирвана», неоднократно приучал себя к преодолению страха. Он боялся уколов, высоты и оружия. Постоянно практикуясь, он стал наркоманом, вкалывавшим себе наркотик, влезал на строительные леса и раскачивался там и, наконец, согласился, чтоб друг подсказал ему, как стрелять из огнестрельного оружия. В 1994 в возрасте 27 лет Курт Кобэн застрелился.

Нас удивляло стремление моего брата, как говорил отец, искать приключения на свою голову (он употреблял, впрочем, еще более резкое выражение). То Вадик отправлялся со своими друзьями путешествовать по стране автостопом, на попутных машинах, то ночью он с друзьями ехал на пляж в середине апреля. В армии он притворился, что у него приступ аппендицита в надежде, что его отпустят домой. В результате Вадик перенес настоящую операцию! Я не знаю подробности того, что случилось потом, был ли он наказан и как наказан. Об этом поступке моего брата я недавно услышала от мамы.

В Израиле, внезапно ударившись в религиозность, он решил сделать себе обрезание. Уже живя с родителями в Америке, он иногда уходил под утро и бродил по небезопасному району, где его мог задеть какой-нибудь наркоман или преступник. Он любил гулять, когда на улицах пусто. Всю жизнь мой брат преодолевал страх. В его иерархии ценностей храбрость занимала высокое место, а преодоление страха, как я понимаю, важно было для его самоуважения. Как-то, приехав сюда, он провел длинную беседу с моей 10-

летней дочерью на тему страха, а мне советовал, чтобы я отдала ее на каратэ или дзюдо. Однако трудно проникнуть в тайны души другого, даже если это твой брат. То ли он закалял себя, подвергая опасности, то ли ему было все безразлично – остается только гадать...

У людей, находящихся в состоянии депрессии и близких к самоубийству, образ смерти постепенно утрачивает свои отвратительные черты и становится более позитивным, связанным даже с прекрасным, совершающимся в романтизированной обстановке, желательно на фоне картин природы или наиболее известных монументов и зданий. Так было замечено, что большое число самоубийств совершалось с Моста Золотых Ворот в Сан-Франциско, который является местной достопримечательностью и прекрасным архитектурным сооружением, и гораздо меньшее число людей хотели покончить с собой, прыгнув с других мостов города.

Его частое желание сопровождать моих родителей на кладбище, где похоронены наши бабушки, сейчас я объясняю не только чувством долга и привязанности в родне, но и своеобразной притягательности, которое кладбище приобрело в его глазах. Он говорил маме: «Тихо, птички поют...» с умилением, как будто его очаровывала тамошняя обстановка.

Выше уже писалось о том, что исследователь Томас Джоинер считает двумя самыми необходимыми факторами, вызывающими желание убить себя: **восприятие себя в качестве обузы и разрушенное чувство «принадлежности»** (разрушенные любовные и дружеские связи, чувство «вписанности» в социальную группу). Как считает ученый, аргументированно подтверждая свои взгляды данными многочисленных исследований, эти факторы необходимы для того, чтоб человек «захотел» совершить это деяние, то есть они присутствуют практически во всех самоубийствах. Для того же, чтоб это желание было воплощено в жизнь, необходимы некое **приобретенное знание или компетентность**, зачастую в сочетании с предыдущими попытками осуществить задуманное разными способами, и **наличие определенного плана**, как это сделать. *Нет никакого сомнения в том, что этот план у моего брата был. Недаром он спрыгнул не на строительные леса, а туда, где мог погибнуть наверняка.*

8. Семейная «традиция». Сценарии в семье самоубийц

Когда самоубийство случается в семье, то все члены семьи зачисляются в группу людей повышенного риска. Поступок, который, казалось бы, должен внушать (и внушает!) ужас, в то же время представляет прежде немыслимую модель поведения, как нечто имеющее право на существование, и тем самым «подсказывает» оставшимся членам семьи, что возможен и такой выход...

Без сомнения, существует предрасположенность к риску заболеть психическими заболеваниями и окончить свою жизнь трагическим образом в определенных семьях. Эмиши, протестантская религиозная секта, которая

поселилась в юго-восточной Пенсильвании в 18 веке, сохранили подробные медицинские и генеалогические описания своих предков, уходящие на 30 поколений вглубь веков. Основная доля самоубийств в этой замкнутой общине пришлась на 4 рода, составлявшего 16% от всего эмишского населения. 73% самоубийств приходится на их долю. (61)

До недавнего времени считалось, что нет данных, подтверждающих наличие определенных генных особенностей у людей, покончивших с собой. Однако данные одного недавнего исследования подтверждают, что определенный генотип гена, отвечающего за транспортировку сератонина, более распространен среди людей, покончивших с собой, чем у остальных. (62) Тем не менее это вовсе не означает, что если один член семьи покончил с собой и у остальных повышенный риск, то степень вероятности повторения подобной трагедии в семье очень высока. В США приблизительно 1 из 10000 кончает жизнь самоубийством. У сына, у которого отец покончил с собой, вероятность повторения данного поступка будет от 2-х до 5-десятитысячной доли вероятности, т.е. от 0,0002 до 0,0005. (63)

9. Определенные культурные и религиозные верования

В некоторых культурах самоубийство традиционно не считалось зазорным. У древних греков и римлян, например, существовала вера в то, что самоубийство является благородным выходом из личностной дилеммы, демонстрирующим силу воли. У древних викингов считалось, что только воины, умершие насильственной смертью, войдут в блаженное царство Валхаллы. Самоубийство было на «втором» месте после смерти в бою и считалось предпочтительнее, чем смерть от естественных причин.

Широко известно отношение к самоубийству у японских самураев. Сеппуку (или, как говорят на Западе, харакири) совершалось или высокопоставленным самураем, приговоренным к смерти, или самураем пониже рангом, который потерял своего господина и убивал себя в знак верности покойному. Самураи закалывали себя кинжалом и тогда, когда страдала их гордость. Они предпочитали лучше покончить с собой, чем жить в плену. Всем известны японские камикадзе-пилоты, жертвующие своими жизнями из патриотических соображений во время Второй Мировой Войны. Вообще самоубийство из чувства чести в Японии было принято на протяжении столетий, и даже сегодня в этой стране довольно большой процент самоубийств по сравнению с другими странами мира, хотя, как я уже писала, Литва, Белоруссия и Россия, а также некоторые другие страны, входившие в состав бывшего Советского Союза, и страны бывшего Восточного блока, в настоящее время держат печальный «рекорд» по числу самоубийств на душу населения.

Старики эскимосы и древние скифы совершали самоубийства для того, чтоб не быть в тягость остальным. Староверы сжигали себя и морили голодом, протестуя против официальной церковной идеологии. Культовые фанатики время от времени увлекают группы верующих и совершают

ритуальные массовые самоубийства в ожидании конца света или подобных событий. 18 ноября 1978 г. было совершено массовое самоубийство фанатиками культа «Народный храм», возглавляемого Джимом Джонсом. Американцы, сторонники этого культа, основали колонию Джонстаун в Южной Америке, в Гвиане. Погибло в общей сложности 918 человек, причем большинство из них отравилось добровольно, под давление лидеров общины или были насильственно умерщвлены. Погибли все, включая грудных младенцев.

К сожалению, самоубийство иногда совершается под влиянием массового психоза, но все же на такое пойдет не всякий, а склонная к этому личность. Негативное влияние оказывают те, кто покончил с собой, когда их поступок раздувают средства массовой информации и некоторые, наиболее впечатлительные натуры, становятся следующими жертвами этого безумия. (64) Так случилось после смерти Сергея Есенина, когда множество людей покончило с собой в подражание поэту.

Надо сказать, что в европейской традиции, начиная с 18-го века, существовало романтизированное отношение к самоубийству, особенно после волны самоубийств, прокатившейся после публикации в 1774 г. книги Гете «Страдания Юного Вертера», после чего книга подверглась запретам. Я усматриваю отголоски этого отношения в высказывании Ницше в его книге «По ту сторону добра и зла» о том, что мысль о самоубийстве дарует великое утешение, позволяя пережить страшные ночи. Камю в «Мифе о Сизифе» утверждает, что вопрос суицида – это единственно серьезная философская проблема, и что фундаментальным вопросом философии является вопрос о том, стоит ли жить. Некоторые же весьма достопочтенные фигуры в литературе и философии объясняли самоубийство трусостью перед жизнью. К таковым мы можем причислить Овидия, Марциала, Мишеля Монтеня и Даниэля Дефо. Увы, иногда и величайшим умам был свойственен упрощенный взгляд на действительность!

Признаюсь, после того, что сделал мой брат, мне трудно и неприятно читать философские труды по вопросу о самоубийстве любых мыслителей, будь это даже любимый мной Николай Бердяев. Насколько я жадно поглощала психологическую литературу о самоубийствах, настолько же было далеко от меня абстрактное философствование по этому вопросу.

10. Алкоголь и наркотики

Алкоголизм и наркомания являются огромным фактором риска для самоубийства. Этот риск от 60 до 120 раз выше, если сравнивать со здоровыми людьми. Алкоголизм усиливает депрессию, разрушает семью и карьеру, усиливает чувства безнадежности и беспомощности. Являясь депрессантом, алкоголь в то же самое время может служить щитом от состояния повышенной тревожности. Так, например, когда У. Стайрон прекратил пить, то, по его свидетельству, тут-то он и оказался уязвим для депрессии. Пытаясь ответить на вопрос, почему многие пытаются напиться

или принять наркотики прежде, чем попытаться покончить с собой, приводился довод: состояние алкогольного опьянения увеличивает импульсивность и снижает способности к здравому рассуждению. Алкоголь зачастую связан с депрессией, он усиливает ее, хотя может оказывать временный эффект притупления психологической боли. Использование алкоголя или наркотиков в сочетании с другими психическими проблемами повышает риск самоубийства.

Группы риска

К ним относят:

- А) Гомосексуалисты и трансвеститы
- Б) Заключенные тюрем и лагерей
- В) Полицейские
- Г) Военные и бывшие военные
- Д) Работники здравоохранения

У первой группы повышает риск не факт принадлежности к нетрадиционной сексуальной ориентации, но депрессия, паническое расстройство и злоупотребление алкоголем и наркотиками. Дискриминация и насилие по отношению к лицам первой группы также вызывают цепную негативную реакцию и повышают риск.

Заключенные обычно совершают первую попытку самоубийства в начале заключения, в состоянии шока от происшедшего, безнадежности и отчаяния. Многие из заключенных страдают психическими заболеваниями, что усугубляет риск, как и то, что им свойственны импульсивность и неконтролируемый гнев. Мы не говорим о тех случаях, когда некоторые используют попытку самоубийства, чтобы попасть в тюремную больницу.

Полицейские работают в состоянии повышенного риска и сопряженного с ним стресса, что ведет к росту алкоголизма, семейным неурядицам, разводам. Вносит вклад и постоянное травмирующее психику влияние обстановки смерти и насилия, с которой сталкивается полиция в своей работе, и доступ к огнестрельному оружию.

Травмирующее влияние военных действий на психику и привычка к насильственным действиям повышают риск самоубийства у ветеранов, участвовавших в сражениях.

Врачи (особенно дантисты), психиатры, медсестры тоже относятся к группе повышенного риска. У дантистов специфическими факторами являются недовольные пациенты, более низкий статус зубоврачебной науки по сравнению с остальной медициной, высокий уровень конкуренции. В целом у всех представителей врачебной профессии много стресса, переработки, хроническая усталость. Врачи склонны сами себе ставить диагноз и заниматься самолечением; они зачастую пессимистически смотрят

на состояние собственного здоровья и предпочитают лучше покончить счеты с жизнью, чем дожидаться медленного угасания. При доступности лекарственных препаратов для врачебного персонала, их передозировка – наиболее распространенный способ самоубийств среди врачей.

Признаки угрожающего суицида

Одним из важных знаний, которыми, я считаю, просто необходимо поделиться, - это знание о том, как распознать признаки надвигающейся беды.

- Разговоры или угрозы самоубийства. Все эти разговоры надо воспринимать серьезно и ни в коем случае не говорить, что угрозы эти делаются, чтобы «попугать».
- Разговоры или письма о смерти и умирании. Как я уже писала, в разговоре с матерью у Вадика однажды проскользнула фраза о жизни и смерти, что между ними нет разницы.
- Разговоры о том, что нет выхода, что нет надежды, нет цели или смысла жизни.
- Отстранение от семьи, друзей, общества. Вадик почти не общался ни со мной, ни с родителями. Мы привыкли к тому, что он молчун и его не тревожили. На день Благодарения я ни за что не могла его уговорить прийти ко мне в гости. Как я упоминала, Вадик в этот день остался дома с родителями, и они были в очень мрачном настроении. Это было за неделю до его гибели.
- Безрассудное или рискованное поведение.
- Беспокойство и гнев. Он внезапно забеспокоился и засуетился в поисках работы и был страшно расстроен, что ничего не получается.
- Внезапная перемена настроения (тишь перед штормом). И это было. Он сказал матери, что успокоился.
- Увеличенное потребление алкоголя или наркотиков.
- Утрата интереса к любимым занятиям. Как я уже писала, компьютер, который постоянно был включен у Вадика, два дня перед смертью Вадика стоял выключенным. Это все было неспроста.
- Внезапно проявляется интерес к людям, которых не видел долгое время. «Прощание». Единственный человек, с которым он попрощался, - это был отец. Я уже об этом писала, что Вадик ему поцеловал руку утром, накануне того дня. Ни маме, ни мне Вадик не сказал ни слова прощанья.
- Старание привести дела в порядок, развязать все узлы, написать завещание. Я уже писала о поступках Вадика перед смертью: заказать молитву по дяде, отказаться от мобильного, послать мои книги своему сыну на Украину. Он даже снял с груди золотую цепочку с могоендовидом, уж не знаю из практических или религиозных соображений. И погиб он в ночь с четверга на пятницу, как мы полагаем, чтоб не нарушить священность субботы. Каким-то образом

чудовищность затеянного сочеталась в его голове с религиозно-сентиментальными соображениями.

- Раздача ценных вещей или коллекций, того, чем дорожил. Когда Вадик снял золотую цепочку с могоендовидом, положил ее в ящик стола и пошел на балкон, этого никто не видел...
- Стремление получить доступ к орудиям убийства (лекарства, пистолет и т.д.)
- Наличие детального плана как осуществить самоубийство. Нет никакого сомнения, что Вадик все детально продумал, чтобы погибнуть наверняка и чтобы никто не был обвинен в его смерти.
- Если Вы заметили у родных или близких нечто подобное, то помните, что помимо Вашего участия, необходимо обратиться к специалисту. Если Ваш близкий человек отказывается пойти на встречу с психологом или психиатром, пойдите на прием сами и поделитесь своими опасениями. Вы можете спасти жизнь! Как я себя корю, что я этого не сделала в отношении собственного брата!

Религиозный взгляд на самоубийство

Основные религии мира (иудаизм, христианство, ислам, индуизм и буддизм) традиционно считали самоубийство грехом. Правда, как пишет Г. Чхартишвили, отношение к самоубийству иудаизма «тоже отрицательно, но без запугивания, свойственного воинственному и агрессивному историческому христианству. Ни в Библии, ни в Талмуде суицид как таковой не осуждается. Наоборот, как мы уже видели, некоторые самоубийцы (Самсон, Разис) прославляются, как герои, и, в отличие от позднего христианства, иудаизм не пытался впоследствии пересмотреть свое отношение к альтруистическому самоубийству – для него было сделано исключение». (65)

Широко известен подвиг защитников горной крепости Масада, где в 73 г. н. э. добровольно покончили с собой тысяча иудеев, чтоб избежать позорного рабства и расправ со стороны римлян. В средние века, чтобы избежать насильственного крещения, целые еврейские общины коллективно кончали с собой, хотя в этом случае вряд ли самоубийство было обусловлено психическими отклонениями или депрессией.

Первые христиане становились жертвами преследований и гибли мученической смертью. Смерть за веру приобрела популярность в ранне-христианском мире и ореол, к достижению которого некоторые стали стремиться. Как реакция на популярность принесения себя в жертву, Святой Августин объявил самоубийство грехом и нарушением шестой заповеди «Не убий». Только Бог, считал Святой Августин, может отнять жизнь у человека. Постепенно позиция церкви в отношении самоубийства ужесточалась и привела к тому, что в 1284 г. Синод в Наймсе постановил, что тела тех, кто покончил с собой, не будут отныне погребаться в освященной земле, а только за церковной оградой. Тела протаскивали за повозками и погребали на

перекрестках, чтоб кол проходил через сердце. У семей конфисковывали имущество самоубийц.

В 1621 г. в Англии вышла книга «Анатомия Меланхолии» Роберта Бертона, которая взывала к милосердию в отношении самоубийц. После смерти Джона Донна в 1647 г. была опубликована его книга «Биатанатос», отвергавшая мысль, что самоубийство – это грех. Однако преобладающее общественное мнение и законодательство долгое время находились в соответствии с господствующей религиозной позицией в отношении самоубийства. Постепенно под влиянием научных исследований, ростом уважения к правам индивидуума и общей толерантности во взглядах западное общество «смягчилось» в отношении к самоубийцам и их семьям. Не заклеить как грех, а понять психологию человека и помочь предотвратить страшную трагедию – таков вектор развития общественного сознания по этому вопросу в странах, где преобладают гуманитарные законы и уважение к правам человека.

Несколько слов об отношении к самоубийству в исламе. Ислам сравнительно мягко относился к самоубийству. Прямого осуждения самоубийства нет в Коране, но встречается в суждениях толкователей Корана. Как пишет Г. Чхартишвили, «В хадисах, то есть посткоранских преданиях о словах и деяниях Пророка, можно найти недвусмысленные угрозы в адрес тех, кто совершает интихар (по-арабски это слово первоначально означало «самоумерщвление посредством взрезания горла», однако позднее стало термином, обозначающим любой вид суицида). В одном из хадисов Пророк говорит: «Убивший себя железом будет до скончания века таскать на себе в аду орудие преступления. Отравившийся будет вечно пить свою отраву. Спрыгнувший с высоты будет вновь и вновь падать в самую бездну преисподней». (66)

Тем не менее, несмотря на осуждение самоубийц толкователями Корана, воинствующий современный ислам поощряет самоубийство за веру, и сотни и тысячи террористов-фанатиков проходят тренировку и убивают невинных людей в политических целях. Во время ирано-иракской войны смерти самоубийц, нанесших урон врагу, праздновались, как свадьбы, и до сих пор милитаристские исламисты создают ореол мучеников вокруг одурманенных ядом пропаганды самоубийц и внушают их семьям, что им надо гордиться своими сыновьями и дочерьми, и ликовать, а не горевать об их гибели. Культ смерти вместо культа жизни, принятого на Западе, схлестнулись в борьбе, и силы жизни смогут победить только при поддержке умеренного мусульманского населения, которое поймет, какое зло представляет подобная идеология самоуничтожения.

И живые позавидуют мертвым...

Он	был	мой	Север,	Юг,	мой	Запад,	мой	Восток,
Мой	шестидневный	труд,	мой	выходной	восторг,			
Слова	и	их	мотив,	местоимений	сплав.			

Любви, считал я, нет конца. Я был не прав.
Иосиф Бродский. Из УХ. Одена.

Месяцы и возможно годы уйдут на то, чтоб память и сознание собрали детали в единую картину и таким образом изучили и осознали полную степень потери.

Марк Твен. Автобиография. (Эти слова, написанные великим писателем, написаны по поводу смерти его дочери, Сюзан – Прим. Автора)

Когда погиб ваш близкий человек...

Всякая смерть близкого, любимого человека – это горе. Но то, что испытывают люди, потерявшие своих родных и близких от самоубийства – это чувство обвала и катастрофы, помноженные на огромную невыносимую боль. Знаменитая исследовательница и врач Элизабет Кюблер-Росс, автор книги «О смерти и умирании» (67), совершив переворот в своей области, оказала огромное влияние на американскую психологию и психотерапию. Она впервые заинтересовалась психологическим состоянием умирающих больных и впервые описала череду сменяющихся эмоций, связанных со смертью и умиранием.

Доктор Кюблер-Росс считала, что эти чувства применимы не только к людям, которым поставлен диагноз смертельного заболевания и умирающим, но и ко всем катастрофическим событиям в жизни человека: потеря свободы, развод, бесплодие. В дальнейшем американская психиатрия распространила эти чувства и на семьи, переживающие потерю близких. Ряд исследователей замечает, что неверно думать, будто эти эмоциональные состояния в полном объеме присутствуют у всех и каждого, как и то, что они сменяют друг друга в некоторой зафиксированной последовательности: шок, отрицание, вина, гнев, депрессия и отчаяние. Принятие.

Шок

Это первая стадия, которая перемежается с чувством неверия и омертвения. Обрушившийся кошмар кажется нереальным. У многих происходит эмоциональная немота. Некоторые не могут оправиться от этого долгие годы, переживая то, что называется по-английски Post Traumatic Stress Disorder, а Пост-Травматическое Расстройство психики (или как еще можно назвать Пост-травматический синдром), присущее многочисленным ветеранам войны, вернувшимся домой, когда пережитое снится по ночам, приходит в виде кошмаров, предстает перед мысленным взором так, как будто это происходит сейчас. Особенно сильны вероятность этого расстройства для того, кто первым обнаруживает труп или является свидетелем самоубийства.

Мои родители спали, когда Вадик бросился с балкона. Как оказалось, кто-то из жильцов дома, проходя глубокой ночью мимо, заметил лежащее тело. Позвонили в полицию. Моих родителей разбудил стук в дверь. Увидев

полицейских, родители растерялись. «Вы живете одни?» «Нет, с сыном». «Где Ваш сын?» «Он спит...» -Мама,...в полной уверенности,...открывает дверь в спальню и видит пустую кровать. «Что с ним???» Полицейские стремительно идут к балкону. Тут папа увидел тапочки Вадика. «Надя, он бросился!!!» Можно ли это забыть? То, что мои родители не тронулись рассудком и не последовали за моим братом, – это нам просто всем повезло...

Вот что пишет близкий человек, обнаруживший труп любимого. «Ни слова, ни красноречивые описания не могут передать те чувства, которые сотрясали меня, когда я держала холодное серое тело своего возлюбленного. Только тот, кто пережил подобную трагедию, знает о том шоке, гневе и агонии, которые швырнули меня на колени после того, как я обнаружила труп. Я слышала, что я ору: «Нет, Боже, нет!» Я молила Господа пробудить меня от этого кошмара. Никогда я не чувствовала себя столь одинокой. Я раскачивалась и плакала, когда я держала безжизненное тело лучшего друга, которого мне довелось узнать за свою жизнь». (68)

Марк Твен, узнав о смерти дочери Джин, ощутил, по его признанию то, что чувствует солдат, сраженный пулей в живот. Шок проявляет себя по-разному. Я уже писала об эмоциональной немоте. Вот свидетельство очевидца. «В первые дни после моих утрат я помню, что я держала себя под контролем. У меня были сухие глаза во время похорон. Я даже написала надгробную речь. Приветствуя других, я помнила тех, кто праздновал дни рождения и юбилеи. Судя по внешнему виду, я была морем сдержанности и спокойствия.

Тем не менее я знаю о том, как я себя вела, со слов окружающих. Я не могу вспомнить никаких деталей. Произошедшее тогда либо покрыто туманом, либо полностью отсутствует в сознании. Я переносила все с такой выдержкой из-за шока, а не силы. Шок держал и провел меня сквозь часы и ритуалы. Но внутри меня была огромная пустота. То, что другим представлялось силой, было бумажным фасадом. Все мне казалось нереальным и очень мало отмечалось в сознании. Я двигалась, как во сне». (69)

Чувство нереальности происходящего, дурного сна и вообще чувство иллюзорности жизни – все это мне знакомо, все это я пережила на себе. Мир перевернулся и ничего больше не имело значения.

Отрицание.

Как больной со смертельным диагнозом не может поверить в то, что преподнесла ему судьба: «Это не может случиться со мной! Я чувствую себя прекрасно!», так и в момент, когда многие сталкиваются с фактом самоубийства их родных и близких, они не могут в это поверить, отрицают. Многие настаивают, что это не могло быть самоубийство. Что это убийство. Что их близкий человек никогда бы не подумал покончить с собой. Есть люди, которые проживают в состоянии отрицания всю жизнь, не желая

поверить в произошедшее с ними. Так, например, смерть 20-летней супер модели Светланы Коршуновой, погибшей от падения из окна многоэтажного дома в Манхэттене в 2008 г., вызвала мощную реакцию отрицания у ее матери, которая не хотела верить, что ее дочь могла захотеть покончить с собой. По убеждению многих исследователей, статистика самоубийств занижена во всех странах, поскольку родные и близкие не хотят верить зачастую в факт самоубийства и представляют произошедшее несчастным случаем. Часто и в самом деле нелегко определить причину гибели: передозировка наркотиков или снотворных препаратов, машина врезалась в столб или дерево, кто-то лез на рожон и с оружием угрожал полицейскому (этот вид самоубийства и характеризуется как самоубийство с помощью полицейского) и другие неясные случаи. В одном из проводимых исследований, когда интервьюировали родителей покончивших самоубийством молодых людей, почти во всех ответах в той или иной форме присутствовало отрицание. «Большинство родителей отрицали средства совершенного суицида. Это был всегда несчастный случай: она упала или он просто чистил ружье. Одна родительница призналась: «Я чувствую стыд», потому что ее сын совершил самоубийство. Отрицание смерти как самоубийства было вызвано усилием родителей отстранить себя от того, что они называли «бесчестьем», которое самоубийство приносит на их имя и семью. На глубоком психодинамическом уровне они отрицали свою вовлеченность, иногда реальную, а иногда воображаемую. Эти родители просто считали смерть случайностью или убийством и придерживались этого мнения на протяжении восемнадцати месяцев с момента гибели и в продолжение всего исследования». (70)

У нас не было никаких сомнений в том, что палач и жертва соединились в одном лице, в лице моего брата. Мы не могли отрицать очевидное. Начиная со страшного момента, когда я узнала о том, что сделал мой брат, и до сегодняшнего дня я распутываю клубок его душевных терзаний и его судьбы...

Вина

Людей теряют только раз
И, след теряя, не находят.
А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит.
А если он уходит днем,
Он все равно от вас уходит.
Давай сейчас его вернем,
Пока он площадь переходит.

Г. Шпаликов

Это чувство исходит из той предпосылки, что мы могли бы повлиять на будущее и изменить его ход, что мы ответственны за решения, которые

принимают наши близкие люди. Не надо преувеличивать степень своего влияния на судьбы других людей и на их решения.

После гибели моего брата я неустанно внушала своим родителям, что мы действовали всегда, исходя из наших лучших побуждений, в том числе и по отношению к моему брату, и если мы иногда и поступали неправильно, то ошибаться – это человеческое качество, а мы люди. Мы просто люди. Мы не обладали даром предвидения, и никому из нас в голову не приходило, что мой брат может решиться на подобное. К сожалению, как я ни старалась, мой брат в глазах моих родителей, особенно матери, оставался ребенком, нуждавшимся в защите. «Если бы я с ним поговорила, если бы ты, если бы отец... Как я его не уберегла?» - эти вопросы сопровождают меня уже пять лет. Их задает моя мать, их задаю себе я сама, что греха таить, при всем моем теперешнем знании о самоубийстве и его причинах, чувство вины будет со мной всегда, хотя в гораздо более смягченном варианте, чем если бы я ничего не знала и не писала бы этой книги.

Джоэль Ротшильд, у которой любимый человек покончил с собой, вспоминает: «После самоубийства моего возлюбленного друга Альберта мои страдания были уникальными. Я считала, что его смерть – это полное отвержение меня. Меня переполняло мучительное чувство вины в том, что я не была достаточно хороша, что я не верила и не любила его до такой степени, чтобы он мог поделиться со мной своими страданиями. Я думала, что я могла и что это было в моих силах – спасти его». (71)

Не думайте о том, что окружающие вас осуждают. Главное – перестаньте казнить себя сами. Окружающие в большинстве своем понимают, что вы не виновны в гибели вашего близкого человека.

Джефри Джэксон приводит истории двух молодых женщин, покончивших с собой после долгих лет борьбы с депрессией. Мать одной насильно определила свою дочь в психиатрическую лечебницу, мать другой отказывалась поместить свою дочь в больницу. В результате дочери покончили с собой, и каждая мать обвиняла себя в том, что она не сделала то, что сделала другая. (72)

Матери и отцы, братья и сестры, жены и мужья, словом, все до единого, кого коснулась трагедия и кто так или иначе соприкасался с погибшим, начинают себя вопрошать, что они не сделали или сделали не так, как надо, как они бы могли изменить ход страшных событий. Говорят, что муки того, кто покончил с собой, кончаются с его гибелью, но зато начинаются нескончаемые муки оставшихся в живых. Начинается процесс самоистязания, вопросы к самим себе, грызущее и разъедающее душу чувство вины, которое является одной из причин, почему родные и близкие самоубийц сразу попадают в группу риска.

В нашей семье не было отрицания факта свершившегося. Ни у кого не было сомнений, что произошедшее было целиком и полностью задумано и осуществлено моим братом, палачом и жертвой в одном лице. Но сколько

потом мы винули и продолжаем винить самих себя, как долго вспоминали мельчайшие детали в отношении тех, кто не помог ему, не подсказал. «Как мы не догадались о том, что он задумал?!», «Как мог его друг, врач, не предупредить о том, что Вадик может повторить попытку самоубийства?!», «Как я могла не прибежать к нему поговорить, зная, что он находится в ужасном состоянии?», «Зачем я сказала ему это, зачем не сказала то?!», «Зачем папа с ним почти не разговаривал?!», «Зачем дядя наговорил всяких ненужных вещей?», «Зачем бывшая жена брата сказала ему, что он всем приносит только зло?» и т.д. и т.п.

Вот что писал товарищ Вадика после того, как погиб мой брат:

А помнить, Вадика я всегда помню, у меня много фотографий, где мы вместе: и в Баку, и в Москве, на пляже, на Арбате. И всегда, как посмотрю, - защежит, и думаю: зачем, зачем, зачем... Если бы почувствовал, побежал бы звонить, писать, что-то делать, чтобы такого не произошло, но не исправить, Ведь в письмах, наоборот, больше просил поддержки я, спрашивал, жаловался на что-то. А по телефону накатывала такая радость, что и поговорить не получалось. Как он радовался, когда он звонил 31 января, пусть невпопад... Теперь понимаю, что надо было и писать больше, и звонить чаще, чаще, но мы стеснялись открываться, раскрывать свои чувства. А любил он нас всех, но стеснялся, был добрым и прощал, стеснялся открыть свою доброту и ласковость.

Суицидальная личность обладает искаженным взглядом на действительность. То, что нам представляется разрешимым, видится им совсем по-другому, как проблемы, не имеющие выхода. Как мудро заметил некто, самоубийство – это окончательное решение временных проблем. И в этой связи мало что могут объяснить записки, оставленные своим близким. Чаще всего они просят никого не винить в их смерти, утверждают, что все безнадежно, что нет иного выхода, то есть добавляют еще больше тумана в оглушенное сознание родни. Эдвин Шнейдман, изучивший буквально тысячи записок, оставленных самоубийцами или теми, кто покушался на свою жизнь, пишет, что в ряде записок можно явно выявить следующие чувства: ненависти к себе или другим, любви, стыда, страха перед наступающим приступом безумия (вспомним письмо, оставленное Вирджинией Вульф), или чувство, что окружающим будет лучше без них, т.е. обсуждаемое ранее чувство обузы. (73) В большинстве случаев вообще никаких записок не остается. По статистике, записки оставляют в одном случае из пяти (74) И это понятно: мозг человек, глубоко погруженного в депрессию, не функционирует на прежнем уровне. Мой брат, как я писала, сказал мне незадолго до происшедшего, что он даже анкету заполнить не в состоянии, после чего я забила тревогу, и мы хотели его повести к психиатру, но он отказался. По воспоминаниям Лидии Чуковской, Марина Цветаева незадолго до гибели сказала: «Вы не можете себе представить, до какой степени я беспомощна. Я раньше умела писать стихи, но теперь разучилась»

(«Разучилась писать стихи, - подумала я, и – это, наверное, ей только кажется. Но все равно – дело плохо. Так было с Блоком... незадолго до смерти»). (75)...

Мы можем сколько угодно обвинять себя, но факт остается фактом, что люди, покончившие с собой, сделали этот выбор самостоятельно. Хотя, надо добавить, что о выборе можно тут говорить не в полном смысле слова, так как сознание страдальцев было искажено, и они неадекватно воспринимали реальность.

Гнев

«Это несправедливо!» «Я не смогу смириться с этим!» «Почему это случилось именно со мной?!» «Как Бог мог допустить?!» Это гнев на судьбу, на Бога, на врачей или психотерапевтов, на близких, на себя, на умершего, на все и на вся.

«Гнев может быть немедленной реакцией, но он тоже играет необходимую роль в скорби об умершем. Выжившие часто боятся сердиться на своих любимых, боясь, что если они начнут, то не смогут остановиться, что они ранят себя и других и что другие будут думать, что они слабые или ненормальные. Сердиться на умершего кажется предательством, тем не менее они сердились на него, когда он или она были живы. Это нормально выражать гнев подобающим образом. Гнев не означает, что любовь окончена. Он означает, что выжившие глубоко скорбят, что их любимый не с ними». (76)

Гнев может быть обращен и на друзей, пытающихся помочь, но делающих это неуклюже, и даже самые невинные замечания могут причинить боль и рассердить горюющего. Когда Пола Д'Арсу потеряла мужа и 22-месячную дочь в результате аварии, она «сердилась на женщин, которые были замужем и жаловались на своих мужей, не осознавая того, что они имели. Я сердилась на семьи, которые были не затронуты, в отличие от моей. Я ненавидела всех, кто имел то, что я потеряла. А затем те самые мысли, такие трудные, заставили меня спуститься еще на одну ступень ниже. Они заставили меня ненавидеть самое себя. «Что я за озлобленный человек, чтоб иметь такие мысли? – рассуждала я. – Посмотри на себя. Ты полная развалина». (77)

Я покривила бы душой, если б сказала, что мы избежали вполне понятных чувств гнева, досады, обиды, раздражения, какого-то ожесточения против судьбы, против моего брата, против недалеких и неумных замечаний некоторых окружающих. «Как он мог нас бросить? Как мог оставить старых родителей? Он, наверное, был ужасный человек! Он меня ни в грош не ставил и даже не попрощался со мной! Ему никто не был нужен! Он нас не любил...» Все эти чувства и восклицания были продиктованы нашим горем и были по существу несправедливы. При чем здесь мы? Он мучился один со своими внутренними демонами и погиб один...

Депрессия и отчаяние

Печаль, чувство поражения и безнадежности часто овладевают человеком, пережившим утрату. Скорбь и горе отравляют его существование. Тут нет календаря, по которому скорбь должна отпустить. Тот срок, который годится для одних, не подходит для других.

Я помню, как я ложилась и вставала с мыслью о брате. Такое состояние продолжалось довольно долго. Слезы лились по всякому ничтожному поводу. Когда я пришла утешать соседку, у которой внезапно умер муж, то плакала я, а соседка сидела с сухими глазами, и я виновато ей объясняла, что недавно погиб мой брат. То же самое повторилось, когда я позвонила выразить соболезнование своей бывшей начальнице, у которой умерла сестра. Состояние глубокого горя и печали, в которое погрузилась наша семья – об это невозможно рассказать. Слабое представление об этом могут дать мои стихи, посвященные брату. В то же самое время надо различать чувство горя, что совершенно естественно и натурально, и состояние депрессии (см. Подробное описание депрессии выше). До сих пор горюют мои родители, и их горе останется с ними до конца. Моя забота – скрашивать их существование, хотя никогда один ребенок не заполнит в их сердцах того места, которое занимали мы вдвоем.

Вот, что пишет Айрис Болтон, автор книги «Мой сын, мой сын...», которая, сама будучи психотерапевтом и многодетной матерью, испытала потерю молодого талантливого сына, покончившего с собой: «Я чувствовала шок, замешательство, я была ошеломлена. Я чувствовала себя виновной и в ответе за происшедшее. «Это, должно быть, моя вина» - говорила я . «Это мое поражение. Должно быть, я плохая». Я чувствовала себя отвергнутой, что вело к жалости к самой себе. «Он предпочел смерть жизни со мной», можно описать и так. Чувство отверженности вело к вопросу: «Почему именно я, Господи? Что я сделала, чтобы заслужить это?» Я чувствовала гнев, огромный и всепоглощающий. Я была сердита на Бога, на себя и в конце концов на своего сына. Иногда я даже чувствовала себя виноватой за то, что я была так зла. Чувство неотвратимой несправедливости преследовало меня. Я чувствовала стыд. Я спрашивала себя: «Что, должно быть, мои друзья думают обо мне и о нашей семье? Как могу я снова видаться с ними? Это так унижительно».

Я чувствовала себя изолированной, даже в окружении людей... Я чувствовала себя беспомощной, слабой и безжизненной . «Я не могу отменить смерть моего сына» - думала я. «Я не могу начать жизнь заново и не могу справиться с этим горем».

Я чувствовала себя беспомощной, депрессивной и была готова покончить с собой. Боль становится глубже и глубже. «Я не могу так продолжать. Я хочу умереть». (78)

Слезы, крики, гневливые вспышки, потеря сознания – эти реакции могут сопровождать скорбящих, повторяться в разное время. Люди чувствуют, что сходят с ума, что теряют контроль над собой. Кто-то постарается избежать тех, кто им напоминает о трагедии, кто-то замкнется и не захочет никого видеть, кто-то будет видеть кошмары по ночам или видеть происшедшую трагедию, как наяву, кто-то потеряет интерес к жизни, кто-то будет конфликтовать с близкими. Все горюют по-разному и надо понимать и стараться бережнее относиться друг к другу, не осуждая никого за якобы странное проявление скорби. Чувства нельзя игнорировать, они нуждаются в том, чтобы быть излитыми, признанными окружающими, люди нуждаются, чтобы их поддержали в горе.

Стигма: отрицание факта самоубийства в семье

Я уже писала выше о том, что во многих семьях стараются отрицать, скрыть факт самоубийства, и поэтому зачастую статистика, касающаяся суицида, занижена. Некоторые искренно отрицают и не хотят верить в то, что произошло. Ведь в глазах жены признать случившееся значило бы то, что муж ее бросил; для матери – что она оказалась не нужна собственному сыну, что страшно унижительно. Это бы означало, как полагают участники трагедии, признать перед всем миром свою несостоятельность и поражение, что, конечно же, в 99% случаях совершенно неверно и далеко от реальности, но сами чувства от этого не перестают существовать.

Поэтому не удивительно, что некоторые семьи объявляют словно «заговор молчания» и не хотят обсуждать ни между собой, ни с кем бы то ни было произошедшую с ними катастрофу. Бывали случаи, когда много лет спустя, словно вырвавшийся пар из бутылки, лились признания людей, мучивших и терзавших себя всю жизнь этим стоически упорным и никому не нужным молчанием. Когда я решила наконец пойти в группу поддержки, организованную для тех, чьи близкие покончили с собой, под эгидой общества «Добрые Самаритяне», то в ней были люди, которые сознавалась, как им было тяжело носить в себе и никому не раскрывать свои переживания по поводу кончины близких. Некоторые годами молчали и мучились, мучились и молчали...

«С того момента, как мы узнали о смерти нашей дочери, я поняла, что слово «самоубийство» обладает властью стереть ее жизнь, высветив ее смерть неоновыми буквами в мозгах ее друзей и коллег. В первые дни безутешного горя у меня бродила мысль о том, чтоб никому не говорить о ее смерти, чтоб она оставалась живой в мыслях тех, кто знал ее, забывая, что я уже оповестила нашу семью и близких друзей. Это было сказочное пожелание, придуманное мной, чтоб хоть на мгновение исчезнуть из невыносимой реальности ее смерти. Если никто не признает ее смерть, будет ли она жива?

Моя фантазия исчезла в холодном свете последующих дней. Я знала, что мы никогда не обесчестим память Ронды, скрыв ее самоубийство. Я написала

письмо друзьям и родственникам, сообщая им о событиях, приведших к ее смерти. Я надеялась, что мое письмо утихомирит неизбежные слухи тем, что открыто признает ее депрессию и ее решение покончить с собой. Я умоляла их говорить с нами о ней часто и открыто; поступить противоположным образом значило бы отрицать ее существование.

В своей откровенной книге «Раскрывая секреты» великий теолог Фредерик Бакнер описывает самоубийство своего отца, происшедшее, когда автор был еще ребенком. Заговор молчания, навязанный Фредерику и его брату, наложил глубокий отпечаток на его развитие и отношения с членами семьи. «Мы больны, как и наши секреты», - заключает Фредерик.... Джойс Эндрюс в статье «Самоубийство: как мы говорим о нем?» пишет: «Мы, чьи дети забрали свои жизни, должны сделать все возможное, чтоб избавиться от секретности и клейма, которые окружают их смерти. Если мы позволим этому сохраниться, то мы тем самым приуменьшим значение жизни наших детей. Они заслуживают большего». (79)

К сожалению, страх перед осуждением окружающих не всегда бывает необоснованным. Иногда родные и близкие покойного сталкиваются с шушуканьем за их спинами, молчаливым или явным неодобрением по поводу их поведения и обвинениями в их адрес. Такое поведение по отношению к людям, переживающим подобное горе, просто бесчеловечно. Они и так казнят себя каждый день!

Наша семья всегда была очень открытая и откровенная по характеру и поэтому скрыть и замолчать трагедию подобного масштаба было невозможно для нас с самого начала. Это не значит, что теперь, по прошествии лет, мы готовы всем и каждому рассказывать о том, что произошло. Если незнакомые люди спрашивают мою маму, сколько у нее детей, она зачастую упоминает только меня. Слишком больно и не нужно говорить незнакомцам о том, что ни объяснить, ни до конца понять невозможно.

У мамы сразу после самоубийства Вадика была мысль о том, чтобы скрыть правду от моих детей, но теперь, по прошествии времени, я не представляю, как это было бы возможно. Мы все время говорили о нем, с детьми и без детей, и, я думаю, это правильно и это самое лучшее, что можно посоветовать тем, кто мучается от боли утраты. Людям надо говорить о своем горе и плакать столько, сколько они хотят. Нужно дать им возможность рассуждать и думать на эту тему, сколько они хотят. Никакие советы типа «не думай об этом» не помогают, а только раздражают. Сужу по собственному опыту. Меня раздражали не только эти советы, но даже счастливая готовность некоторых друзей и знакомых перейти на «безопасный» предмет разговора. То чувство облегчения, которое я читала на некоторых лицах, мне было неприятно, как бы абсурдны ни были мои собственные ощущения.

После того как мой брат убил себя, я каждый день говорила с моими родителями, особенно с мамой, когда мы встречались или по телефону. Прошло почти пять лет, и теперь ясно, что мы навсегда оказались

искалеченными нашей трагедией. Ни наша семья, ни наши отношения не будут прежними, ничто и никто уже не восстановит прежнего мира и прежних нас.

Что для меня значила смерть брата

Про свои чувства говорить трудно, это была целая буря, истрепавшая и истерзавшая. Там была и обида на брата (как же, бросил меня и оставил одну доживать свои дни с грузом забот и тягот, с ответственностью за близких), и злость на себя как на полную идиотку, не видевшую очевидного, безграмотную дуру, не сумевшую помочь единственному брату, и недовольство и родителями и мужем, что не сумели подобрать ключи к сердцу моего любимого брата, и боль и жалость к брату, испытывавшему явно перед смертью нечеловеческие муки, раз он решился на такое, и чувство нереальности и абсурдности происходящего, то чувство, о котором, наверное, писал Вадик в одном из своих писем «Сердце вырвано». Удивительно, но годы спустя, я наткнулась на стихотворение известного поэта, друга Сергея Есенина, Анатолия Мариенгофа из рукописного сборника «После этого». «После этого» означало после трагедии, постигшей семью Мариенгофа, когда его единственный, любимый умный одаренный 17-ти летний сын покончил с собой.

там место не открытое
над белой вазой клен
душа моя зарыта там
где сын мой погребен
все конечно
отказано
волненью горьких лет
ведь я лежу под вазою
гуляя по земле

Ничего не зная об этом стихотворении, я написала строки «душа моя зарыта там, где мой брат», которые абсолютно аутентично передавали мое мироощущение вне всякой связи со стихами Мариенгофа, о которых мне тогда не было ничего известно. О трагедии Анатолии Мариенгофа мне рассказал позднее писатель Владимир Соловьев, которому я дала прочесть свои стихи о Вадике.

Где-то я прочла, что для брата или сестры смерть сестры или брата противоречит всему сложившемуся в их сознании миропорядку, при котором наши братья и сестры живут на этой земле, пока мы живы. Они, помимо мужей и жен, наши естественные спутники, данные нам Богом и родителями. Дико и неестественно терять их на любом отрезке жизненного пути, но особенно страшно, если эта потеря происходит при обстоятельствах, подобных нашим...

После смерти Вадика у меня было абсурдное чувство, что он присутствует везде, что его душа/дух где-то рядом и наблюдает за всеми моими действиями, одобряя или осуждая их. Птица ли сядет рядом, бабочка ли вспорхнет – все казалось вестью о нем, каким-то Знаком, означающим его незримое присутствие.

Чувство физической боли. Ощущение, что тебе дали под дых, ударили по самому больному и сокровенному. Я читала, что люди, потерявшие близких, чаще жалуются на физическую боль, словно ощущают симптомы болезни. Врачи знают об этой закономерности и не удивляются. Я тоже, помню, ходила к врачу и жаловалась на боли в области сердца. Была ли это боль физической или метафизической? Скорее второе, чем первое.

Я всегда любила своего брата, но до момента потери я никогда в такой острой степени не чувствовала, как он мне необходим, какое это было счастье знать, что у меня есть брат, как важно было его физическое присутствие в мире, пусть и не рядом со мной. Кто-то заметил, что только братья и сестры понимают, что такое жить в определенной семье, только они объединены общим прошлым и имеют богатство воспоминаний, которые никто в мире не сможет разделить и понять. Чувство братской и сестринской любви для меня – святое чувство. Это любовь в чистом виде – просто чувство близости и желание добра родному тебе существу. Я не сомневаюсь, что мой брат меня любил, как и я любила и продолжаю любить его. В одной из книг о горе и прощании с близкими я прочла, что наши отношения не кончаются со смертью наших любимых людей. Мой брат навсегда будет со мной. Мой любимый, мой единственный, мой Маленький принц. Когда после смерти брата я не знала, как мне утешить горюющих родителей, мы пошли однажды с мамой в городской оперной театр и там прослушали великолепную постановку «Маленького принца». Надо ли добавлять, что мы облились слезами после спектакля...

Мне казалось абсурдом то, что случилось, дурным сном, который, казалось, может окончиться и все восстановится, как было. Мне было досадно, что он погиб и теперь лишил меня возможности капитуляции перед жизнью, приковал меня, словно Сизифа, к своей доле, и что отныне я обречена стареть, болеть, переносить утраты, а он навеки останется молодым и не знающим ни о чем плохом, что может принести будущее.

У меня было намечено выступление в одной из бруклинских библиотек, которое должно было состояться через несколько дней после гибели Вадика. Конечно же, это выступление было отменено.

Однажды я увидела Вадика во сне, за праздничным столом. Отведя его в сторону, буквально наподобие церковника, клеймящего грех, я заявила: «Ты это сделал». Проснувшись, я покаянно осознала, что ни вопроса я ему не задала, ни прощения не попросила, а только, как прокурор, перстом указующим заклеила, как в детстве, когда я, солидаризуясь с родителями, обвиняла его в проступках и негодовала...

Недавно мама видела его во сне и спросила, почему он резал себе вены в Израиле. Вадик ей ничего не ответил...

Смерть Вадика навеки изменила мое отношение к смерти и личным утратам. Я стала лучше понимать других, страдающих от потери близких. Я с ужасом вспоминала, как невнимательна я была порою к своим знакомым и родственникам, перенесшим личные трагедии, как мало я с ними говорила на эти темы, такие сокровенные и болезненные.

Одна из пострадавших пишет о смерти брата или сестры. «Я стала думать о скорби брата или сестры как об «уцененной» скорби. ... Люди волнуются о скорбящих родителях и обращают очень мало внимания на горящих братьев или сестер. Моя «любимая» цитата касательно этого: «позаботься о своих родителях». Я хотела бы знать, кому положено позаботиться обо мне, но не могла это спросить.

Скорбь по сестре или брату может отличаться от скорби родителей о потере ребенка, но нельзя ее недооценивать. Людям надо понять, что очевидна боль, которую чувствуют родители, потерявшие ребенка, но сильна также боль сестры или брата, потерявших невосполнимого друга. ...Потеря сестры или брата – это часто первый их опыт, касающийся смерти молодого человека. Молодые люди думают, что они будут жить вечно». (80)

Ей вторит Элизабет Де Вита-Рэберн, автор книги, написавшей о своем брате, умершем мальчиком от тяжелой болезни. «...мне трудно понять, почему потеря брата или сестры долгое время считалась менее значительной, чем другие утраты. Только за последние двадцать лет она была признана как травма, приближающаяся к потере родителя или ребенка. Все еще, несмотря на усилия некоторых экспертов, многие из которых сами потеряли сестру или брата, и это их побудило проводить исследования, чтоб ответить на собственные вопросы, эта идея не принята всецело. Хотя приблизительно 25% американцев потеряли сестру или брата, эта потеря находится в тени потери родителями их ребенка. Когда умирает взрослый человек, эта утрата находится в тени утрат, выпавших на долю супруга или супруги и детей умершего.... Когда спрашивали о моем брате, руководствуясь самыми хорошими намерениями, соболезнующий качал головой и говорил: «Как это должно быть ужасно для твоих родителей». (81)

Когда умер брат Элизабет, она была девочкой и старалась вести себя хорошо, чтобы не огорчать родителей, но на самом деле у нее были серьезные проблемы, которые она от всех скрывала. Элизабет как бы «заморозила» свое горе, поскольку никто из окружающих не замечал, как она страдает, и она сама не замечала, как запрятала все свои глубокие чувства к брату и память о нем в «шкаф» и продолжала паковать этот «шкаф» до тех пор, пока он уже не вмещал содержимое и буквально трещал по швам от напора. Тогда-то Элизабет начала встречаться с психотерапевтом и медленно, но верно смогла добраться до корней своего тяжелого внутреннего состояния и обнаружить, что причина этому – то, что она не «отгоревала» смерть своего

брата, что окружающие не видели в ней человека, у которого огромная утрата, и что это непризнание значимости утраты повлияло опосредованно на нее и она закрывала глаза на то, как глубоко затронула ее трагедия семьи. Начался тяжелый и мучительный процесс исцеления, результатом которого стала книга, отрывок из которой я привела выше.

Как объяснить самоубийство детям? Можно сказать им, что человек был болен, у него была умственная болезнь, из-за которой он не захотел жить. Не надо думать, что, скрывая от детей происшедшее, мы их «оберегаем». Дети чувствуют ложь и фальшь, и нельзя их обманывать. Нужно только дать им понять, что их близкий не был плохим человеком, но его выбор был плохим. Еще раз подчеркну, что мы можем говорить о выборе здесь не в полном смысле. Рациональный выбор и поиск альтернатив возможен для здорового ума. Суицидальные же личности находятся в таком состоянии, что не видят альтернатив своему страшному решению. Это не значит, что альтернатив не существует. Пока человек жив, есть надежда. С его смертью – конец всяким надеждам.

Это мы ясно почувствовали на примере моего брата. Как мы мечтали, что у него будет семья, что он будет работать, обретет покой и достаток, будет иметь собственное жилье. Родители представляли, как он будет разъезжать на собственной машине или откроет свой бизнес. Они были готовы ему всячески помочь в этом и с ним несколько раз на эти темы говорили. С его смертью все надежды оборвались...

Невозможно передать горе моих родителей. Моя мама замкнулась и буквально не хотела никого видеть, мой папа, такой жизнелюбивый и жизнерадостный, тоже изменился и горевал по-своему. Мама моя, у которой предстояло в мае 2004 г. 70-летие, сказала, что отмечать его не будет и, действительно, мы не отметили этот день, только близкие поздравили маму, а я подарила ей кольцо с черным камнем. И по сей день мама отказывается ходить на празднования и юбилеи, которые устраивают друзья и знакомые моих родителей. А папа не хочет ходить без нее...

Если те, кто хотят покончить с собой, хоть на минуту думают, что их уход будет облегчением для их родных и все будет лучше без них, то они заблуждаются и ничего не может быть дальше от истины. Как бы ни было тяжело с близкими людьми, у которых проблемы, без них хуже в неизмеримое число раз. Рушится привычный мир, зачастую даже рушатся семьи, не в силах справиться с грузом вины и взаимных обвинений, остаются разбитые сердца под обломками кораблекрушения...

Принятие: мифы и факты

«Мы ничего не можем изменить», «Все в руках Божьих». В конечном счете, все мы приходим к этому, но через какие муки? Как сказала Айрис Болтон, приходит «понимание, что вы никогда не будете теми же, но Ваша жизнь будет продолжаться, а с нею поиск смысла и цели». (82)

Джеффри Джэксон утверждает, что (83) принятие того, что произошло, сходно с процессом отделения мифов от фактов. Вот несколько примеров, которые он приводит.

МИФ, который мы должны отвергнуть-ФАКТ, который мы должны принять

Это моя вина, что случилось или... Это вина врача, супруга, родителей, инесет т.д.	Единственный человек, который несет ответственность за происшедшее – это сама жертва.
Если бы я смог или смогла остановить эту попытку, все было бы хорошо	У меня нет возможности узнать, что случилось, если бы все произошло по-другому. Многие пытаются покончить с с собой, несмотря на неоднократные попытки их спасти, даже находясь под присмотром опытных врачей.
Тот, кто погиб, – ужасный человек, так как он совершил такое.	Человек, которого я потерял или потеряла, вероятно, страдал от эмоционального заболевания.
Человек, который погиб, был святым и не мог сделать ничего дурного.	Тот, кого мы потеряли, сделал трагический выбор закончить свою жизнь.
Я бы мог или могла спасти его.	Я только человек и не в состоянии контролировать события вокруг меня.
Я никогда не смогу быть счастливой.	Моя жизнь навсегда переменится из-за этой потери, но моя жизнь будет продолжаться.
Я знаю, что окружающие думают обо мне	Часто близких людей самоубийц стигматизируют, но не надо проецировать свои негативные мысли на окружающих

Мне хочется привести отрывок из письма товарища Вадика, написанного недавно, когда прошло уже почти пять лет со дня смерти моего брата.

Все наши родные, близкие, друзья – они рядом с нами, Лиля. Ведь поэтому мы ходим к ним на кладбище, вспоминаем их, встречаясь вместе: «Вадик сказал», «А помнишь...». Эти воспоминания не надоедают и не кончаются. Для меня, если раньше Вадик уехал далеко в Америку и поговорить можно было только по телефону, - теперь он просто где-то дальше. А поговорить с ним можно, тихо напившись одному дома, или

ударившись в воспоминания с боевыми товарищами... Виталик всегда - по нему видно - очень переживает, но молчит, молчит тяжело, а выпив, кричит, машет руками: «Почему он не приехал сюда?!»... Ну, не приехал он, рано или поздно, приедем мы к нему... Но никак не укладывается, что так могло подействовать на Вадика – ведь он совсем не слаб, сколько всего бывало тяжёлого, грустного, обидного... Ведь как-то вылезали, забывалось, отвлекалось... М.б., одиночество? М.б., нелады с Харьковом... Тима говорил о попытке само..., но не верится, ну не укладывается. И в письмах его ничего не чувствовалось...

Я, приезжая в Покров на кладбище, разговариваю с мамой, с Геной, и верится, что они слышат и мы не остались одни... Потому что там каждую весну распускаются новые цветы. Когда бываю один, разговариваю с Вадиком – ведь они разговаривают с нами, когда снятся нам?

Что делать и что не делать окружающим

Ведь она такая таниственнная и неизведанная, эта страна слез

Антуан де Сент Экзюпери

Это очень деликатная область, область чувств, и после случившегося с братом я сделала множество открытий, которые повлияли на мое отношение ко многим людям. Те, кто казались отдалены, вдруг неожиданно стали близки и проявили удивительную чуткость и деликатность. Некоторые знакомые и друзья то ли от шока, то ли от незнания, как себя вести, вообще оказались отрезанными от нашей семьи и надолго замолчали. Сказать по правде, всех, абсолютно всех без исключения я теперь пропускала через призму того, как они восприняли то, что произошло у нас и как они себя повели.

Целому ряду знакомых я не могу внутренне простить той нечуткости, которую они проявили. Если они не позвонили, не пришли, не выразили своего соболезнования, то как друзья они для меня перестали существовать. Некоторые, узнав о том, что произошло, надолго (наверное, уже навсегда) «выключились из нашей жизни». Мой бывший издатель, теперь уже покойный, узнав о моем горе, даже не выразил толком соболезнования, а что-то стал говорить о своих делах и заботах. Я холодно с ним распрощалась, и наши отношения навсегда прервались. Теперь я уже знаю, что многие люди, столкнувшись с подобным горем, не знают, что делать и что говорить и часто поступают не так и говорят не то. Не следует их за это осуждать, но на собственном опыте я знаю, что многое забыть просто невозможно.

Я не могу забыть, как мать моей подруги спросила про мою маму «Что она, все хнычет?» Я смолчала только потому, что отнесла ее реплику за счет старческого слабоумия и грубости, так ей присущей. Или я говорила с моей коллегой и чувствовала, как ее тяготит мое настроение, как ей хочется обсуждать обычные дела и, хотя умом я понимала, что это желание совершенно естественно, мне была неприятна эта ее всегдашняя готовность улыбаться, забыв о том, что было у меня на душе. Если я слышала комплимент, как я хорошо выгляжу, то, кроме раздражения, у меня эти слова ничего не вызывали. Я помню, что где-то читала, как Ольга Берггольц не

могла простить Николаю Чуковскому подобных слов, когда она недавно похоронила своего мужа.

Мне было тяжело и неприятно слышать, что мой брат был болен, причем от кого бы то ни было и даже спустя сколько угодно времени, мне не нужно было знать, что мне и моим родителям полегчает через какое количество времени или лет, меня раздражали улыбки окружающих и хотелось спрятаться от всех и забиться куда-нибудь в угол, стать невидимкой. Моя мама долго не могла себя заставить возобновить занятия в группе по изучению английского, куда она до этого ходила. Ей потребовался год или два, чтоб вернуться к своим прежним знакомым. Ей было стыдно, что как мать она упустила своего сына. Чувство понятное, но совершенно не оправданное. Как будто мой брат был младенцем, а она обладала даром всеведения!

Джун Колф, пытаясь помочь тем, кто не знает, что сказать людям, горюющим о потере близких, предлагает следующее (84)

Что не говорить	Что говорить
Время лечит	Вы, наверное, чувствуете, что эта боль никогда не пройдет
Вашему любимому уже лучше, он уже отмучился	Ваш любимый уже не страдает, но я знаю, что Вы страдаете!
Бог никогда не дает нам больше, чем мы можем вынести	Вам должно быть очень тяжело
Старайтесь не плакать	Плачьте столько, сколько нужно

Я знаю, что Вы чувствуете	Я не могу даже вообразить, что Вы чувствуете.
Все будет хорошо	Пожалуйста, дайте мне знать, как я могу помочь.
Дайте мне знать, если нужна моя помощь	Я позвоню завтра, чтоб узнать, чем я могу помочь
У Вас есть дочь, внуки, жена, и т.п.	Скажите горюющим о том, как Вы скорбите об их утрате или расскажите что-то хорошее об умершем или умершей

- Не говорите скорбящему: «Будь сильным», «По крайней мере он не страдал», «Он сейчас в лучшем месте» или «Он успокоился», «Постарайся об этом не думать», «Время двинуться вперед», «Вам пора успокоиться», «Когда вы возвращаетесь на работу?» и т.д. Моей подруге не надо было говорить «Отпустите его», как будто мы насильно держим душу моего брата на прицепе. Это дело горюющих, когда они смогут сказать «прощай»... Не говорите скорбящему, что надо быть благодарным судьбе, что умерший прожил энное количество лет. Это никак не уменьшает боль и в сущности является бесполезным напоминанием. Я говорила своей матери, пытаюсь ее утешить, что мы должны быть благодарны судьбе за то, что Вадик прожил 42 года, если примем во внимание его рискованное поведение. Глупо и бесполезно было с моей стороны говорить подобное, теперь я это осознаю. Скорбящий не может испытывать благодарности к судьбе, которая так с ним жестоко обошлась! Не желайте невозможного и не говорите пустые слова.

- По свидетельству одной матери, у которой сын покончил с собой, ей было очень больно, когда люди из лучших намерений говорили следующее: «Когда Вы успокоитесь?» (Это было через три месяца после его смерти), «Это был его выбор, отпустите его» (Как будто он чувствовал, что у него вообще есть выбор). «Это была Божья воля» (Что у них за Бог? Мой Бог слишком меня любит, чтоб причинить такую боль!) И самое худшее, что можно сказать родителю ребенка, погибшего от самоубийства, это: «Вы понимаете, что душа Вашего сына в аду, потому что самоубийство – это непростительный грех в глазах церкви» (В ответ на это я хочу заорать! Нет ничего в святом писании или у церковного авторитета, что поддерживало бы это невежественное утверждение) (85)
- Айрис Болтон советует окружающим не проводить никаких сравнений ни с кем, ни с одной семьей. Не советуйте им, что им чувствовать, не старайтесь изменить их чувства или повлиять на них. Не проповедуйте, не говорите, что то, что случилось, - это Божья воля. Не советуйте им звонить в любое время дня и ночи, если Вы не готовы отвечать на звонок в три часа ночи. Не предлагайте без конца свою помощь, а помогите! Не переводите разговор на другую тему, не избегайте повторять имя покойного. Большинство семей хотят слышать это имя снова и снова. Не меняйте комнату покойного. Когда члены семьи готовы, они сами сделают это. Не старайтесь найти какой-либо моральный урок в этой трагедии, ничего позитивного. Никогда не намекайте, что покойному не оказывалось достаточно помощи или поддержки. Близкие и так одержимы чувством вины. (86)
- Старайтесь не задерживаться во время первого визита к семье умершего. Чем меньше будет сказано с Вашей стороны, тем лучше. Избегайте клише и шаблонных слов и никоим образом не приуменьшайте утрату. Не навязывайте беседу и лучше побольше слушайте. Не возражайте, не переходите на другой предмет беседы, просто слушайте. Не объясняйте скорбящему, что он чувствует. Вы не можете этого знать. Не расспрашивайте про детали происшедшего, если Вам об этом не говорят.
- Не забирайте одежду, фотографии, не критикуйте то, что делают родные. Тут надо постараться действовать очень осторожно. Одна женщина, узнав, что у ее двухлетнего сына опухоль мозга и ему остались считанные дни, попросила свою мать убрать все, связанное с ним, из дома и сделать это до их возвращения из госпиталя после того, как умер ребенок. Когда женщина, потерявшая ребенка, вернулась в опустевший дом, то поняла, что сделала ошибку, но было поздно... Ни в коем случае не настаивайте на том, чтобы родные и близкие убрали вещи или фотографии покойного. Даже они могут в этом случае ошибиться, а каково будет Вам нести ответственность за непоправимое! Моя подруга пыталась меня убедить, а я стала убеждать

своих родителей, что им необходимо переехать, а не оставаться в той квартире, где произошла трагедия. Моя мать же сказала: «Куда я уеду от себя?» и постепенно противоположные доводы заглохли. Балкон, предмет зависти знакомых и родственников, с которого бросился мой брат, для меня и до сих пор проклятое место и мне противно слышать любые похвалы в его адрес, но я прихожу к своим родителям каждую неделю и выхожу иногда на этот балкон...

- Помните, что нельзя утешить, когда нет утешения, и невозможно найти смысл в бессмысленной смерти, особенно в случае самоубийства. Не говорите с другими о пустяках или обыденных вещах в присутствии скорбящих, даже если Вы это делаете из лучших намерений, чтоб «отвлечь». Горюющего отвлечь невозможно.
- Постарайтесь утешить детей, поговорить с ними. Если совершено самоубийство их близким человеком, ни в коем случае не говорите, что убивший себя был плохим человеком. Надо сказать, что он был болен и что болезнь убила его. Он поступил плохо, ужасно, но он не виноват, так как был болен и не понимал, что делает.
- Напишите о том, что Вы помните об умершем, как Вы его любили или что-нибудь хорошее о нем. Это будет воспринято с огромной благодарностью.
- Не избегайте упоминать умершего и произносить его имя. Все равно о нем никто не забыл. Каждое упоминание – это бальзам для израненной души, подтверждение, что люди помнят о Вашем любимом. Если Вы не знаете, что сказать, если у Вас нет слов, не говорите ничего, кроме двух-трех слов соболезнования. Будьте просто рядом, чтоб поддержать в беде.
- Не обижайтесь на то, что горюющий избегает одних друзей, тянется к другим. Иногда это вызвано тем, что у него связаны болезненные воспоминания о покойном с определенными людьми, причем не обязательно негативные. Счастливые минуты были проведены вместе с некоторыми семьями, друзья и сверстники умершего ребенка – все это может болезненным эхом отдаваться в сердцах скорбящих. Если Вы настоящие друзья, Вы поймете и будете продолжать напоминать о себе, приглашать и поддерживать, даже если Ваш друг ведет себя непонятным образом. Пройдет время, и он к Вам вернется, нужно только набраться терпения.
- Будьте чуткими к просьбам скорбящих. Не Вам решать, что нужно им и что не нужно, что глупо, а что умно...
- После смерти Вадика я попросила одну его знакомую, которой он помогал в Израиле, написать о нем. Меня больно задел ее отказ: «Это ему уже не нужно...» Хотелось ответить, что да, это ему не нужно, но нужно мне, но я промолчала...
- Когда скорбящий вернется к нормальной жизни, обращайтесь с ним, как с обычным человеком, без подчеркнутой жалости. Если же Вы

чувствуете, что ему нужна психологическая помощь, мягко предложите это. (87)

- Этот список того, чего не делать, можно продолжить, добавив к нему то, что можно сделать и чем практически помочь пострадавшим семьям. Вы можете мягко и ненавязчиво предложить свою помощь в уходе за домом, в выполнении любых домашних обязанностей, в том, чтоб отвечать на телефонные звонки, обзванивать друзей, отвезти на кладбище или похоронный дом, помочь в организации похоронной службы. Не забывайте напоминать скорбящим о том, что им надо поесть и отдохнуть. Постарайтесь ни в чем не быть назойливыми и проявляйте максимум терпения и выдержки. Старайтесь больше слушать, чем говорить. Слушайте с состраданием и не выносите никаких моральных оценок.
- Мне запали в душу три фразы из одной книги о том, как помочь скорбящим: «Самая большая ответственность у тех, кто любит – это слушать», «В темноте глаза начинают видеть» и «Все, кого мы по-настоящему любили, – это часть нас». (88) Не правда ли, хорошо?

Как помочь самим себе

Эмоциональная реакция часто проявляет себя физическим образом. Родные и близкие погибших могут потерять сон, чувствовать усталость, неспособность к концентрации внимания. Важно продолжать есть, пить, делать физические упражнения, прогуливаться, плакать, когда хотите. Не прибегайте к алкоголю и наркотикам, так как боль не уйдет, и это путь к саморазрушению. Принимайте успокоительные лекарства по предписанию врача.

- Избегайте скоропалительных решений, касающихся вещей покойного, переезда, смены жилья, развода. Дайте себе время. Многие семьи испытывают раскол и разброд после случившегося, но постарайтесь не обвинять друг друга и проявить терпимость и доброту к себе и окружающим. Не забывайте о детях, о братьях и сестрах, которые страдают очень глубоко об утрате. Старайтесь их включать во все главные решения и обсуждения, связанные с покойным.
- Старайтесь не изолироваться, как бы Вам этого ни хотелось. Поддержка Ваших близких и родных, Ваших друзей и коллег, Вашей религиозной общины может очень помочь. Поделитесь своим горем с другими, если существует группа поддержки, а если таковой не имеется, то поговорите с психотерапевтом. Не бойтесь раскрывать свои чувства, но, конечно, не всем и не каждому, а тому, кому Вы можете довериться.

- Старайтесь не устанавливать срок, когда Вам надо прийти в себя. Если надо, возьмите дополнительный отпуск. Не слушайте советов доброхотов, которые Вам говорят, что пора перестать мучиться. Только Вам решать это, только Ваше сердце может знать об этом и ничье больше.
- Приготовьтесь к тому, что страшные воспоминания могут к Вам неожиданно вернуться через годы. Вы пережили душевную травму, не сравнимую ни с чем. Душевные раны, как и раны физические болят долго, может быть, всю жизнь.
- Настройтесь на то, что прежние праздники станут для вас мучительными напоминаниями о счастливых часах, проведенных вместе с любимым человеком.
- Не говорите себе, что Вам надо прекратить упоминать о происшедшем и не говорить о нем. Наоборот, чем больше Вы говорите о том, что случилось, тем лучше для Вас. Проговаривание вслух помогает осмыслить факт потери любимого человека, осознать, что то, что случилось, – случилось, и нет пути назад. После смерти моей прабабушки моя бабушка с материнской стороны без умолку говорила с теми, кто пришел выразить соболезнование. Ее сестра была поражена этим словесным потоком и даже заметила моей маме: «Надя, сколько она говорит!» Теперь я понимаю, что у бабушки сработал защитный механизм, позволяющий ей осмыслить немислимое, то, что она всеми силами стремилась предотвратить, - смерть матери. Недавно в книге я встретила сходный пример, когда, уже годы спустя, старик, потерявший жену, продолжал рассказывать о своей утрате, причем женщине, которая произносила надгробную речь и была знакома с мельчайшими деталями происшедшего. Как писала автор, проговаривание вслух помогало старику еще и еще раз осознать то, что его душа не могла принять.
- Иногда родные и близкие не видят тела погибшего, и это еще более осложняет их скорбь. Если таков Ваш случай, то можно построить кенотаф (надгробный памятник в месте, которое не содержит останков покойного, своего рода символическая могила), посадить дерево, поместить мемориальную доску, скамью с именем погибшего – что угодно сделать, чтобы запечатлеть память об умершем и держаться за памятник, как за якорь в бурю.
- Не возлагайте чрезмерные надежды на лекарства и алкоголь, думая о том, что они помогут Вам «забыться» и уменьшить Вашу боль. В конечном счете от них больше вреда, чем пользы. Вам нужно жить шаг за шагом и день за днем, как инвалиду после перелома, который вновь учится ходить, или, точнее, как инвалиду, у

которого отнята рука или нога и теперь навсегда надо приучиться жить по-другому.

- Если у Вас нет слез – это не значит, что Вы не страдаете. Наоборот, или Вы находитесь в шоке, или Вы опасаетесь, что если начнете плакать, то не остановитесь. Слезы оказывают благотворный эффект. Они высвобождают в организме химическое вещество энцефалин, которое может притупить физическую и эмоциональную боль и дать успокоение.
- Не надо стыдиться своей скорби и думать, что Вы сошли с ума. Не надо скрывать то, что у Вас на душе из боязни огорчить родных и близких, из боязни того, что люди подумают, что Вы сошли с ума или чрезмерно слабы, из мысли о том, что умерший хотел Вашего счастья. Дайте выход своим эмоциям и поймите, что скорбь – это процесс, длительный и болезненный, и Вам придется проделать огромную душевную работу, чтоб принять утрату и продолжать жить.

Что помогло мне и другим

А ведь какая пошлая ложь – мысль, будто поминать и оплакивать означает растравлять раны. На самом деле это единственный известный человечеству способ лечения.

Лидия Чуковская

Мне помогли бесконечные разговоры с друзьями и родителями о моем брате. Мне помогли тепло и понимание моих друзей, их терпение и участие. Мне помогло чтение книг о депрессии, самоубийстве и о людях, потерявших близких в результате самоубийства. Мне помогла работа. Мне помогли конкретные дела, связанные с именем брата, как написание этой книги, как куст, посаженный на его могиле, как табличка с его именем, деньги, пожертвованные на благотворительность в его честь. Мне помогли две встречи с группой поддержки для тех, кто потерял своих близких. (Я не пошла на други встречи просто из-за нехватки времени и потому, что мои родители и я ежедневно говорили о нашей утрате). Мне помогло сочинение стихов, вернее излияние стихов, написанных о нашей горе. Мне помогли пролитые слезы, по поводу и без повода. Мне помогло время.

С самозабвением исследователя я искала ответ на вопрос, почему мой брат покончил с собой. Вопрос «почему?» самый жгучий и самый частый вопрос, который задают родственники погибших. Следует смириться с тем, что мы так до конца и не узнаем всю совокупность причин, приведших наших близких к гибели. Наши домыслы и гипотезы, возможно, распались бы, как картонный домик, если бы наши близкие могли нам рассказать, почему они это сделали. В конце концов нужно перестать задавать это

проклятый вопрос «почему» и смириться с тем, что мы этого не узнаем никогда. Нужно начать лечить свое израненное сердце...

Айрис Болтон описывает то, что может помочь людям пережить обрушившееся на них горе.

«Чувство собственного достоинства и самооценности. Если у кого-то эти чувства минимальные, ожидайте трудности с восстановлением, особенно в отношении чувства вины.

Коммуникативные навыки. Эти навыки включают желание поделиться своими переживаниями с другими. Отрицание или скрывание чувств может вести к изоляции и депрессии.

Знание того, что люди обычно испытывают при тяжелых утратах и Ваша персональная предыстория того, как Вы справлялись с трагическими ситуациями в Вашей жизни

Хорошая система поддержки. Изолированы ли Вы и страдаете в одиночку или у Вас есть друзья, которые могут разделить с Вами горе и поддержать Вас? Есть ли группа поддержки поблизости от Вас?

Способности выдерживать стресс и разрешать проблемы. Сила анализа плюс способность к принятию решений – хороший залог восстановления.

Ваши духовные ресурсы и вера.

Желание обратиться за профессиональной помощью к профессионалам (психиатрам, психологам, психотерапевтам) (89)

Очень важно говорить о погибшем члене семьи. Избегание бесед об умершем только усугубляет положение. Все равно никто не забыл о нем, так что никому не нужно искусственное умолчание.

Перестаньте себя терзать бесконечными «если бы», «я мог бы», «надо было». Нет пути назад. Труды Карлсон, чей 14-летний сын Бен покончил с собой, постоянно проигрывала эту пластинку в своей голове: «Если бы я только не оставила его одного в ту ночь, он может быть не убил бы себя». Правда заключается в том, что он не убил бы себя 31 мая 1989 г. А как насчет 1,2,3 июня?» Как насчет других месяцев, других лет? «Когда молодой человек подвержен большому риску самоубийства и его желание убить себя посещает его часто, то вы можете предотвратить его смерть несколько раз, даже много раз, но в конце концов вас постигнет неудача». (90)

Как пишет Труды Карлсон, «Родители молодых жертв самоубийства особенно уязвимы для чувства вины, потому что родителям говорят, что они отвечают за поведение своего ребенка. Такое представление даже не логично! Родителям любых живых особей надо заботиться о своем потомстве. Надзор за ними – это часть их защиты, вторая часть инстинктивной роли родителей. (Защита является первой частью - Прим. Автора) Забота и надзор, тем не менее, нечто совершенно отличное от того, чтоб быть ответственным за чье-

то поведение. Никто не несет ответственности за поведение другого человека. (Выделено автором –Л.А)

Даже если жертвой самоубийства был Ваш ребенок, Ваш супруг, Ваш близкий человек, Ваш брат или сестра или Ваш друг, их поведение было их решением. Они, возможно, пришли к решению умереть в результате искаженного мышления, которое характерно для их заболевания. Их страдание, безусловно, повлияло на их решение. Во многих отношениях можно сказать, что их смерть не была их виной. Что можно сказать с определенностью – это то, что их самоубийство не было Вашей виной (Выделено автором –Л.А)». (91)

Позвольте Вашим друзьям Вам помочь. И им будет легче, и Вам. Вы обнаружите, что есть люди, желающие Вас поддержать в первые минуты после трагедии и не думающие о том, что Вам будет тяжело и через несколько месяцев после случившегося, а не только в первые дни. Но есть друзья, готовые Вас терпеливо выслушивать и Вам помогать еще долго после того, как отойдет первый шок и случившееся перестанет быть новостью. Эти друзья бесценны.

В США существует множество групп поддержки, которые образуются стихийно или при церковных конгрегациях, или при пунктах психологической помощи, или просто по инициативе кого угодно и когда угодно. Группы людей, помогающих друг другу справиться с потерей супруга или родителей, группы людей, больных раком, диабетом или другими смертельными и серьезными заболеваниями, поддерживающих семьи больных шизофренией, тех, кто ухаживает за престарелыми людьми, и множество других групп, всех не перечислить. Почти в каждом городе есть группы людей, переживших самоубийство близких. Некоторым людям эти группы очень помогают. Они позволяют им найти много общего в своих трагедиях, позволяют им увидеть, что они не одни единственные в мире, как зачумленные, стыдящиеся поднять глаза на окружающих, но есть множество других людей, прошедших через сходный ужас. Не все могут или хотят искать поддержки в группе. Некоторым нужна психологическая помощь с глазу на глаз. К сожалению, психологическая помощь в глазах наших соотечественников настолько стигматизирована, что люди стыдятся и не хотят даже попробовать, каково им будет поговорить с глазу на глаз с профессиональным психологом, не ищут облегчения своему горю.

Существует еще один барьер. Как уже было сказано, близкие люди погибшего настолько одержимы чувством вины, что они не хотят, чтоб им стало легче. Они себя добровольно казнят, наказывая за несуществующую вину, они стыдятся всяческих проявлений радости или веселья со своей стороны. С такого рода реакцией я столкнулась у моих родителей, которые ни за что, как бы я их ни упрашивала, так и не согласились прибегнуть к помощи ни в коллективном, ни в индивидуальном виде.

Чтение очень помогает, но не всякое чтение, а чтение о том, что касается непосредственно Вашей трагедии, Вашей боли. Моя мама читала все, что угодно, что ей попадало под руки, но, к сожалению, я не могла найти для нее ничего, непосредственно обращенное к ее опыту, к людям, прошедшим через подобную катастрофу...Я делилась с родителями тем, что я узнавала и вычитывала из американских источников. Со своей стороны, я читала все, что попадало мне в руки на эту тему. Если бы я была такая знающая ДО, а не ПОСЛЕ трагедии!

Пишите! Пишите о том, что Вы чувствуете. Составьте перечень хороших дел, что Вы сделали для умершего. Напишите о том, что Вас злит, раздражает, тревожит. Записывайте Ваши сны, связанные с умершим. Запишите все хорошее, что покойный Вам сказал или сделал. Напишите письмо покойному. Это будет Ваше прощание с ним, то прощание, которого Вы были лишены волей обстоятельств. Напишите о том, что случилось, как Ваша жизнь изменилась и что Вы чувствуете сейчас. Перечислите то, что Вы цените больше всего в жизни духовной и материальной, за что Вам нужно благодарить жизнь, как бы Вы хотели, чтоб о Вас помнили, когда Вы уйдете из жизни...

Ведите «журнал благодарности», где записывайте все то, что с вами случилось хорошего за день, и все, за что Вам надо быть благодарным судьбе.

Попытайтесь расслабиться и заняться медитацией. Чтобы расслабиться, ложитесь там, где тихо. Дышите глубоко, медленно вдыхая и выдыхая воздух. Начиная с левой ноги, напрягите свои мускулы как можно сильно до счета три. Затем расслабьте их. Прделайте то же самое с правой ногой, левой рукой и правой рукой. Затем по очереди напрягайте и расслабляйте все остальные части тела. Когда Вы закончите это упражнение, Вы почувствуете расслабление. Представьте себе берег океана с его волнами и тихим ветерком. Когда Вы научитесь расслабляться, представьте, что Вы выдуваете свое чувство вины в воздушный шар. Мысленно представьте, как этот шар постепенно наполняется, отделяется от земли и улетает.

Излейте свой гнев и скорбь где-то, где Вас никто не слышит. Не стыдитесь бить кулаками по софе или подушке, чтоб переплавить свой гнев в энергию. (92)

Сделайте что-то в честь умершего (картину, стихи, сад, благотворительное деяние, что угодно). Станьте лучшим человеком, помогите другим. Тем не менее, избегайте слишком больших решений, которые могут в корне изменить Вашу жизнь и даже быть разорительны и губительны для Вас (переезд, развод, перемена места работы и т.д.)

Некоторые мелкие решения тоже могут быть болезненны для Ваших близких. После смерти Вадика мама мне отдала его джинсовую рубашку с тем, чтоб я ее носила. Во мне что-то противилось этому и я ее отдала бедным людям вкупе с другой одеждой. Мама, узнав об этом, расстроилась и сказала, что она бы носила ее и напрасно я отдала эту рубашку. Другой случай,

связанный с вещами Вадика. После трагедии мои родители захотели отправить его сыну, своему внуку, небольшую посылочку, состоящую из вещей покойного. Мать мальчика, бывшая жена Вадика, отказалась ее принять, сказав, что мальчик очень потрясен и ему страшно. В результате недовольными остались обе стороны. Мои родители были задеты, а от сына Вадика со времен его смерти не было никаких известий. Я полагаю, что это намеренное молчание, вызванное то ли обидой, то ли желанием вычеркнуть прошлое из своей жизни. Так или иначе, побочным результатом трагедии, постигшей моих родителей, оказалось и то, что они лишились единственного внука. У них теперь только три внучки, мои дети.

Старайтесь почаще бывать на природе. Природа обладает целительной силой. Как сказал А.Н. Плещеев, «Только природе страданья незримые духа дано врачевать».

Будьте терпеливы по отношению к самим себе. Дайте себе время на исцеление, не ограничивая себя никакими сроками. Вы никогда не забудете о Вашем любимом человеке, но он Вас любил и хотел бы, чтоб Вы были счастливы.

Как пишет Айрис Болтон, «Движение вперед не значит, что Вы забыли. Оно означает приобретение свободы через возможность закрыть главу Вашей жизни. Оно означает перестать чувствовать себя жертвой. Оно означает то, что Вы имеете мужество и сострадание сказать самим себе, что Вам не нравится чувствовать себя жалкой. Оно означает продолжать жизнь своей жизнью с ее полнотой отношений, работы, игры и роста». (93)

Не дайте трагедии Вас разрушить! Откройте свое сердце для благодарности к тем, кто Вас любит и одарите теплом новых людей, входящих в Вашу жизнь! Не думайте, что Вы предаете тем самым память о своих любимых. Как говорят, отношения Ваши с Вашими любимым не кончаются с их смертью. Они навсегда с Вами.

Джуди Коллинс, молодой сын которой покончил с собой, написала книгу, полную советов и напутствий скорбящим. Вот ее семь основных советов:

Говорите правду. Безотносительно к тому, как ужасны факты и как трудно говорить о них, не скрывайте правду о том, как Вы потеряли любимого человека.

Доверьтесь. Доверьтесь окружающим, друзьям, которые хотят Вас поддержать, а если они не могут, найдите людей, которые смогут.

Ищите исцеления. Беседа с психотерапевтом или медитация, искусство или общение – не отказывайтесь от помощи, от того, что Вам помогает.

Цените. Не переставайте ценить то прекрасное, что связано с Вашим любимым. Не позволяйте ужасным обстоятельствам, связанным с гибелью, заслонить от Вас то дорогое и прекрасное, что связано с любимым человеком.

Позаботьтесь о себе. Не забывайте о правильном питании, прогулках, релаксации. Движение и медитация со временем могут как-то изменить Ваше настроение в лучшую сторону.

Живите. Распахните свои глаза и душу и ни в коем случае не позволяйте алкоголю или наркотикам притупить и ослабить Ваши чувства.

Превзойдите себя. Вам надо снова научиться жить и находить радость в жизни, открыть себя и свое сердце людям. (94)

Конечно, для многих людей, пребывающих в ступоре горя, два последних пожелания пока лишь прекраснодушная мечта, и такие слова вероятно вызовут у них негодование и отторжение. Но у нас, выживших, нет иного пути. Ушедшие от нас любимые люди не желали нам зла, а напротив, хотели нашего счастья. Нас окружают близкие, которые нуждаются в нас и которые нужны нам. У нас одна жизнь и какой бы горькой она ни была, в наших силах придать ей красоту и смысл.

Мне хотелось бы привести слова священника Вестона Стивенса, сказанные над гробом молодого человека, покончившего с собой. «Наш друг умер на собственном поле битвы. Он был убит в битве, сражаясь на гражданской войне. Он боролся с противниками, которые для него были так же реальны, как его гроб реален для нас. Это мощные противники. Они нанесли урон его энергии и выдержке. Они истощили последние остатки его мужества и силы. В конце концов эти противники преодолели его. Кажется, что он проиграл войну. Так ли это? Я вижу ряд сражений, в которых он победил!

Для начала он выиграл наше восхищение, потому что, даже если он проиграл войну, мы должны отдать ему должное за его храбрость на поле сражения. И мы отдаем ему должное за мужество и гордость в надежде, что он сражался, пока мог. Нам надо помнить не о его смерти, а о его каждодневных победах, проявленных в его доброте и заботе, в любви к семье и друзьям, животным и книгам и музыке, всему тому, что прекрасно, живо и благородно. Мы должны запомнить не его день поражения, но множество дней, когда он побеждал, несмотря на преобладающие против него силы. Нам следует помнить не годы, которые, как мы думаем, он потерял, но полноту переживаний за те годы, которые он прожил. Только Господь знает, как страдало его дитя в молчаливых схватках, происходивших в его душе. Но наше утешение в том, что Бог знает и понимает». (95)

Если бы и почему

Однажды мне позвонила незнакомая женщина, эмигрантка из Баку, и попросила о встрече. У нее трагически погибла дочь за две недели до 18-летия, причем, умерла она от болезни, которую врачи не смогли диагностировать. Горе матери безмерно.

Она, которая в жизни не писала стихов и вообще далека от литературы, выплеснула свою боль в криках-причитаниях-заклинаниях, выведенных на

бумаге крупным и старательным почерком. Она была вся в черном, с головы до ног, и глаза у нее были темные, почти черные. В преддверии годовщины со смерти дочери мать хотела опубликовать маленькую книжечку в память о ней.

По какому-то совпадению я за день до нашей встречи наткнулась в библиотеке на книгу, которую я когда-то читала, но захотела перечитать. Книга эта называется «Когда плохие вещи случаются с хорошими людьми» /When Bad Things Happen to Good People/. Написал ее человек, у которого трехлетний сын заболел неизлечимой болезнью, обрекшей его на раннюю смерть. Автор книги, раввин из маленького городка, человек, верящий в Бога всю жизнь, задается вопросом, как и многие страдальцы до и после него: «Как Бог допускает подобное? Почему он меня наказывает?» Автор, Харольд Кушнер, подробно трактует библейскую Книгу Иова, может быть, первого страдальца, чей диалог с Богом отражен в мировой литературе.

Я рассказала матери, потерявшей дочь, об этой книге, и она мне с грустью ответила, что «если бы» и «почему» - это проклятые вопросы для тех, кто остался жить после потери близких. Я уже писала о разнообразных «если бы», тесно связанное с чувством вины и желанием, чтоб бывшее стало небывшим, исчезло, как ночной кошмар. Увы, ни человеку, ни Богу не дано изменить то, что свершилось.

Что касается «почему», то по сути дела тут речь идет о двух «почему». На одно из них я пыталась ответить в первой части своей книги, когда речь идет о причинах и предпосылках самоубийства. Тем не менее полного ответа тут быть не может, так как полноты знания о причинах, приведших конкретного человека к данному поступку, не может быть ни у кого, включая самого погибшего. И все же я не жалею, что потратила время и силы на распутывание клубка, связанного с кончиной моего брата. Более того, я не могла этого не сделать, бездействие меня бы душило. Самый поиск обладает целительной силой, он был мне нужен, так как рациональная часть моей души не могла успокоиться, оставив загадку неразгаданной.

Но существует и другое «почему», о котором я не писала, но которое жгло и мучило мою семью и всех остальных, у которых случилось внезапное горе. Господи, за что я так жестоко наказан? Почему именно я? Вот именно на это «почему» пытается ответить Харольд Кушнер в своей прекрасной и мудрой книге, давно ставшей бестселлером у американского читателя. Не буду пересказывать содержание книги, а только скажу об основных выводах, к которым приходит автор. «Вопрос, который нам следует задавать не «Почему это случилось со мной? Что я сделал, чтоб заслужить это?». Это бессмысленный вопрос, на который невозможно ответить.

Лучше задаться вопросом: «Теперь, когда это произошло со мной, что мне делать?» (96) Бог, считает Кушнер, не создает трагедии и не предотвращает их. Он вдохновляет людей на то, чтоб помочь друг другу, он дает силы и терпение преодолеть беду. «Мы любим Бога не из-за того, что он

совершенен. Мы любим Его не за то, что он защищает нас от зла и не позволяет ничему плохому случиться с нами. Мы не любим Его из страха или из-за того, что Он нас накажет, если мы повернемся к Нему спиной.

Мы любим Его потому, что он Бог, потому что он создатель всего прекрасного и миропорядка, источник силы и надежды и мужества в нас; и надежда, и сила, и мужество окружающих, тех, кто помогает нам во время беды. Мы любим Его, потому что Он лучшая часть нас и нашего мира. Это и значит любовь. Любовь это не восхищение перед совершенством, но приятие несовершенного человека с его несовершенством, потому что любовь и приятие делает его лучше и сильнее». (97)

В прямом смысле слова нельзя найти ответ, то есть объяснить, почему плохие вещи случаются с хорошими людьми? Но если понимать ответ как действие, то такой ответ существует: надо «простить мир за его несовершенство, простить Бога за то, что он не создал лучший мир, и продолжать жить, несмотря ни на что». (98)

Что делать, если вы подозреваете кого-либо в суицидальных намерениях

- Если Вы подозреваете, что кто-то из Ваших знакомых, друзей или родственников может испытывать желание покончить с собой, Вам надо с ним поговорить об этом.
- Не бойтесь, что такой разговор приведет к возникновению у него «идеи» самоубийства». Если такая мысль уже есть, она существует вне зависимости от Ваших разговоров. Расспрашивая его, вы дадите ему возможность говорить о своих чувствах и намерениях. Люди зачастую амбивалентны в своем желании смерти. Даже если кто-то отрицает такие намерения, но Вы все равно подозреваете, Вы можете мягко вернуться к разговору через какое-то время.
- Не задавайте вопрос подобным образом: «Ведь ты не думаешь о самоубийстве, это не так?» Тем самым Вы даете понять, что правдивый ответ в утвердительном смысле для Вас настолько неприемлем, что Вы боитесь даже слышать о нем. К тому же, такой вопрос что называется «закрытый» вопрос, предполагающий ответ только «да» или «нет».
- Задавайте «открытые» вопросы, предполагающие разговор, а не однозначный ответ.
- Как ты справляешься с тем, что происходит в твоей жизни? - открытый
- Думаешь ли ты о том, чтоб прекратить все это? - закрытый, и далее.
- Ты думаешь о смерти?
- Ты думаешь о том, чтоб покончить с собой?
- Думал ли ты о том, как это осуществить? Есть ли у тебя план?
- Есть ли у тебя средства это осуществить?

- Слушайте внимательно то, о чем Вам ответят. Старайтесь любой ценой сохранить спокойствие и не выдавать моральных оценок: «дурной», «ненормальный», «ужасный человек» и тому подобное. Это не поможет, а только восстановит собеседника против Вас. Вы не можете посоветовать человеку, как ему подобает чувствовать. Вы можете разобрать с ним его проблемы и «разбить» их на более конкретные вопросы, которые можно решить шаг за шагом. Подчеркните, что есть другие способы решения проблем, кроме самоубийства. Предложите пойти к психологу или психотерапевту и поговорить о своих проблемах. Если он отказывается, то, возможно, он согласится пойти к педагогу или духовнику.
- **НЕ СОГЛАШАЙТЕСЬ ДЕРЖАТЬ В СЕКРЕТЕ СУИЦИДАЛЬНЫЕ МЫСЛИ И ПЛАНЫ СОБЕСЕДНИКА!** Если Вы даже согласились, нет греха в том, что Вы нарушите свое слово. Гораздо хуже будет, если Ваш собеседник погибнет и Вы будете себя всю жизнь казнить. Особенно часто на эту «удочку» попадают подростки. Каково им приходится после того, как их друг или подруга кончает свою жизнь самоубийством, а они знали о намерениях друзей и не предотвратили! Не бойтесь потерять друга, а бойтесь потерять человека!
- Не выпускайте Вашего собеседника из поля зрения и постарайтесь отобрать и спрятать средства, с помощью которых он хотел покончить с собой.

Что делать, если у вас суицидальные намерения

Помните, что некоторые люди, с которыми Вы поделились своими мыслями, не знают, что им делать и в запальчивости и от неумения могут наговорить Вам много обидного, и Вам будет еще больнее. Не обижайтесь на них за это, а постарайтесь искать поддержку у тех, кто Вам поможет.

Не думайте, что Ваш кризис – это только Ваша проблема, с которой Вам надо справляться в одиночку. Ищите помощи у психотерапевта, врача, друга, который выслушает Вас внимательно и поможет советом.

Дайте себе время. То, что Вы чувствуете в данную минуту, – это чувство, которое может ослабеть через день или неделю. Чувство боли – это только чувство. Смерть – это избавление от жизни, а не способ избавления от боли. Для избавления от боли существуют другие меры. Ваше мышление затемнено болью, и Вы не можете ясно соображать. Позвольте другим Вам помочь. В Москве есть множество телефонных служб, куда можно позвонить, если Вы испытываете кризис и нуждаетесь в помощи.

На [сайте московской службы психологической помощи](#) Вы можете получить консультацию и узнать адрес, где вам предложат помощь психолога

В Москве открыт бесплатный телефон круглосуточной неотложной психологической помощи. Любой москвич может обратиться по телефону: 051

Вы можете позвонить в любое время дня и ночи семь дней в неделю.

Существуют также отдельные линии для предотвращения самоубийств у людей нетрадиционной сексуальной ориентации, у испаноязычных, у военных или бывших военнослужащих.

Духовная связь

Это перевод с английского трех историй, описывающих, как матери погибших самоубийц испытали после смерти своих сыновей духовную связь с ними. Перевод из книги «Умереть, чтоб Освободиться»/Dying to Be Free/ (99)

Гейб (GABE)

В ноябре 2003 г. я пришла домой после собрания группы «Пережившие Самоубийство» с чувством такой печали, что я рано пошла спать и плакала. Я лежала в темноте, думая, как мне не хватает моего сына Гейба. Я желала, чтоб он мне дал знать, что он в порядке.

Гейбу было 22 года, когда семь лет назад он погиб. Он мне снился много раз с тех пор, как он покончил с собой, но под утро того дня у меня был другой сон.

Это было в разгаре какой-то вечеринки вне дома, я была все еще замужем за отцом Гейба, Джонни, и мы были у воды с друзьями. Мы слышали крики из дома и мы вбежали и увидели нашего младшего сына,

Бреннана, указывающего на кухню. На кухне мы увидели Гейба! Он был прекрасен. Я закричала и лишилась сознания. В следующий момент я была в объятиях Гейба и я истерически плакала. Я продолжала говорить: «Я знаю, что я сплю ... и ты на самом деле не здесь».

Гейб попросил меня успокоиться. Он сказал мне, что он здесь, что это не сон. Что у него только несколько минут и ему нужно, чтобы я успокоилась и он смог бы мне что-то сообщить. О, это было так чудесно держать его. Я запускала пальцы в его волосы и умоляла его не покидать нас. Все еще держа меня, Гейб сказал: «Когда ты думаешь обо мне, я хочу, чтоб ты думала обо мне на Аляске». Я расстроилась и пришла в замешательство, и думала, хотя он говорил мне, что он на самом деле не умер... а просто скрывается на Аляске. Гейб опять попросил меня успокоиться и слушать. Он сказал, что он не на Аляске, но он хотел, чтобы я думала, что он там. Он сказал мне: «Аляска —это единственное место, которое чистое, нетронутое, мирное и прекрасное, как там, где я нахожусь».

Я все еще была в замешательстве. Мы продолжали обнимать друг друга, и он сказал: «Не вини отца за то, что случилось со мной». Я немедленно ответила, что я не обвиняла его отца, но Гейб посмотрел мне прямо в глаза и сказал: «Нет, мама, ты винишь, и это не было его виной».

Не было времени спорить, поэтому он сказал: «Есть еще одна вещь, и мое время истекает». Он продолжал: «Отпусти это! Пусть уйдет твоя заикленность на том, как я погиб!»

Я сказала, что я не понимаю, но он ответил: «Нет, ты понимаешь. И ты узнаешь».

В этот момент мой муж Алан разбудил меня, обеспокоенный, что я плачу во сне. Я просила его включить свет, потому что я была уверена, что у меня волосы Гейба в руке. Волос не было, но сон был так реален, что я не могла успокоиться и плакала какое-то время.

В следующий выходной я позвонила отцу Гейба, чтоб рассказать ему о «визите» сына. Когда я начала рассказывать об Аляске, Джонни заплакал. Он сказал, что за месяц до смерти Гейб говорил о том, что он оставит город и уедет на Аляску... что он просто хотел убраться отсюда к черту, поехать туда и начать там новую жизнь.

Спустя неделю, я говорила о предотвращении самоубийств на собрании социальных работников, что обычно меня утомляло, но в хорошем смысле слова. Я ушла с этого собрания, как больная. Затем я вспомнила слова Гейба, обращенные ко мне: «Отпусти это. Ты знаешь, что я имею в виду». Он говорил мне, что наступило время начать вспоминать, как он жил, вместо того, чтоб все время вспоминать, как он умер. Его визит так много изменил в моей боли! Мне еще больно, и эта боль останется. Но я верю, что он был здесь, что он пришел закончить свой труд и помочь мне.

Я принимаю совет Гейба и смиряюсь, очень усердно трудясь. Я проведу больше времени с моей семьей. В прошлые выходные дни Алан и я поднялись в горы. Был роскошный день: солнце, голубое небо и прекрасный белый снег.

Я чувствовала присутствие Гейба столь близко!

Я абсолютно уверена, что Гейб приходил ко мне. Я думаю, что он закончил свой путь здесь. И я верю, что когда придет мой срок, мы вновь будем вместе.

Кевин (Kevin)

1977-2000

Кевин был моим младшим сыном. Он покончил с собой, когда ему было 22 года. Он был вольный дух, любящий и чувствительный. Когда Кевин был мальчиком, у нас был большой черный лабрадор, по имени Минди. Кевин и Минди были крепко привязаны друг к другу, и Кевин частенько лежал на полу рядом с собакой, глядя и лаская ее. Каждую ночь лабрадор спал на постели Кевина. Кевин всегда хотел, чтоб я приласкала Минди, но я не любила собак. Я была рада, что у Кевина была любимая собака, но я не могла ласкать ее или позволить ей лежать на моей кровати. Очень печально, но в 1999 году Минди умерла.

На следующий год Кевин покончил с собой. Это было самое худшее, что когда-либо с нами случилось. Через шесть месяцев после смерти Кевина мой муж Ралф стал говорить о том, что хорошо было бы взять черного щенка лабрадора, но я не думала, что это такая хорошая мысль. В тот же вечер Ралфу приснился сон. Ему приснился Кевин, который передал ему черного щенка лабрадора и сказал: «Пап, ты помнишь, когда Минди охраняла наш дом?» Рядом с Кевином стоял пастор прихода в Детройте, где Ралф и я выросли. Он сказал: «Вы знаете, Ралф, иногда Вы должны слушать своих детей».

Я все еще верю, что это был сигнал от Кевина, который он знал, что мы пойдем. Мы получили нового черного щенка лабрадора, Савану Роз, и догадайтесь, где она спит? Правильно, прямо на нашей кровати. Представьте мое изумление, что я люблю и ласкаю ее. Когда приезжала моя кузина со своим ньюфаундлендом, и умоляла меня приласкать собаку, я рассмеялась и сказала Кевину: «Не думаешь ли ты, что ты меня чересчур напрягаешь?»

Кто бы мог подумать, что у меня будет собака, которую я буду любить? Спасибо тебе, Кевин.

Джошуа (Joshua)

1980-2001

Духовные встречи, которые я чувствовала со своим сыном, Джошуа, помогли больше, чем что бы то ни было научиться жить с огромной болью, вызванной его самоубийством. Они усилили мою веру в то, что с ним все в

порядке и он покоится с миром. Я согласилась поделиться четырьмя эпизодами в надежде, что вы будете готовы ко встрече с чудесами, исходящими от ваших любимых.

Первая весть пришла через две недели после самоубийства Джошуа. Моя подруга предложила мне для моего блага выбраться на день за город. Мы поехали побродить по берегу реки за несколько миль от дома. Был прекрасный летний день, и я смотрела, как молодые пары плавали в реке на в автомобильных покрывках, и думала, что мой сын и его невеста никогда не испытают подобное наслаждение.

Эта мысль опечалила меня, и я отошла от своей подруги и присела на берегу. Плача, я сняла туфли и опустила голые ноги на скалу. Две стрекозы ошарашили меня, приземлившись на мой большой палец ноги. Я сидела очень спокойно и смотрела на них, пока они не улетели. Я почувствовала, что произошло что-то значительное, но я не была уверена, что именно. Я встала, прошла немного дальше вниз по течению реки и присела опять. И снова пара стрекоз сели на мою ногу. На сей раз я обратила большее внимание на стрекоз и почувствовала, что это было послание от Джоша и его невесты (это было двойным самоубийством) о том, что они вместе и что все в порядке. Я почувствовала умиротворение, так мне необходимое.

Однажды ночью я лежала в постели и увидела Джоша. Я не уверена, что это был сон, так это было не похоже на сон. Я увидела его, стоящим рядом. Я спросила его, могу ли я прикоснуться к нему и задать ему вопрос безмолвно, и он улыбнулся и ответил мне, не открывая рта. Я обвила его руками и обняла его, и он обнял меня. Он дал мне знать, что он в порядке и затем все было кончено. Впечатление от встречи было очень ярким и сильным, и у меня возникло чувство, что Джош находится в безопасном и любящем месте.

Другой случай, особенно смешной, случился осенью, через несколько месяцев. К этому времени я общалась с Джошем множество раз, но это был тяжелый для меня день и поэтому, идя через парк, я стала разговаривать с Джошем. Я сказала ему, что мне его не хватает, что мне нужно, чтоб он подал мне знак, что он со мной. Мне нужно было почувствовать его присутствие. Я сказала ему, что до меня туго доходит и если он хочет до меня достучаться, пусть он ударит меня чем-то. Я чувствовала большое нетерпение и, когда ничего не произошло в течение первых двух минут, я снова ощутила отчаяние. Вдруг, без предупреждения, маленькая ветка упала с дерева и ударила меня в грудь. Я почти услышала, как смеется Джош, и всю дорогу домой я улыбалась.

Самое сильное и мощное чувство связи с сыном посетило меня в первую годовщину смерти Джоша. Мои родственники остались у меня переночевать и, когда я проснулась раньше других, я пошла, как обычно, прогуляться по парку. По пути домой я остановилась в художественной галерее посмотреть на новые картины моей любимой местной художницы, у которой так чудесно оживают краски в пейзажах, цветах и натюрмортах.

Когда я увидела первую картину, у меня перехватило дыхание. Это было изображение лесной тропы. На переднем плане стояла девочка-подросток и глядела в противоположную от зрителя сторону. Глядела на моего сына. Молодой человек на картине был в оранжевых шорты и нес полотенце через плечо. Его черты лица, поза, цвет волос и пропорции – все было, как у моего сына.

Я онемела. Я купила картину, сказав, что впервые я вижу людей на картине данной художницы, и владелица галереи со мной согласилась. Я попросила их, чтоб они передали художнице, чтобы она мне позвонила, когда сможет. Она не позвонила. Когда я вернулась домой с картиной, я спросила у дочери, где мне следует ее повесить.

Она ахнула и спросила меня, не Джош ли это. Мои родители также подумали, что это Джош. Позднее вечером приехал мой друг и, когда он увидел картину, он спросил, когда я ее заказала. Нет абсолютно никакого сомнения, что на картине изображен мой сын. У меня даже хранятся его оранжевые шорты, с которыми я не могу расстаться.

Возник вопрос о девочке на картине. Она не похожа на невесту Джоша. Первое, о чем я подумала, увидев дувочку на картине, это то, что это я в молодости, и моя близкая подруга со мной согласилась. Эта часть послания остается моим секретом. Когда я смотрю на картину, я слышу, как мой сын говорит мне, что он поведет меня, что мне надо довериться ему. Он напоминает мне, что я духовное существо в материальном мире и что мне следует верить в Бога, что все так, как следует. Я на тропе духовности, и если я пойду этой тропой, все будет в порядке.

В конце концов я встретила художницу на одном из ее вернисажей, и я спросила о моей картине. Вначале она сказала, что не знает, что заставило ее нарисовать эти фигуры, но когда я ей сказала, кто этот юноша, она расплакалась. Мы обняли друг друга, и она сказала мне, что видение этого юноши пришло к ней во сне. Около года назад.

Библиография и примечания

1. Термин survivors [выжившие], по отношению к близким людям погибшего, по-моему, очень точно передает реальность, так как сравнивает этих людей с теми, кто пережил землетрясение, наводнение, пожар или иную катастрофу. Американская Ассоциация Психиатров помещает травму людей, потерявших близких в результате самоубийства, в разряд людей, переживших катастрофу, наравне с теми, кто выжил в концентрационных лагерях. (Jeffrey Jackson. *SOS. A Handbook for Survivors of Suicide*. American Association of Suicidology, p.1)

2. День Разрушения Храма, девятое ава – трагический день в истории еврейского народа. В этот день сначала вавилонянами (586 г.

до н.э.), а потом римлянами (70 г н.э.) были разрушены Первый и Второй Иерусалимские храмы. В этот день не принято мыться и надо поститься. – Прим. Автора.

3. Кадеш – успокоительная молитва по умершим родственникам, принятая в иудаизме – Прим. Автора.

4. World Health Organization. Mortality by Detailed Cause of Death in Selected Country, 2006. (Таблица из интернета).

5. Diego De Leo, and Evans, Russell. *International Suicide Rates and Prevention Strategies*. Commonwealth of Australia: Hogrefe & Huber Publishers, 2004, p. 30.

6. *International Suicide Rates and Prevention Strategies*, p. 31-32.

7. Suicide and Self-Inflicted Injury. Centers for Disease Control and Prevention, Atlanta, GA, 5/15/2009 Данные взяты из интернета.

8. <http://www.cdc.gov/nchs/fastats/suicide.htm>

9. John L. McIntosh, Ph.D. U.S.A. *Suicide: 2006, Official Final Data, Suicide Data Page: 2006*. 2009, April 25. Данные из интернета. См.: American Association of Suicidology web site: www.suicidology.org

10. American Association of Suicidology. *Some Facts about Suicide and Depression*, June 23, 2009, p. 2. Данные взяты из интернета. www.gulfbend.org/images/clientid_199/suicideanddepression.pdf

11. Centers for Disease Control and Prevention. *Suicide. Facts At a Glance*. Summer 2007. Данные взяты из интернета. См.: www.cdc.gov/injury

12. Granello, Darcy Haag, and Paul F. Granello. *Suicide: An Essential Guide for Helping Professionals and Educators*. Boston: Pearson Education Inc., 2007.

13. Kay Redfield Jamison. *Night Falls Fast*. New York: Alfred A. Knopf, 1999, p. 169.

14. American Association of Suicidology. *Some Facts about Suicide and Depression*, June 23, 2009, p. 2. Данные взяты из интернета. www.gulfbend.org/images/clientid_199/suicideanddepression.pdf

15. Edwin S. Shneidman. *Suicidal Mind*. New York: Oxford University Press, 1996.

16. Henry A. Murray. *Exploration in Personality* New York: Oxford University Press, 1938.

17. *International Suicide Rates*, p. 92.

18. *Night Falls Fast*, p. 100.

19. American Association of Suicidology. “Some Facts about Suicide and Depression”, June 23, 2009, p. 2. Данные взяты из интернета.

20. The compassionate Friends, Marin County and San Francisco, California Chapter. Summer 2001., p.1.

21. National Institute of Mental Health. *Depression: A treatable Illness. (Fact Sheet)*. July 13, 2009. Эта брошюра опубликована на интернете. См.: <http://www.nimh.nih.gov/health/publications/depression-a-treatable-illness-fact-sheet/index.shtml>

22. William Styron. *Darkness Visible. A Memoir of Madness*. New York: The Modern Library, 2007.
23. NIMH. "MD: Men and Depression (Research)". January 30, 2009. Данные из интернета.
24. Mental Health America. "Fact Sheet: Depression in Women". Alexandria, VA. 2009. Данные из интернета.
25. American Psychiatric Association. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorder*, DSM-IV. 4th Ed., 2000, p. 372 "Scientists, Linking Gene with Serotonin and Depression, Offer Insights to New Treatment." *Science Daily*, January 7, 2006. Данные взяты из интернета.
26. Kinnaman, Gay, MD, and Richard Jacobs. *Seeing in the Dark.*, Bloomington, MN: Bethany House Publishers, 2006, p.19.
27. Cladua J. Strauss, *Talking to Depression: Simple Ways to Connect When Someone in Your Life is Depressed*. New York: New American Library, 2004, p.19.
28. *Talking to Depression*, p. 34
29. William Styron. *Darkness visible*, p.5
30. Там же, стр. 17
31. Там же, стр. 47
32. Там же, стр. 50
33. Jeffrey Jackson. *SOS. A Handbook for Survivors of Suicide* , p. 10
34. William Styron. *Darkness visible*, p. 57.
35. *Night Falls Fast*, p. 104
36. *Night Falls Fast*, pp. 84-85
37. *Night Falls Fast*, p. 84
38. *Night Falls Fast*, pp. 92-94
39. *Night Falls Fast*, p. 88
40. Beverly Cobain and Larch, Jean. *Dying to Be Free. A Healing Guide for Families after a Suicide*. Center City, MN: Hazelden Foundation, 2006, p. 22-23
41. *Night Falls Fast*, p. 152
42. Cladua J. Strauss, *Talking to Depression* p. 38
43. Cladua J. Strauss, *Talking to Depression*, p. 39
44. Cladua J. Strauss, *Talking to Depression*, pp. 70-71)
45. "In memory of Philip Ganote." *The Compassionate Friends, Marion County and San Francisco, California Chapters* (Summer 2001), p.1
46. *Night Falls Fast*, стр. 109
47. *Night Falls Fast*, стр. 110
48. *Night Falls Fast*, стр. 180-181
49. *International Suicide Rates*, p. 93
50. National Institute of Mental Health April 2, 2009. Данные взяты из интернета. <http://www.nimh.nih.gov/publicat/schizoph.cfm#symptoms>

51. Paricia Backlar. *The Family Face of Schizophrenia: Counseling from America's Leading Experts*. New York: Putnam, 1994, p.220
52. William Hudenko, Ph.D. *PSTD and Suicide*. National Center for Post Traumatic Stress Disorder. Fact Sheet. http://ncptsd.va.gov/ncmain/ncdocs/fact_shts/fs_suicide.html
53. *Night Falls Fast*, p. 128
54. *Night Falls Fast*, p. 128
55. Thomas Joiner. *Why People Die by Suicide*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.
56. *Why People Die by Suicide*, pp. 106-107
57. Dinesh Sethi, Francesca Racioppi, Inge Baumgarten and Patricia Vida. *Inquiries & Violence in Europe: why they matter and what can be done*. Copenhagen, Denmark: World Health Organization, 2006.
58. *Why people die by suicide*, p. 64
59. Couderou, J.-P. , Monier, C., Bouure, J-M. & Frances, H. (1997). Effect of isolation on pain threshold and on different effects of morphine. *Progress in Neuro-Psychopharmacology & Biological Psychiatry*, 21, 997-1018. Цитировано по книге *Why People Die by Suicide*, p. 137.
60. Orbach, I., Palgi, Y., Stein, D. & Har-Even, D. *Tolerance for physical pain suicidal subjects*. *Death Studies*, 20, 327-341; Orbach, I. Stein, D., Palgi, Y., Asherov, J., Har-Even, D. & Elizur, A. *Perception of physical pain in accident and suicide attempt patients: Self-Preservation vs. self-destruction*. *Journal of Psychiatric Research*, 30, 307-320. Цитировано по книге *Why People Die by Suicide*, p. 76.
61. *Night Falls Fast*, p. 170
62. *Why people die by suicide*, p.176-177
63. *Why people die by suicide*, p.174-175
64. Jol Gordon, Ph.D. *If You or Someone You Know is Suicidal*, New York, NY: URG Press, 2004, p.70.
65. Чхартишвили, Г. Писатель и самоубийство. М.: Новое литературное обозрение, 1999, с. 62.
66. Чхартишвили, Г., там же, стр. 66-67.
67. Элизабет Кюблер-Росс. О смерти и умирании. *Перевод с англ.* Киев: София, 2001.
68. Joel Rotschild, June 2005. Foreward to the book *Dying to Be Free. A Healing Guide for Families after a Suicide*. By Beverly Cobain and Jean Larch6 Hazelden Center City, Minnesota, 2006, p. XVI
69. Paula D'Arcy. *When People Grive: Guidance for Grievors and the Friends Who Care*. New York: The Crossroad Publishing Company, 2005, pp. 44-45
70. H.L.P. Resnik. *Psychological resynthesis: A clinical approach to the survivors of a death by suicide*. In the book *Survivors of Suicide*. Edited by Albert C. Cain, Ph.D. Springfield, Ill: Charles C. Thomas Publisher, 1972, pp. 169-170
71. *Dying to be Free*, p. 44.

72. *SOS. A Handbook for Survivors of Suicide*, p. 18
73. Edwin Shneidman. *Voice of Death*. New York: Kodansha International, 1995.
74. *SOS, A Handbok for Suicide Survivors*, p. 14.
75. Лидия Чуковская. *Предсмертие*. Из книги: Процесс исключения. М.: ЭКСМО, 2007, с. 211.
76. *Dying to Be Free*, pp. 43-44.
77. *When People Grive: Guidance for Grievers and the Friends Who Care*, p. 48.
78. Iris Bolton. *My son... My Son... A guide to Healing After Death, Loss, or Suicide*. Bolton Press Atlanta, GA, 2001, pp.89-90.
79. Joyce Andrews. *Suicide: How Do We Say It?* TCF/Sugar Land, Texas, 1999 from *The Compassionate Friends, Special Newsletter on Suicide, Marion County and Sand Francisco, California Chapter*, Summer 2001)
80. Jane Machado, TCF/Tulane, CA. From the newsletter *The Compassionate Friends. Sibling Special Edition*. Oak Brook, IL
81. Elizabeth DeVita-Raeburn. *The Empty Room. Surviving the Loss of a Brother or Sister at Any Age*. New York: Scribner, 2004, p. 5
82. Iris Bolton *My son... My Son... A guide to Healing After Death, Loss, or Suicide*. Bolton Press Atlanta, GA, 2001, p.109
83. *SOS. A Handbook for Suvivors of Suicide*, p. 25
84. June Cerza Kolf. *How Can I Help? How to Support Someone Who is Grieving*. Tucson, Az.: Fisher books, 1999, pp. 11-12.
85. Trudy Carlson, p. 133.
86. Iris Bolton, p. 111.
87. Amy Hillyard Jensen. *The Compassionate Friend. Suggestions for the Friends and Relatives of the Grieving Survivor*, 1980.
88. Victoria Frigo, Diane Fisher & Maru Lou Cook. *You Can Help Someone Who's Grieving*.New York: Penguin Books, 1996.
89. Iris Bolton *My son... My Son... A guide to Healing After Death, Loss, or Suicide*. Bolton Press Atlanta, GA, 2001, p. 91-92.
90. Trudy Carlson. *Suicide Survivors' Handbook. A guide for the Bereaved and Those Who Wish to Help Them*. MN: Benline Press, 2000, p. 36.
91. *Suicide Survivors' Handbook. A guide for the Bereaved and Those Who Wish to Help Them*, p. 37-38.
92. Brook Noel and Pamela D. Blair, Ph.D. *I want's Ready to Say Goodbuy. Survising, coping and healing after the sudden death of a loved one*. Vancouver, Washington: Champion Press, Ltd., 2000, pp. 212-219.
93. *My son... My Son... A guide to Healing After Death, Loss, or Suicide*, p. 94.
94. Judy Collins. *The Seven T's. Finding Hope and Healing in the Wake of Tragedy*. New York: Jeremy P. Tarcher/Penguin, 2007, pp. XXII-XXIII.

95. Norman Vincent Peale. *When Someone Takes His Own Life*. From the *Compassionate Friends*, Marion County and San Francisco California Chapters, Summer 2001, p. 7.
96. Harold S. Kushner. *When Bad Things Happen to Good People*. New York: Shocken Books, 2001, p.182.
97. *When Bad Things Happen to Good People*, p. 196.
98. *When Bad Things Happen to Good People*, p. 197.
99. Beverly Cobain, Jean Larch. *Dying To Be Free. A Healing Guide for Families After a Suicide*. Center City, MN: Hazelden, 2006, pp. 92-112.

Письма Вадика

Я решила поместить некоторые письма Вадика, чтобы у окружающих, которые не знали моего брата, составилось более ясное представление о нем. Вадика были присущи и юмор, и ирония, и выдумка, и нежность и любовь к своим близким. Я не хочу, чтобы его страшный поступок остался главным, тем более единственным, что сохранится в памяти людей, его не знавших. Я сохранила пунктуацию, какой она была в оригинале.

* * *

Здравствуй, дорогая мама. Получил твое письмо и перевод на 20 р., несколько позже, чем письмо. Сразу ответить на письмо не было времени. Я несколько сменил место, а именно перешел в хоз. взвод, пока на должность каптерщика (зав. имуществом). Это считается теплым местом. В основном трудно в воскресенье и прилегающие дни, так как приходится заниматься обменом белья, принимать, выдавать, сдавать, а также наводить чистоту в своей каптерке и вести кое-какую документацию. Официально перехожу сюда с 1 апреля. Не знаю, хорошо это или плохо, там посмотрим. Правда есть новый закон об усилении ответственности материально ответственных

военнослужащих. Кушаю то со связью, то с хоз. взводом, как получится. Завтра собираюсь написать открытку бабушке с днем рождения, наверное придет с некоторым опозданием. Ну ладно. Пишите мне, самому писать больше не о чем. Как здоровье нашей сестры?

До свиданья. Всем привет. Целую, Вадик.

5 февраля 1984 г.

P.S. Извиняюсь за почерк, но пишу стержнем.

Письмо это было написано из Котласа, уже после самого тяжелого этапа армейской службы Вадика под Москвой. – Л.А.

* * *

Здравствуй дорогая бабушка, а также поклон все проч. (*Письмо было написано нашей бабушке по линии матери, Герниэтте Абрамовне – Прим. Автора*) Получил твое письмо из Ленинграда. Спасибо за поздравления с днем СА (*Советской Армии – Прим. Автора*). Этот день здесь выходной, опять дали кофе-какао похожий на раствор столярного клея, прочнейшие пряники, селедку без водки, салат оливье, а ныне московский. Все это создало здоровую атмосферу праздника. Засим была организована лыжная прогулка на 10 км., от которой я легко и элегантно уклонился, после чего показали фильм «Дачная поездка сержанта Цыбули». Вот так оно и прошло. Очень удивился, узнав, что ты смотришь все военные передачи. Они на мой взгляд дают весьма отличающееся от действительности представление об этой стороне жизни.

Так у меня все идет своим путем. Сейчас в наряде. Место где можно стабильно ничего не делать. Читаю книгу Бу Карпелана, финского писателя. Прочитаю, может быть отошлю ее домой, так как библиотека закрыта и пришлось покупать в книжном лабазе. Сел на свои очки, раздавил одно стекло. Т.к. денег не было, ходил несколько дней в треснутом стекле, а сегодня получил перевод от б. Бебы и поеду в Котлас его вставлять. Вот и все мои новости.

Пишите как у вас.

Всех целую. Вадик. *28 февраля 84 г.*

* * *

Здравствуйте дорогие. Вчера получил письмо от мамы и Лили с поздравлением ко дню СА. За что grand merci. Получил также перевод от б. Бебы (*бабушка по отцовской линии – Прим. Автора*) 10 р. , за это напишу ей спасибо отдельно. А сегодня приехал в Котлас вставлять стекло, взял себе еще одни дешевые очки, и в кармане у меня осталось 70 коп. Затем я позавтракал и осталось 10 коп. Затем я купил один конверт и бумагу для письма и осталось 2 коп. И еще 2 форинта (венгерская монета, не имеющая хождения в Котласе). До отхода поезда в Советию 4.5 часа, часть этого времени я употреблю на писание письма в теплой и сухой почте. Затем нужно

добыть обед, получить очки и уезжать. Впрочем из теплой и сухой почты также скоро попрут, т.к. у них будет перерыв. Очень мне надоела эта вечная мерзлота. ...Кстати моя неудача, если это можно так назвать, в Красногорске на 95% зависела от плохой информированности о нормах на зрение, каковая происходила от того, что где-то около 2-х лет я настойчиво, но безрезультатно просил проконсультироваться по этому вопросу со знакомыми врачами. Зато теперь я хорошо все знаю, но это уже не имеет значения. Учитывая то, что месяцев через 8-9 я должен оказаться на свободе, хорошо бы что-нибудь узнать о возможном трудоустройстве. За предложение посвятить себя почетной офицерской службе большое спасибо, но это нам не годится, т.к. такого средоточения тупости, алкоголизма и идиотизма, достигающего гигантской концентрации, все же кроме армии нигде не встретишь. Нехай этим занимается кто-нибудь другой, быть может более достойный.

Прискорбно слышать, что сестрица моя столь исхудала, что это дурно сказалось на ихнем здоровье. *(Я действительно в то время похудела на почве любовных переживаний – Прим. Автора)*. Худеть не надо Лиля, человек должен быть красив и гармонично упитан. Ешь кашку (рисовую, гречневую, перловую, овсяную и какие еще дадут и ты станешь такой же толстой как я. Теперь все армейские вещи сидят на мне как специально сшитые, т.к. я развился до кондиции стандартного воина. Приятно также видеть упитанные лица армейских поваров, кои приходят сюда худосочными и тощими, а уходят великих размеров мужами, комплекцией напоминая Ю. Власова в расцвете таланта. Так что оставьте ваших глупостей и подлечив гастрит, с радостью и весельем вкушайте пищу. В армии каждый 3-5 страдает гастритом и каждый 2-5 притворяется, что страдает, ибо пища недоброкачественная. Ну а я и похуже ел, т.к. что желудок все приемлет (пока). При наличии присутствия позволяю себе кушать отдельно, а не в столовой. Прискорбно также слышать, что папаша продолжает курить. Лучше беречь здоровье. Получил красивую открытку от Марины Жаровой *(двоюродная сестра моей и Вадика матери – Прим. Автора)* опять же к дурацкому дню СА и ВМФ. Тоже напишу спасибо.

Ну ладно. Закрывают на обед. Я пойду в холод и мороз. Б-р-р-р. Сигареты и спички еще есть.

Лобзаю, Вадик. 29 февраля 84 г.

* * *

Здравствуй Лиля.

Получил твое письмо, хотя послано оно было Алавердову Л.Р. *(то есть нашему отцу – Прим. Автора)*, но это мелочи, не стоящие внимания. У меня тоже мало что стоит внимания. Работаю каптером. Раньше ничего не делал в связи, теперь по утрам убираю свою каптерку и опять ничего не делаю. В воскресенье выдаю чистое белье, принимаю грязное. В понедельник сортирую, во вторник сдаю в прачечную, в пятницу принимаю из прачечной. Думаю, что долго здесь не продержусь из-за склочного характера. Попробовал встать на лыжи, на ровном месте я на них смог продвигаться, а

когда встретила маленькая горка и я на нее стал влезать, то все время скатывался вниз. Потом решил покончить с этим идиотизмом и лыжи отдал. 7 марта выпал снег и мне лично пришлось перекидать большую гору перед складом. Получил новую форму (х-б). Белье себе меняю 2 р. в неделю. Кстати я вспомнил, что маменька меняла постель где-то раз в месяц, а в армии – раз в неделю. Сегодня 8 марта, сейчас все ушли на лыжный кросс, а я остался как человек старый и больной. Утром дали 2 яичка, а вечером покажут фильм «Как царь Петр своего араба женил». Читать почти ничего не читаю. Нехай папаша идет на работу в институт технич. эстетики. Это наверное неумолимо, интересно и не очень ответственно. Кстати может быть с апреля начну получать 12 р. на новом месте.

Ну ладно. Всем привет.

Целую. Вадик. 8 марта 84 г.

P.S. Еще раз поздравляю с 8 марта.

* * *

Здравствуй дорогая Лиля. Получил твое разноцветное письмо. Приятно слышать, что у вас гостят такие интересные и в то же время простые ингушки. А мы здесь все больше время убиваем. Берем одеяло, режем на 10 частей и т.о. получаем прикроватные коврики. ...Сейчас в наряде, потому пишу письма. Ночью написал Алику (*дядя по материнской линии – Прим. Автора*), днем получил от тебя и Марины (*Двоюродная сестра нашей матери – Прим. Автора*), т<ак> что отвечаю сейчас. Жизнь однообразна. Много ем, мало сплю, мало пью (т.е вообще ничего), мало читаю, много курю. Завтра пойду смотреть суд, как один юный джентльмен сломал челюсть другому юному джентльмену и теперича его справедливо судят. Еще никогда не видел военного трибунала. Очень интересно посмотреть. Надо еще отдохнуть и подлечиться в сан части, а то давненько я там не был. Но это планирую уже на 2-й квартал. Осталось до моего приезда 197 дней, которые кажутся вечностью. На лыжи встал один раз больше не встаю. Снег днем тает, а ночью опять замерзает, с утра гололед, но пол 6-го уже светло, т<ак> что весна чувствуется. Это хуже, что день длиннее, т.к. будут больше работать.

Ну ладно. Пока.

Целую. Вадик. 14.03.84 г.

* * *

Здравствуйте дорогие. Получил письмо от мамы. Очень беспокоимся сейчас за ваши события в Карабахе, т.к. наверное это приведет к большому озлоблению к русским в Баку. Тем более плохо что помочь не могу сейчас ничем. Работаю уже монтажником-высотником в русской бригаде.

...Праздник Пурим был. Это от библейской истории об Эсфири, Мордухае и Аммане. Лиля знает. По традиции нужно напиться так, чтобы не отличить благочестивого Мордухая от нечестивого Аммана. Хоменташем – это символизирует уши Аммана (отрезанные). Живу в гостинице, караваны кончились в Беер-Шеве, не знаю куда податься если Инна приедет к лету. Наверное на съемную квартиру или может удастся снять караван. Могендовид я прошу разрешения просто хранить, а не носить на шее. Только на меня не обижайся. Я все думал, почему у меня все валится из рук и ничего не получается. Потом спрятал могендовид, вроде полегчало. На следующий день на работу устроился. Разные люди с предложениями появились. Пошел в кафе за едой, продал мороженое, просто пошутил. Хозяин кафе увидел, говорит – ты профессионал, сразу видно, я новый магазин делаю, иди работай на %. Но это нужно еще смотреть, что получается. Я не знаю, может когда ты его дарила про себя сказала, чтоб я не влезал ни в какие дела, ты это любишь говорить, вот он так и действует. ... Но не обижайся. Я спрятал, храню, увижу что без разницы буду носить обратно. Если не разрешишь спрятать, тоже буду носить. На стройке тоже начальник, говорит оставайся надолго, иди бригадиром, но это я не хочу, стройку очень не люблю. Папу с днем рождения поздравляю, правда неудобно что без подарка, но не могу сейчас, хоть из долгов немного вылезу. Пишите мне пожалуйста, получать письма большая радость. Идут долго, месяца 1.5, мои не знаю сколько.

До свидания. Целую. Вадик.

23 марта 1992 г. (Это письмо было написано уже из Израиля.- Прим. Автора)

* * *

Здравствуй дорогая Лиля! Спасибо за открытку с попугаем. Очень красиво. Правда непонятно является ли он символом поздравления с какими-либо событиями или же должен покрывать отсутствие желания к более пространным письмам. ...По поводу того, что ты отдала дочерей своих именно в еврейскую школу не знаю, что и сказать. Во-первых может быть было лучше предоставить им свободу выбора вероисповедания в более зрелом возрасте, а не делать сейчас акцент именно на иудаизме. Во-вторых возможно это не очень приятно Рафику. *(Рафик по матери русский, а по отцу азербайджанец, поэтому Вадик думал, что ему может быть неприятно, что мои дети приобщаются к иудаизму. Рафик не только не имел никаких возражений по этому поводу, но также считал, что такая школа, в отличие от обычной городской школы, будет лучше для морали и безопасности девочек – Прим. Автора)* Кстати ты ничего о нем не пишешь, по крайней мере от меня передавай привет. Мне Чингиз *(товарищ отца – Прим. Автора)* сказал, что между вашей квартирой и родительской час езды, а я думал, что это совсем рядом. *(Мы на самом деле жили очень близко, в 15 минутах ходьбы – Прим. Автора)* А как тогда ты столь часто водишь детей

или мама забирает. Ведь это очень тяжело. Я охранником продолжаю работать. Очень красивые в пустыне восходы, а по пятницам у меня еще и закат. Ночью тоже звезды такие большие и луна то близкая, то далекая. Всякая живность ночью вылезает: ящерицы, ежи, насекомые. Вообще интересно. А людей из садика своего я прогоняю хотя и жалко. Это бедные влюбленные и наркоманы. Купил 3 дня назад большую машину. А потом я ужаснулся, что надел на свою шею такую узкую петлю. Страховка дорогая, ссуду под нее в банке взял, опять же бензин. Правда машина не старая, 93 год, хотя есть робкая надежда, что ломаться не будет. Теперь надо на нее работать. Вечером что-нибудь продавать. А так я прихожу к себе в 8 утра, часов 6-7 сплю, а вечер у меня свободный. До декабря будет тяжело, а потом полегчает. Правда с ней есть свобода передвижения большая, спать там можно, если не будет квартиры. А в будущем можно купить маленький прицепной вагончик и этим окончательно решить жилищный вопрос. Его можно недорого оборудовать всем необходимым. А машина – «Шкода», чешская. Наверное в США не бывает таких плохих машин сомнительных марок.

Пиши. Целую. Всем привет.
Вадик. 19.08.95

* * *

Здравствуй дорогая мама! Спасибо за фотографию. Вы там с отцом очень красивые. К сожалению могу видеть только таким образом. Но если получите грин карт, а у меня будет где жить, то сможете приехать. Взял я лошадь себе на свою же голову. Теперь ее надо кормить. До января будет тяжело, пока идет выплата страховок и т.д. Потом посмотрим. Вообще здесь одиночке наверное труднее, впрочем как и везде. Сейчас что-нибудь возьму себе продавать. В квартирное бюро можно, но это медленные деньги, пока наработаешь себе клиентуру. А мне нужны быстрые и наличные. Т<ак> что опять скорее всего картины, ну косметику еще могу. Но с косметикой надо все время бриться и я вообще в ней не очень разбираюсь. ...Хорошо, что в Грузии никто не пострадал из родственников. А что ты учишь по-английски по самоучителю или просто читаешь? Лиля наверное уже говорит как на родном. Всю ночь сегодня сигнализация орет, надоело, тараканы ее что ли жрут. Раз в час свои владения обхожу и всех прогоняю. А от Инны ничего у меня нет. Все-таки я надеюсь, что они приедут. До свидания. Всех целую. Пишите. Вадик.

22.08.95

* * *

Здравствуй дорогая мама. Спасибо за письмо. Я сегодня утром уже звонил про бабушку. Мне ничем помогать не надо т.к. во-первых я полне держусь, если что, сам спрошу, во-вторых самим вам тяжело.

Сейчас школу у меня забрали, теперь там полиция охраняет, а у нас сейчас охрана подъемного крана днем. Удивительно ответственное дело. Это на окраине маленького городка Арад в пустыне стоит конфискованный подъемный кран. 2 человека охраняют ночью, 2 днем. Он уже проржавел т.ч.то и с места не сдвинется... Машину дети обновили, помяли ногами края. Это возможно потому, что я ее помыл она стала чистая и красивая. Найти кто и что не получалось и в поисках правды я наверное походил на «Шинель» у Гоголя. Варварство называется. Это было в школе, т.ч.то возможно и потому что я их не пускал играть по двору хотя и говорил всегда с ними вежливо. Я сначала думал, что другая машина стукнула, потому уже по следам понял.

До свидания. Целую. Вадик. 7.09. 95 г.

* * *

Здравствуй дорогая Лиля!

Спасибо за письмо и за фото вашей Флоры. Очень красивая девочка. Вам конечно очень тяжело. А что такое это Master's Degree? Это такая программа или что-то другое? (Вадик имеет в виду программу на магистерскую степень, на которую я тогда поступила – Прим. Автора) У нас были 3 экзамена подряд, а я забыл как списывать, вспомнил только на 3-ем и поэтому результаты по видимому будут ужасны. Знания мои убоги и слабы, талантов и способностей как таковых не обнаруживается, а курсы эти созданы для развития у меня чувства собственной неполноценности. Если меня не выгонят, то они закончатся в июле, но независимо от результатов баланс думаю будет нормальный. 2-3 часа в день работаю в прачечной – развожу ковры и стирку. Там хозяин очень доволен, предлагает мне собирать заказы на проценты. Но я пока отказываюсь, т.к. в этом случае не буду успевать учиться. Компьютер есть, и еще в университете можно ночью заниматься, правда там немного по-другому они устроены. Может твои зубы и волосы болят от вредного излучения. Ты узнай у врача и не занимайся, если это так. А по какой системе лечат зубы в Америке? Здесь это было бы финансовой катастрофой. В 91-м зуб у меня сломался, а починить я смог только через год на Украине. Очень жалко Бродского. Мне его стихи нравились.

Пиши. Целую. Вадик.

* * *

Здравствуйте дорогие племянницы! Спасибо за письма с картинками и поздравлениями. Мне они очень понравились, я их поставил на полку и часто смотрю. Сейчас праздник 8 марта как день, когда поздравляют всех женщин и девочек. И я вас тоже поздравляю и поздравьте и поцелуйте маму и бабушку. Этот праздник придумала Клара Цеткин, потому что ей нравился Пурим и

она хотела тоже что-нибудь придумать. А потом так и пошло. В подарок посылаю вам сказку. Целую. Анкал (*от английского uncle, что значит «дядя»* - Прим. Автора) Вадик.

Сказка.

Жил-был клоун. У Клоуна были красные штаны с белыми полосками, большие туфли и дрессированный гусь. А еще у него было много часов. Часов было много потому, что Клоун поссорился с Королевой Часов и вредная Королева устраивала с часами Клоуна разные фокусы. То часы останавливались и путали клоуна, то вдруг начинали идти, то ломались от воды, падали и вообще вели себя ужасно, то есть они вели себя по настроению своей Королевы. А так как Клоун никогда не знал какое будет это настроение то он то опаздывал, то спешил делать все неправильно и в конце концов так запутался что перестал обращать внимание на время. Но обращать внимание все равно приходилось, ведь Клоун жил не в лесу а среди людей, а люди иногда бывают такие дотошные, что хотят чтобы все было вовремя. Тогда, чтобы обращать внимание Клоун покупал себе очередные часы и они шли какое-то время до тех пор пока Королева о них не догадывалась. Однажды очередные часы сделали Ба-бах. Упали со стола, стрелки в разные стороны стекло в сторону, батарейка в сторону. И тогда Клоун рассердился. Он сказал – не буду больше покупать часы из-за этой злой, вредной Королевы. Он взял волшебный ножичек в котором было 25 разных приборов и пинцет и пилка и починил часы. Правда починил он их плохо, он не мог теперь переводить время потому что ручка за которую переводят время оторвалась. Но все-таки это были настоящие часы, время они показывали, а Королева то ли удивилась, то ли не догадалась, однако шли эти часы долго и не ломались. А дальше было то что будет.

* * *

Здравствуйте дорогие. Надеюсь у вас все благополучно...Не знаю теперь когда увидимся, думаю увидимся. Хорошо что бабушке сделали стимулятор, мне говорили, что они надежные в Штатах и долго служат.

Ладно. До свиданья. Пишите. Целую всех.

Вадик.

* * *

Там где тонко оборвется

Когда нужно оборвется

Без ошибки оборвется

И немножко упадешь

Перед тем полет прекрасный
Перед тем полет отважный
Перед тем полет свободный
После чистая кровать

Так зачем же волноваться
И не надо волноваться
И не тронь зубами локти
Если все удачно так

Неподвижность дарит память
Беззащитность дарит смелость
Боль, особо без наркоза
Бездну мудрости несет

Так пускай проходят сутки,
Ночи, месяцы и годы
Главное дело научиться
Лишь потворствовать нужде

И затем, справляясь с судном,
Ловко, даже совершенно
По нужде большой и малой
Понесешься ты вперед

Пусть за окнами ненастье
Пусть поднимут снова цены
Пусть хоть мир перевернется
Мне на это наплевать

Есть кровать и одеяло
Есть горшок и стул и тумба
И жратва три раза в сутки

И уколы чтоб уснуть

Так прожив напрасно годы

Понял я что значит счастье

И помимо этой доли

Мне не нужно ни хрена

Я полагаю, что это стихотворение написал мой брат после известного падения, сорвавшись со шнура. Я писала об этом. Письмо не датировано. - Прим. Автора

* * *

Здравствуй дорогая мама. Пишу от т. Иды. (Тетя нашей мамы – Прим. Автора) До этого как знаешь 2 месяца с лишним был в больнице. Более менее восстановлюсь духом к весне. Много в больнице передумал. Виноват перед вами, что не смог как следует распорядиться своей жизнью. Еще часто вспоминал наш дом, жалел, что не побыл с вами одного лишнего дня, а уехал 21 мая. *(Вадик приезжал из Израиля перед отъездом родителей в США. Это было в разгар армяно-азербайджанского конфликта за Нагорный Карабах. Он и его друг тогда доставили много хлопот. Друга забрали в милицию, так как он, хотя и русский парень, но родился в Ереване. Вадик уехал 21 мая, а на следующий день у мамы был день рождения. К тому времени я. Мой муж и дети уже улетели в США - Прим. Автора)* Деду Рофу вспоминал. *(Дедушка по линии отца – Прим. Автора)* Очень ему было тяжело лежать долгие годы не вставая с кровати, а я тогда редко к нему приходил. ...Сейчас мне неудобно останавливаться у т. Иды, предлагали ребята остановиться у них в Мытищах, но я к ним не пошел, чтобы Инна не расстраивалась, т.к. будет считать, что я там пью. Она очень за мной ухаживала, я даже не ожидал. Теперь в Израиль ехать пока не могу, т.к. не смогу там никакой физической работой заниматься, еще года 1,5 – 2, я думаю. В Америку значит тоже. Страховки медицинской у меня нет, любое лечение без страховки в Израиле стоит баснословно дорого. Ждать инвалидности от соц. страха надо месяца 3 – 4, а до этого надо как-то жить, снимать квартиру. Предлагал работать, когда встану на ноги, у него Саша Бабиор *(Саша Бабиор – двоюродный брат нашей бабушки – Прим. Автора)* из Мытищ. Ездить от его фирмы в Польшу, но не знаю, насколько это серьезно. Еще предлагают войти в долю в гончарное производство старые друзья с Арбата – они построили обжиговую печь и нашли глину. Денег вносить не надо, а только хотят, чтобы занялся у них сбытом в Москве и области, налогами и черно-белой бухгалтерией. Они как раз раскрутятся где-то к весне. Инна хочет теперь с Украины переехать в Россию. Могу еще поехать в Израиль, продать там свои права на нашканту (ипотечную ссуду) – где-то 2000-2,5. Но пока ничего не знаю. Хочу в Харьков поехать к Инне, но Инна боится, что я в поезде по дороге рассыплюсь. В общем, « Повезло наконец повезло.

Видит Бог что дошел я до точки
Самосвал в тридцать тысяч кило
Мне скелет раздробил на кусочки»

Еще раз винюсь, что доставляю вам только огорчения. Я и не хотел, чтоб вы знали, они сами сказали. Если здесь в Москве сидеть документ еще нужно российский доставать, жениться или еще что, т.е. теперь Лужков с граждан СНГ кто в Москве живет плату требует.

Поздравляю всех с наступающим Новым Годом, желаю чтоб он был удачным для вас.

Целую. Вадик

Это письмо было написано после «падения» Вадика, когда муж женщины, которую Вадик любил, вместе со своими друзьями заперли Вадика и он вытался спуститься из окна по шнурку, а шнур сорвался и Вадик упал то ли с третьего, то ли с пятого этажа. Потом он долго восстанавливался и ходил на костылях- Прим. Автора)

* * *

Здравствуй Лиля! Как твое здоровье и зубы? Это очень тяжело я знаю и тебе весьма сочувствую. Я вам часто пишу письма, но мысленно, а на бумаге трудно. У меня сейчас новое место жительства – как в стране лилипутов теперь – я такого маленького 3 этажного дома никогда не видел и такой маленькой 3- комн. Квартиры. По-моему сначала она была 1-комнатной. Если ты подключена к Интернету, то по адресу <http://www.tcb.ac.il/~lazar/retkins> ты можешь найти мою автобиографию с курсов. За окном лает почти баскервильская собака, судя по голосу. Я уже в 92 г. жил в этом районе. А вообще скоро достигну совершенства. Потому что уже при сломе моста отсутствует всякая нервозность, правда хотя я и свожу количество вещей к минимуму, все же их много. Брюки лишние я выкинул, но свитера похоже остались и кастрюль у меня 2. И от машины много аксессуаров, но это уже ничего не поделаешь. Кончатся курсы, может взойду на гору Херсем и еще в Кинерете я не купался.

Целую. Пиши. Вадик

04.07.96

* * *

Здравствуй дорогая мама. Уже неделю живу на новом месте у старушки. Комната размером с балкон. Но зато это без заключения длительного договора с ежемесячной оплатой. Через 2 недели учиться мы заканчиваем. Дальше – посмотрим по обстоятельствам. Программу делаем для моего хозяина химчистки. Может смогу их продавать потом. Гала звонила. Я сейчас узнаю что получается со страховкой машины, потом наверное деньги у них заберу. Днем очень жарко. TV уже 2 месяца у меня нет. Это и к лучшему. А

заниматься на компьютере хожу в университет в основном. Там открыто постоянно. Правда в субботу закрывают зал с машинами на которых я работаю, но сейчас мы научились другие запускать. Жалко, что математику я почти совсем забыл и мозги уже плохие. Самоучитель на кассетах которые Лиля прислала почти уже тоже заканчиваю. Пиши про ваши дела. Всем привет.

Целую Вадик. 14.07.

* * *

Здравствуйте дорогие!

Поздравляю с 8-м маму, бабушку, Лилю, Флору-Марию, Радулю. Тоже поздравьте Веру, т. Аллу, Иру, Юлю. Извините если забыл кого, все с наилучшими пожеланиями. Вот какой у вас долгий список в Америке. Еще Пурим в начале марта. И у бабушки день рождения 12 марта, но здесь я вероятно позвоню, однако на всякий случай тоже поздравляю. У меня все по-прежнему. Очень хорошо питаюсь, как никогда прежде, т.к. завод, где я на складе работаю производит обеды для столовых и ресторанов. Т<ак> что я теперь ничего не покупаю кушать домой. Душевые там есть, прачечная. Т<ак> что пока не выгнали живу как при коммунизме. Там даже напитки на складе есть: коньяк и разные вина. Другие трудящиеся выпивают, я сейчас правда совсем не пью.

Целую Вадик

* * *

Дорогую бабушку поздравляю с юбилеем. Желая до 120 в полном здравии и с хорошим настроением. Целую Вадик.

* * *

Здравствуйте дорогие! Поздравляю с Новым Годом с пожеланиями всех благ, главное здоровья, совпадения желаний с возможностями. Последний раз мы его вместе встречали где-то в 78 г., теперь имею желание, но не имею такой возможности. Целую Вадик

* * *

Здравствуй дорогая мама! Спасибо за письма и посланные 50\$ я получил. К Марине в Ашдод я подъехал, но мне тяжело с людьми общаться, отвык от этого и наверное произвожу на них нехорошее впечатление. (Марина – двоюродная сестра матери – Прим. Автора). Я не

знал, что ей привезти, купил на своем заводе 3 коробки салатов и бутылку вина, которое я знаю, что оно неплохого качества и повез. Еще хотел купить цветы, но потом забыл. Потом мы с ней и Яником (*Яник – мой и Вадика троюродный брат. В Израиле Вадик общался еще со своим школьным товарищем Яником – Прим. Автора*) покушали на кухне, а потом автобусы не ходят уже, ну я и поехал обратно. Они там Марину развлекают и возят на разные поездки и экскурсии, ну если будет возможность я тоже что-нибудь предложу, хотя вряд ли, конечно смогу предложить что-то интересное. Транспорта опять же нет. К тому же я сомневаюсь, что общение со мной может быть достаточно интересным.

...Инне паспорт не давали долго, т.к. не могли перевести на украинский язык имя Юлиан и ее отчество Абдуллошна. Теперь вроде перевели. А здесь наверное тоже перевести затруднятся. Поздравляю тебя с наступающим днем рождения, с пожеланием благополучия и что бы ты не беспокоилась, и все дни твои были бы радостными и спокойными. Очень мне жаль, что являюсь причиной твоих постоянных огорчений. До свиданья. Целую. Привет и поцелуй папе и бабушке.

Вадик 15-5-1999

* * *

Здравствуй дорогая мама! Спасибо за письмо и посланные 20 долларов, однако не надо посылать, т.к. я ни в чем недостатка не испытываю. Все у меня хорошо. Поздравляю с днем свадьбы 7 июня тебя и папу и Лиле передай поздравления с днем рождения с пожеланием творческих и других успехов. Конечно было бы интересно почитать статью про папину выставку в Новом русском слове, пришли если можно ксерокопию.

Марине для Славика я дал шапочку поскольку не видел майку которую ты мне сказала купить. Еще дал две кружки, верблюда для Лениной дочки, крем для рук. Наверное это не то. Но я не знаю, какие можно оказать знаки внимания. Я еще хотел зайти в магазин и передать что-нибудь для Милы (*Мила – двоюродная сестра нашего отца, живущая в России – Прим. Автора*) и Саши Бабиора, но так как Марина увидела меня с балкона то в магазин к сожалению не зашел. А до этого тоже не мог попасть, хотя конечно надо бы. Вообще это трудно бывает довольно выбирать подарки и сувениры, поскольку сам я к вещам большого пристрастия не испытываю, скорее даже наоборот. Потому и за других думать затруднительно. Не сердись на Рафика, он же не виноват, что у него «страшная борода». И на меня тоже не сердись. 30 лет ума нет.

Студент знакомый приносил программу сделать, он работает в институте по исследованию лечения разных всяких болезней – эксперименты и т.д. А программы для этих научных работников я посмотрел – так вовсе не очень сложные. Я бы мог тоже у них программистом наверное работать. Впрочем нет так нет. Не буду лезть в калашные ряды. Ты обо мне не беспокойся только

пожалуйста. А то мне и звонить даже неудобно. Каждый раз себя ругаю, что принес своим звонком расстройство.

До свиданья. Целую. Вадик.

4 Июнь 1999

* * *

Здравствуй дорогая Лилечка! С любовью поздравляю тебя с 40-летием (к сожалению с опозданием, т.к. не знал, что ты достигла столь зрелого возраста). Желаю тебе долголетия и плодовитости в потомстве подобно оливе на картинке и величия и славы, как у Петра I (тоже родился, как ты знаешь 9/6).

Целую Вадик

* * *

Здравствуйте дорогие. Получил письмо от бабушки и мамы, т. что спасибо большое. Извините, что вас расстраиваю с этими разговорами о Инне и наших отношениях. Сам себя потом ругаю за свой длинный язык. Решил, что если поедет то пускай, т.к. там плохо а Юлика я как-то приму, а там что будет то будет. Так бы получилось, что я увиливаю от своих обещаний, а это нехорошо. За Милин адрес спасибо, напишу ей. Ты, бабушка, напрасно пишешь, что я не хочу учиться. Я учусь почти каждый день делаю хоть и маленький но шаг вперед в программировании. На складе у меня учебник тоже лежит, когда удается читаю. Что же касается формального образования то это и дорого и времени, когда работаешь нет. И работаю сейчас не от посредника, а меня в этом месяце напрямую перевели в фирму, это большая сеть торговых предприятий. Меня там ценят за то, что хорошо езжу на автопогрузчике, и без напряжения могу перекидать много мешков, считаю в уме быстро. Право на бесплатные курсы только с августа. Еще раз не сердитесь, что я, осел, беспокою вас своими проблемами. На самом деле все не так плохо, как вы себе это представляете. Вот еще рассказы, я уж не помню где и когда слышал и один учительский афоризм:

На счету у Султана всего 279 голов и дружба с Визирем с детских лет. «Эта груша так прекрасна но высока. Друг мой, пока нас не видят низшие я нагнусь, встань на мои плечи и сорви мне желанный плод».

Придя домой Визирь попросил жену собрать в корзину самое необходимое. И в эту же ночь Султану отрубили голову, а утром Визирь уже был в тоскливой яме 2х2 метра без вывода, а похлебку ему спускали раз в три дня на крюке алебарды. Такое время... Прошло много лет. Собака пробежавшая мимо, подняла лапу и осквернила даже эту скудную трапезу. В жизни случается и такое. «За все эти годы я не просил тебя ни о чем, о Стражник. Если ты можешь рискнуть и выполнить мою просьбу то уже на следующую луну ты будешь ходить в шелковом халате. Зайди к моей жене и

уговори ее приготовить плов, купить шербет и созвать тех, кто не забыл мое имя»...

Когда на следующий день после государственного переворота вечер любопытные спрашивали возлежащего на шелковых подушках Визиря о секрете его предвиденья, то после 6-й чаши шербета упорные получили ответ. «Когда я стоял на плечах у Султана, то я понял, что выше лишь небо и возможно только падение, когда же собака помочилась мне в похлебку, я понял, что это дно бездны и возможен лишь подъем». Многие считали Визиря безумцем, но от слов его не стал ясновидящим ни один человек.

Глупый учится для того, чтобы победить других, умный для того – чтобы самому стать лучше.

Может это более подходит для детей. До свидания. Целую

15 июль 1999

* * *

Здравствуй дорогая мама!

В холодильнике я уже не работаю, т. что не волнуйся. Пришел молодой начальник и меня уволил за дерзкие речи. Потом 2 дня делал инвентаризацию в магазине. А теперь пошел на завод по плакатам и делаю там рамки. Это я умею, потому что делал когда продавал картины и соответственно все их инструменты и приспособления знаю. Правда их владелец требует от меня клятву верности, но все-таки неделю дал на раскачку. Дальше посмотрим. Если бы не эта клятва то я бы там спокойно работал. Инна звонила, говорит, что оформляет документы сюда. Не знаю как у нее получится, с Юликом она сразу ехать боится, без Юлика у нее будут проблемы с оформлением и вообще всего она боится. Ну она мне помогла с переломами и приютила, я ей тоже постараюсь помочь, а дальше не знаю как получится. В конце концов ваш консул требовал от меня быть женатым. Юлик она говорит, стал очень ехидный и насмешливый. Компьютер ищу подержанный, все никак не могу найти. То не успеваю, то конфигурация не подходит, то телефон теряю, то дорого. Учю иногда английский по TOEFLy (очень хорошее пособие) и еще с конца февраля записался на бесплатные курсы по английской грамматике Это в рамках подготовки к психометрическому экзамену в университеты. Я не знаю еще точно нужен он мне (экзамен) или не нужен, т.к. первая степень у меня есть, но может попробую сдать, т.к. его результаты действительны в течение 5 лет. Пиши как ваши дела и здоровье.

17 июля 1999 г.

Целую. Вадик.

* * *

Здравствуй дорогая Лиля! Я одновременно получил письма от тебя и от мамы и от бабушки. Поэтому я им написал ответ и там тоже много написано т. что кроме этого у меня новостей нет. И принтера нет. То есть есть, но его надо забрать из Беер-Шевы. Т<ак>. что пишу от руки. Жалко что у Рафика болит нога. Передай ему привет и пожелания выздоровления. Я рад, что у тебя такие способные дети и ты тоже способная и выигрываете конкурсы по грамотности и по эссе. А что такое «эссе»? У Шекспира было по моему 6 пьес. У тебя только 2 но это не страшно, со временем можно дописать недостающие. Я очень часто вспоминаю как тебе говорили, что мясо палкино, потому что ты жалела животных и думаю – какая у меня замечательная сестра. *(Когда я была маленькой, то из жалости к животным отказалась есть мясо. На мои вопросы о том, чье это мясо, бабушка отвечала: «Палкино» и я, успокоенная, ела – Прим. Автора)* Ни у кого нет такой хорошей сестры. А почему ты пишешь, что за меня «досадно и больно», но «лишь бы было тебе хорошо». Это нелогично. Ты не огорчайся, что нет «хорошей машины». С ней много хлопот. Лучше если у вас есть права берите напрокат, я имею в виду для каких-то увеселительных прогулок. Хотя мне такого рода прогулку, если б она имела место, больше понравилось бы совершить на чужой машине или на автобусе. Вот прочти стишок в подарок твоим деткам:

Тиграм надо жрать

Порхать пичужкам всем

А человеку спрашивать: «Зачем? Зачем? Зачем?»

Но тиграм время спать,

Птенцам – лететь обратно

А человеку утверждать, что все ему понятно.

Курт Воннегут. «Колыбель для кошки»

Не правда ли остроумно?

Целую Вадик

* * *

Здравствуйте дорогие! Совсем я разучился писать письма и за это время с вашего отъезда так ничего и не написал. Комнаты все никак не докрашу. Не волнуйтесь за мою работу найдется какая-нибудь, я сам волнуюсь и хочу чтобы нашлась, т. что будем надеяться. Рома Банквечер вчера звонил перед его отъездом в Америку. А с остальными пока связи нет. Сам собираюсь позвонить Чингизу. *(Рома и Чингиз – друзья отца. Прим Автора)*. Учусь еще до конца июня. Потом уже 2 месяца на маневр будет в резерве и за них, да и сейчас надеюсь куда-нибудь пристроиться.

Юлик сейчас такой стал колючий, возраст переходный, да и воспитатель из меня не очень хороший. Думаю что со временем все образуется. Целую. Я смотрю на гобелен и все вспоминаю добро и тепло вашего приезда.

Вадик

* * *

Здравствуйте дорогие. Прошло 8 дней на этой работе. Мне очень интересно, но есть много вещей до которых надо докапываться. Немного утомительно целый день находиться за монитором. Я постараюсь остаться там, по крайней мере все что от меня зависит. Получил отметки с курсов по почте. По всем почти проектам у меня 100, а остальные выше 90. Английский – 88. Шкала здесь 0-100. Такие хорошие в учебе результаты к меня впервые. У Радули день рождения скоро 23 (Инна мне сказала). Поздравьте ее пожалуйста и Лилю, я постараюсь написать открытку. Адрес сайта: www.puzzlehead.com Сейчас они делают сайты для фирмы по пр-ву драгоценностей, для поваров, еще для кого-то. В основном работают на Flash-4, а я пока вожусь с ASP – это листы выполняются на сервере и передаются обратно.

Целую Вадик

* * *

Здравствуйте дорогие! Не получаю от вас писем. Не надо класть деньги, они пропали в письме, а просто пожалуйста пишите. Конечно если есть время и настроение. Этот последний месяц учусь. Может они помогут с устройством, т.к. попросили принести а/биографию... Там тяжелый материал и если я сейчас начинаю бегать то потом трудно догонять. Не волнуйтесь. Устроюсь. А что получилось с документами на Америку? С этими я не иду т.к. там написано на неженатого. Дедушка сейчас в синагогу не ходит т.к. плохо себя чувствует. *(Вадик отводил одного старика соседа в синагогу. - Прим. Автора)*. Они часто спрашивают о вас и особенно где вам нравится больше здесь или в Америке и не хотите ли переехать жить сюда. А мне жалко что вы так много ездили а в Музей диаспоры я вас не повел, так и не получилось. Собираюсь позвонить Чингизу. Поздравляю, конечно с опозданием с днем свадьбы и Лилиным днем рождения. Лиле правда теперь можно слать поздравления по E-mail. Если папа ты хочешь сконструировать свой сайт, страницу в Интернете, то пришли мне фотографии работ или по E-mail или просто фотографии, ну и если можно макет, как ты хочешь чтобы это выглядело: слова, цвета, оформление, какие мультипликационные эффекты, и что ты хочешь чтоб бы там было, т.к. у тебя художественный вкус есть, а у меня нет и если я это буду делать то будет в лучшем случае плагиат, т<ак>. что лучше чтобы оформление было хорошее. А также если тебе нужна реклама для других работ, например для проектирования. Я когда твои –

фотографии работ «Баку» и «Бог един» поместил в свою курсовую работу по Javascript то эта учительница была в большом восторге (от гобеленов) и спрашивала есть ли еще. А еще не было. И Лилины стихи можно публиковать если она захочет. Я ей писал.

Целую Вадик *июнь 2000 г.*

* * *

Здравствуйте дорогие! Спасибо большое за поздравления и за подарки....Инна вот пошла в посольство ее конечно отправили по новым законам ну это я отцу говорил. Сейчас буду подавать просьбу в МВД чтобы их пропустили. Компьютер старый у меня клавиши не работали, я открыл думал починить но компьютер совсем перестал работать. Там новая сборка все на полиэтилене. Ученик появился, даю ему домашние уроки по V. Basicy, даже какие-то деньги платят. Ну я с ним все равно больше занимаюсь. 13 лет, ему интересно игры всякие делать, эффектные программы. Я этим раньше не занимался никогда, но теперь пробую. Плохо, что нет дома компьютера нормального, на моем V/ Basic не пойдет конечно. Ну ничего, так эмпирически чего-то решаю в уме. Очень способный ученик и хочет учиться. По русски правда не говорит. Я думал сначала, что ему будет неинтересно, а потом вижу, что интересно. Не получилось из меня программиста. Теперь передаю другим накопленный опыт. Зато на складе все хорошо и меня никто не выгоняет пока. Мешки, коробки и т.д. Раз среди продуктов питания. Там такие кошки размером со среднюю свинью. О людях и не говорю. А не поест ли еще спрашивают нам орехов с медом? Прямо изобилие. До свиданья. Целую Вадик

P.S. Мама! Напиши если хочешь Инне. Она все стремится поддерживать отношения с вами.

* * *

Здравствуй дорогая мама!

Спасибо за письмо. У меня все хорошо. Здесь еще не жарко. На работу езжу. Вот меню сегодняшнего обеда: гефелте фиш, мясо, куры, языки, картошка жареная с яблоками, плов с сухофруктами, салаты 5 видов: яичный, капустный, ананасовый, орехи с салатом и медом, хумус (постное блюдо – тертый горох с добавками). Видишь как хорошо. И так каждый день только все время разное. А когда нет обеда тоже можно кушать. Т. что до лета думаю здесь работать. А потом уже дни будут набраны и можно подумать об образовании и еще что-нибудь. А можно не думать. Вечером правда прихожу уставший и мало что делаю на компьютере (если этот путь вообще куда-то ведет). Чингиз звонил передает привет. Приглашал меня в гости. Лене я звонил тоже приглашали в гости. Только я в гости ходить не люблю. И к себе приглашать никого не люблю. Правда я убираю но шкафа у меня нет, есть только книжные полки, а куда убирать вещи из одежды – проблема. И

стул один. Но гости и не ходят и это правильно. Читаю «Иудейские древности» - на 3-4 месяца хватит. Потом есть китайская «Книга перемен» - но это очень серьезная работа – пока не хочу. Сейчас забастовка дворников и город этот Бат-Ям стал грязный, как Беер-Шева. Вот так мне везет с городами. И айкидо из-за забастовки нам заниматься тоже не дают, а жаль, это очень светлое пятно, философское занятие, и учитель хороший, я таких талантливых педагогов еще не видел, кроме тебя конечно ты самая талантливая педагог и мама Там очень много падений и перенаправлений энергии. *(Речь идет об айкидо – Л.А)* Но вот забастовка мешает. Ну ничего.

До свиданья Целую Вадик

* * *

Здравствуй дорогая бабушка!

Спасибо за письмо. Ты все вспоминаешь, что я приехал к тебе в Исмаиллы, но совсем это не стоит такой благодарности. Это и совсем было нетрудно, сел на автобус и приехал. В Нью-Йорк положим было бы посложнее. Плохо конечно если трудно глотать тебе сейчас, как ты пишешь, правда считается измельченная пища тебе бы полезнее. Во всем приходится находить положительные стороны. Что касается того, чтобы чему-то учиться, то я все время учусь, этим дни мои в основном и наполнены кроме работы – 5 дней в неделю по 10 часов, да и там наверное чему-то учусь. А я все помню, как я тебя мучал с тем чтобы купить собаку, а теперь прошло время и я вижу что ты была права. Не потому что сейчас плохо отношусь к животным, а просто нехорошо со стороны человека навязывать им свою среду обитания и свое общество. Да и во многом другом тоже. Ну ничего. Приходится самому наступать на разные швабры. Это ведь тоже у каждого свое. Мне говорил Женя Столов *(сын двоюродного брата нашей бабушки со стороны матери – Прим. Автора)*, что все вспоминают дядю Сашу *(брат бабушки с материнской стороны – Прим. Автора)* как человека необыкновенной доброты, да я и сам его таким помню. Хотелось бы в этом походить на него, но я слишком к людям невнимательный, даже не от эгоизма, а скорее от лени и неорганизованности. Да и привыкаешь к одиночеству, оно уже все больше воспринимается как естественное состояние, а может и есть естественное. Выходишь ли ты гулять на побережье? Вы вроде бы недалеко от берега живете. Или это тяжело? Я всю зиму по субботам ходил купался. Сейчас наверное не буду, потому что уже становится больше народу, будет на пляже теснее и грязнее. А так у меня все хорошо, т. что не беспокойся за меня. Будь здорова и в хорошем настроении. Целую Вадик

* * *

Здравствуйте дорогие! Как-то я разучился совсем писать письма и внятно излагать на бумаге мысли. Бумага есть, мыслей мало. Ужасно, что с д. Костей. *(Вадик пишет о болезни мужа маминной тети – Прим. автора)* Я от Славика *(Славик – наш троюродный брат - Прим. Автора)* сейчас ничего не

получаю, ему даже не знаю что писать. Послал ход в шахматы по e-mail, он мне не ответил, наверное не надо было слать. Стало у нас холоднее. Сразу сломался нагреватель для воды. Инна все время болеет. Операция должна быть 8 января, наверное будет тяжело перенести. Что причина и что следствие, состояние здоровья или характер, так я уже не очень понимаю. На работу свою прихожу рано, ухожу поздно, 5 дней, в пятницу уже давно надеюсь починить в машине 5-ю скорость. Механики все здесь очень хитрые, похожи на компьютерных техников. Книги по каббале – «Зоар» и еще несколько работ брал в библиотеке коммунистической партии Израиля, напротив дома, а сейчас нашел каббалистический сайт в Интернете – очень хороший и интересный, я Лиле пошлю адрес. Еще в Интернете нашел острова на продажу: средний остров стоит 0 тыс., а в районе Северной Америки даже -29 тыс. Когда у меня 1-1 в банке перейдет в стабильное 1 1, то буду думать об острове, хотя это конечно все неважно. А правда, что в руку Статуи свободы в Нью-Йорке можно подняться на лифте? Мне должны дать визитную карточку я ее тогда вам пошлю.

Целую Вадик

* * *

Здравствуйте дорогие! Поздравляю с 1 сентября всех педагогов и учеников. То что Инна звонила – к сожалению наша жизнь не без конфликтов. Но думаю, что найду моральные силы для их разрешения. Очень жалко только, что Юлик видит ссоры. С Американским гражданством позиция такая: я говорю, что хочу гражданство оформить, в Америку приехать, насчет жизни там, честно я не знаю, но и Израильское гражданство остается. Инна, а за ней Юлик – в Америку мы ехать не хотим. Причина – не рациональная, а какая-то ревность и глупость. Из той же оперы, почему Юлика летом не отправили было к вам. Они не могут сейчас поехать на Украину и вернуться сюда, т.к. у Инны нет израильского гражданства. По закону могут дать в октябре, а могут и не дать в течение 5 лет, как я узнавал. Но и Израиль им не нравится. Мне даже хотелось бы поговорить с Инниным братом, поскольку с ним можно хотя бы что-то обсуждать без эмоционального фона, как мне кажется. Слишком криво я раньше думал, чтобы все это понимать. По настоящему я благодарен наверное и Инне с ее приездом, т.к. она помогла мне понять многое, по краткости, что жить надо честно. И очень-очень благодарен за ваш приезд. Машину эту больше я купил, чтобы как-то им показать Израиль, поскольку подвернулась такая возможность. Юлика тошнит в автобусах, а в пятницу и в субботу мы никуда не выходим. Машина обошлась очень недорого. Руслан за ней хорошо следил. ... (Правда машина немедленно стала причиной конфликта). Мне тоже это удобно. Время на дорогу на работу сокращается на 2 часа, расходы примерно такие же. Хотя для себя я бы не покупал, удобнее мотороллер. Вы мне все эти годы очень помогали деньгами, поэтому сейчас если продержусь на этой работе, я смогу помочь и вам и Лилиной семье, если нужно.

Очень хочу к вам приехать

Целую Вадик

2 сентября 2000 г.

* * *

Здравствуйте дорогие! Посылаю несколько фотографий. У меня все нормально и хорошо. Так что не волнуйтесь. Правда в стране напряженно. Я раньше этими проблемами не интересовался особенно, сейчас вижу, что не надо было Израилю идти на территориальные уступки. В чем-то ситуация похожа на историю с американскими индейцами, правда освоители Америки не придерживались особенно библейской морали.

Очень был потрясен про д. Костю. По-моему его мама умерла от той же болезни. И очень их жалко и не знаю тоже как об этом говорить.

Отцовский сайт делаю потихоньку с переменным успехом, но получается медленно, т.к. работаю с 9 до 9 каждый день, а в пятницу, субботу не всегда получается. Но буду потихоньку делать. Сейчас в субботу старика вожу в синагогу. Но денег брать уже за это как-то неудобно, т.к. зарабатываю уже побольше. Все вспоминаю, как я хотел бросить программирование несколько раз, а вы меня отговаривали. Вот в конце концов получилось хорошо.

Я читал в Интернете, что США отменили въездные туристские визы для некоторых стран, может быть для Израиля тоже. И повысились квоты для приема иностранных специалистов. Если какое-то время проработаю по этой специальности, то возможно смогу претендовать на какую-нибудь работу.

Юлик занимается по ивриту, английскому и математике. Читал он письмо от Флоры, а писать у нас трудно, но надеюсь напишет.

Целую Вадик

6 ноября 2000 г.

* * *

Здравствуйте дорогие мама и папа. Очень солнечная хорошая погода. Поздравляю всех женщин с наступающим 8 марта. Это также и Пурим. На работе нам сказали одеть карнавальные костюмы, но это я уже не знаю, что одеть. Птицы здесь разные поют. Есть очень красивые, но не знаю как они называются.

Целую Вадик

Напишите пожалуйста, как вы справляете этот Пурим – 8 марта и что делают на него Лилины девочки.

5 марта 2001 г.

* * *

Здравствуйте дорогие! Спасибо за письма, я получил сегодня 2-е. К врачу я пока не хожу, нашел в интернете сайт по психологии, но в принципе сейчас это уже не нужно. Зачем взрослый детина 40 лет должен по врачам ходить. Ты мне медальон с заповедями дала, сказала, чтобы был сильным, вот и буду стараться соблюдать заповеди и быть сильным. Все время надо чему-то учиться. Конечно, хотя я себя за это ругаю, все равно я копаюсь в прошлом, хотя поправить в нем уже ничего нельзя. Утром йогу делаю по книжке. Лучше чем врачи. Семью и детей я хочу. Это основа и смысл человеческого существования. Но с хамством уже не могу мириться, потому что не могу и не хочу жить двойной жизнью. Раньше мог и хамство было для меня такой же естественной средой обитания как и любая другая. А для Юлика может лучше, что я отдельно, так хоть будет место куда он сможет прийти, если захочет. Вчера звонил, хочет письма мне какие-то отдать. Большой сайт делаю по работе, но простой, а до этого был сложный.

Если бы мы жили рядом, тогда мне нужна была бы машина, я бы вас всюду возил. Хорошо – отцовский гобелен на стене висит, не надо было его оставлять. *(Он имеет в виду, оставлять гобелен своей жене. Она называла его «ковром» - Прим. Автора)* Он очень помогает мне. Буду еще писать.

Целую Вадик

* * *

Здравствуй дорогая мама!

Трудно писать, т.к. в уме с тобой разговаривал, а на бумаге не получается. Вообще жалко, что мысли человеческие уходят, и если не передаются, то исчезают. Поэтому наверное «рукописи не горят». Кто-то прочтет и передаст дальше как бильярдный шар. Может код который пишу на работе кому-нибудь будет полезен. Не вини себя за мою жизнь: я вам очень благодарен за нее, и детство было прекрасное, другим такого не выпало, и все-все вы делали для нас, жили для нас. А что путь у меня кривой, так и деревья вырастают бывает кривые, даже люди в кривых деревьях могут найти особую красоту. Потом все равно выравнивается, ведь дерево тянется к солнцу. Надеюсь на встречу.

Целую Вадик

Тяжело получается любить жизнь, людей, верить в доброе и открывать свое сердце для мира, но все равно нет другого пути. Это совершенно не из книг, книги и вообще печатное слово понимаешь если как-то отражает мысли, а сейчас вообще ничего не читаю, особенно книгу по Каббале которую ты у меня видела. Может потом как-нибудь.

2001 г.

* * *

Здравствуйте дорогие. Поздравляю папу с д. рождения 14 апреля. В прошлом году тоже вы отсюда уехали до него. Желаю здоровья и хорошего настроения. Надеюсь, что на следующий год хотя бы смогу быть рядом. За меня не волнуйтесь, все хорошо. Читаю сказки Шварца – очень интересные сказки. Объявление о продаже машины написал, теперь надо склеить и развесить. Все лень. Пишите. Целую Вадик

1 апреля 2001 г.

* * *

Здравствуйте дорогие! Вчера был у Иды Клементьевны в гостинице. Очень интересные там есть люди, только территория расположена под наклоном, им ходить тяжело, скамеек тоже не ставят. А так вокруг красиво. У них проводят разные мероприятия, раньше она ездила на экскурсии, но теперь трудно, т.к болят ноги. Она соблюдает сейчас все правила Торы. Это требует усилий в приготовлении пищи и в быту. К Жене Столову звонил, он был в гостях у мамы в Бейт Шемеше. К сожалению с ней я не знаком, надо было попросить познакомить в свое время. До праздников говорил по телефону с Банквечер и его сыном, который вернулся из Америки. Сын со мной разговаривает на иврите, т.к наверное они приехали сюда когда он был совсем маленьким. Племянницы мои наверное тоже потом будут говорить только по-английски, если уже не сейчас. Как с Юликом наладить приличный контакт не знаю. Нет навыка такого рода общения, все-таки может быть какие-то мои знания или взгляды были бы ему полезны. Он же не виноват, что оказался вовлечен в наш конфликт. Ну ладно, думаю что-то со временем возникнет. Пишите. Целую. Вадик

P.S. Сегодня 14.4 т. что хочу еще раз папу поздравить с днем рождения. Очень жаль мне что когда мы жили вместе, в этот день я делал какую-нибудь очередную глупость.

14 апреля 2001 г.

* * *

Здравствуй дорогая мама! Спасибо за письмо. Работу я пока не теряю не волнуйся. Встаю в 6 каждый день. В 8 утра иду на работу, в 9 вечера возвращаюсь, гуляю пешком 1 час и ложусь спать. Здоровый образ жизни. Социальные психологи бастуют, поэтому купил психологическую лечебную книжку. Очень поучительно. Звонил студент, тот который дал мне губительную идею христианского всепрощения и милосердия. Говорил, что у них есть место программиста, но пока меня отсюда не гонят, новое искать не хочу.

Ида Клементьевна болеет и все время падает. Надо к ней поехать поменять миксер в магазине, который мы вместе купили. А у ее соседки дочь умерла в Израиле, была виолончелисткой. Осталась виолончель, я подержал, конечно играть не могу, но смычок держу и сижу правильно. Библиотека Коммунистической Партии все закрыта и не могу сдать или поменять сказки Шварца. Познакомился с дворником, когда хожу по утрам делать зарядку с ним беседую. Очень интересный и добродушный человек из Самарканда, курит самокрутки. В парке меня уже узнают собаки, вороны и еще павлин там ходит настоящий.

Целую Вадик

29 апреля 2001 г.

Два письма, посланных по интернет

15 мая 2001 г. 1:22 ночи

Лиля! Нет ли у тебя какого-нибудь заочного психолога по e-mailu, т.к. ходить к обыкновенному психологу нет ни денег ни времени ни сил. Ты не думай я сам прекрасно справляюсь у меня много чувства юмора, но мысли мешают работать а избавиться от них не получается. Они за каждым углом любой даже самый маленький поступок по вопросу ужасных семейных отношений вызывает шквал и обвал мыслей, а если поступков не делаю то начинаются упреки в трусости и нерешительности. Очень от этого устаю и мешает работать и жить. Болезнь какая-то. У людей куча романов и связей и ничего, а здесь на одной руке перечислить могу, а результат – три кости сломаны, зубы, челюсть, порезы еще и мозги поехали. И всем вам надоел своими приставаниями. Это еще хорошо что я далеко а если бы жил рядом измучил бы всех. Ты не принимай близко к сердцу то что пишу просто слова все это и мама пусть на меня меньше внимания обращает и на письма мои тоже. Потом всегда жалею что звоню пишу что-то делаю.

15 мая 2001 г. 2:20 ночи

Не обращай внимания что я пишу. Все пустое. Отцу надо в сайт личные фото посадить все не соберусь. Ты посмотри может что-нибудь придумаешь еще. Ты может придумаешь себе сайт со стихами и прочим, как это должно выглядеть что должно быть внутри если ты придумаешь и дашь мне дизайн и информацию то смогу тебе собрать. Не обязательно на «geocities». Подумай, напиши. Целую. Вадик

Письма, посланные обычной почтой

* * *

Здравствуй дорогая мама! Посылаю анкету для Лили. Получил твое письмо. Спасибо. Все правильно. Не волнуйтесь. Я в себя приду. Такой

значит период тяжелый. Наверное переход в другое тысячелетие. А если у папы процедуры закончатся, то он сможет возможно пожить у меня? Здесь парк рядом хороший, можно было бы снять отдельную квартиру. Конечно если он хочет. Правда тяжелый перелет и акклиматизация. Я в этом мало что понимаю, надо у врача спрашивать. Сейчас уже жарко становится, но комната моя довольно прохладная.

Пишите. Целую. Вадик

28 мая 2001 г.

* * *

Здравствуй дорогая мама! Я пишу тебе очень длинные письма в мыслях на бумаге получается гораздо хуже. То, что писал Лиле – наверное хорошо, что она не понимает. Это язык поэтов, одиноких людей, сумасшедших и птиц. Это не значит, что я ненормальный. Просто Лиля хоть и поэт, но к счастью живет нормальной человеческой жизнью и поэтому по привычке детской спрашивает меня: «А ты сумасшедший?» Когда ты была здесь то увидела слабого больного мальчика, и ты спасла меня, дала мне медальон с заповедями и сказала «Будь сильным». И я старался стать сильным, но по мере того, как я им становился перекручивал волей неволей все свое прошлое и чистил Авгиевы конюшни души. Гораздо счастливее жить с четкими взглядами и не сомневаться. А я увидел свою слабость. У меня не получается писать последовательно, поэтому я тебе выскажу несколько своих мыслей. Когда я хотел продать машину, ты мне сказала – не продавай, а лучше научись ее ценить. Это был очень мудрый совет. Действительно уделяя этому время узнаешь что-то новое общаешься с людьми, живешь в конце концов. Гораздо проще продать, избавиться от проблем и освободить время и душу. Для чего? Для другой машины? Но с ней тоже будут проблемы. Ты мне сказала этим советом: если что-то не умеешь то лучше учиться, а не уходить от проблемы.

Машина – семья. Отец сказал – эти люди больны вещизмом, мещане. Да. Правильно. Называя вас в детстве мещанами я не знал, что попаду в действительно страшно мещанскую среду. Есть одно но. Когда отец пришел к тебе в дом, то обстановка в плане дизайна была не очень. Но он приложил тепло своих рук, свой вкус, душу, любовь. Этот маленький глупый брат. Взял в руки деревянную саблю и поехал воевать. *(Я думаю, что здесь Вадик имеет в виду брата Инны, у которго с Вадиком испортились отношения, хотя образ применим к самому Вадиду не в меньшем степени – Прим. Автора)* А меня ведь так легко подбить на это дело. Всю жизнь воевал со всем миром, с вами, школой, армией, людьми. И с Инной и с Юликом тоже. Приехали люди с которыми 14 лет у меня была странная, надуманная, театральная семья. Приезжал, играл свою роль 2 недели-месяц, уезжал. Наверное играла роль Инна. Юлик вряд ли. Для него это была реальная картина его мира. Когда здесь мы стали жить вместе, то выступления на 2 недели закончились, маски и костюмы пришлось снимать, к счастью и не нужны они мне больше, т.к. пришло время и захотел жить открыто и честно,

как велят корни нашего дома. У Инны свои маски, свой путь, в этом карнавале причина нашей вражды. Все это кипело, боролось 1.5 года, за войнами не обратил внимания, что сын мой смотрит уже мимо меня. Тоже и последний случай – какое сострадание к больной, когда в руке деревянный меч. Это слабость. И ты увидела приехав меня слабым и разбитым и увидела что ни у меня, ни у Инны и Юлика нет к друг другу тепла, любви и доверия и решение наше о разводе было верным. Ведь после сумасшедшего дома когда я вышел, то хотел опять идти и сражаться, представляя себя санитаром, который входит к сумасшедшим и не понимал, что пусть в идеале, но в основе у этого санитаря должна быть любовь, а не гордыня и самоутверждение. И не вышло бы тогда ничего хорошего из этих метаний. Это тогда. Сегодня нет в руке у меня меча, хотя и должен быть наверное. Вот и вижу я что моя Инна просто дура, которая не умеет создавать семью, а также как и я воюет со всем миром, это уже по своим специфическим причинам. Ты пишешь мне, что я в нее не влюблен. Так я не умею это делать толком, а хорошего у нее тоже много, за что многое я благодарен. Люди живут вместе, познают друг друга, взаимно обогащают, приходит и любовь, да думаю и есть она. Но вот другое дело, что оскорбление терпеть я не намерен, дом своего отца куда я пришел после долгих лет люблю. Обычно блудный сын я знаю, босой и раздетый на картинках, ну да и я все старое потерял. Последнее – семья, особенно больно и тяжело. Потому и хочу поговорить с ней последний раз. Не для того чтобы просить, а чтобы понять. За эти 5 месяцев очень многое в себе я пересмотрел и не могу отказать в этом праве и Инне. Иначе она уедет, и опять я буду говорить с призраками. И Юлик мой сын хоть и не признает меня. Ведь я в его годы и позже вел себя куда как плохо, а вы от меня не отказывались.

Это все очень тяжело но думаю, что надо не бояться жить.

Целую, Вадик

На фото которое вы сделали когда вы были здесь у отца такие счастливые глаза, а после всего этого последнее ваше фото очень грустные. Ты мама что выхода не было у меня и не потому сейчас мечусь а потому что хочу стать более хитрым и этот выход найти. Потому что хочется верить в добро какое-то и выдержать. Не сердитесь за это письмо на меня, но так трудно все время говорить только с самим собой. Может и не будет никакого разговора с Инной, но в любом случае от своей веры я не отойду.

8 июня 2001 г.

Воспоминания

Леонид Алавердов

Сын

Наверное, это будет самое тяжёлое повествование, но пройти мимо своего взгляда и своей оценки его жизни я просто не могу.

1962 год знаменателен для нас тем, что родился Вадик, наш сын, а в роду моего отца он был единственным носителем фамилии. Своим появлением на свет он ввел нас в какое-то эйфорическое состояние.

Он был необыкновенно красивым ребёнком, окружённым любовью и вниманием. Мы были единственными среди наших друзей, у кого в то время было двое детей, и в компании моего друга Артура Каустова и его жены Жени Гинзбург нас обычно представляли: «Это те, у кого двое детей». Надя так следила и одевала наших детей, что выглядели они, как два ангелочка и были, в отличие от детей наших друзей такими тихими и спокойными, воспитанными детьми, что нам же говорили: «Ну, таких можно и троих иметь!»

Конечно то, что у Алавердовых появился продолжатель рода, очень возрадовало всю нашу родню. Страшно горд был мой отец, ну а его брат, мой дядя Кима передал нам, вернее Вадиду, в пользование единственное наследство от моего деда: серебряный подстаканник и двадцать томов энциклопедии. Когда-то давно, ещё до революции, мой дед купил эту энциклопедию своим сыновьям, моему отцу и дяде Киме.

Тихо и спокойно протекало детство нашего сына. Он рос довольно смыслённым мальцом. Уже в пятилетнем возрасте пошёл в школу, т.к. к этому времени он уже читал. Но это было, по всей вероятности, связано ещё и с тем, что он всегда тянулся за Лилей.

Как сейчас помню: когда ему было всего четыре с половиной годика, он вдруг в ответ на мой восторг по поводу того, что Лиля может довольно бегло читать, неожиданно заявил мне, что и он умеет читать. Мы как раз шли по проспекту Ленина в гости к моим родителям, и я сказал ему, что если он уверяет, что может читать, то пусть прочтёт какую-то вывеску. Он безошибочно стал читать, а я только рот разинул от удивления.

Да и позднее он неоднократно проявлял свои незаурядные умственные способности. Как-то, будучи в командировке, я купил в Ленинграде книгу, где объяснялась теория построения из бумаги сложнейших объёмных геометрических фигур (тетраэдров, октаэдров и т.п.). Вадик учился тогда в 7-ом или 8-ом классе. Он очень быстро разобрался во всех сложностях построения и через некоторое время буквально наводнил нашу квартиру этими сложными объектами. Исполнены они были из белого ватмана и совершенно безукоризненно. Позднее он сдал их в математический класс своей школы.

Когда он поступал в институт, к нему во время приёмных экзаменов по математике подошёл педагог и спросил, зачем он поступает в Институт Народного Хозяйства, ему надо было бы идти на математический факультет Университета.

А когда Лиля училась на 5 курсе исторического факультета, ей предложили «халтуру» - выполнить на заказ курсовой проект по истории или философии. Свободного времени у Лили не было, и она отказалась от этого заработка. Тогда за дело взялся Вадик и, несмотря на своё «бухгалтерское» образование, через две недели выполнил работу. Правда, при расчёте «Заказчик» всё же надул его и недоплатил ему всех денег.

Когда же он, уже гораздо позднее, по окончании института и службы в армии, работал в Баку, то я однажды на улице встретил его непосредственного начальника. Его шефом был некий Филя Атамали, которого я довольно хорошо знал. Не скрою, что я испытал огромное удовлетворение, когда он сообщил мне, что я могу гордиться своим сыном, что он необыкновенный умница, и ему можно поручить любую работу.

Но наряду с тем хорошим и ценным, что было заложено в нём, вся его жизнь проходила в каком-то противостоянии нам, нашему дому. Это противостояние началось где-то в 12-летнем возрасте, и как он сам позднее заявил: «В 12 лет я ушёл из дома». Физически он продолжал жить в нашей семье, но именно с этого возраста мы потеряли покой. Мы оказались плохими воспитателями и, видно, очень многое упустили. Несмотря на всю мою любовь к нему, мне не удалось добиться, чтобы сын стал человеком, преданным дому, чтобы он жил его интересами и интересами всех членов семьи. Возможно, я был излишне требователен к нему в стремлении воспитать в нём «мужские» качества.

Когда он учился в четвёртом классе, то попросил разрешения ходить в шахматный кружок вместе со своим другом Сергеем Голынцом. Конечно, я и Надя очень обрадовались этому, а очень скоро я узнал, что в кружок они перестали ходить и просто шляют по улицам. Было очень обидно оттого, что он обманывал нас.

Видно, то, что он пошёл очень рано учиться, способствовало тому, что ребята в классе считали его «малолеткой» и часто обзывали «дистрофиком». Он, действительно, был младше их на 2 года и, по всей вероятности, испытывал потребность доказывать своё равенство с ними. Группу ребят, которые окружали Вадика, его «сотоварищей», как он их называл, Надя

окрестила проще – «волчья стая». По нашему мнению, с начала этой дружбы мы и потеряли сына.

Возможно, в нас говорит обычное стремление перевалить свою вину на кого-то постороннего и очень трудно признать собственные ошибки в воспитании. Я очень много и постоянно думаю о прошедших годах и всегда прихожу к выводу, что лично я не сумел создать доверительные отношения между нами. Ведь могли же быть до определённой степени подобные отношения между мной и дядей Шурой. (Дядя Шура – дядя моего папы с отцовской стороны. Прим.Автора) Всё дело в том, что я никогда не мог «лезть в кости», всегда считал, что любой парень, мужчина имеет право на свою «тайну» и нечего задавать вопросы, когда человек не испытывает потребность быть откровенным с тобой. Единственное, к чему я всегда был нетерпим, это к проявлению подлости, неуважительного отношения к старшим. Никогда не понимал людей ленивых, относящихся к работе, как к какому-то злу, людей, не увлечённых своим делом и, самое главное, людей, безразличных к своему Дому, к своей семье.

Согласен с обвинением, что моя заикленность на мною же выработанном кодексе, так и не позволила мне рассмотреть и определить собственную норму поведения по отношению к моему же сыну. Но навсегда для меня останется загадкой, как Вадик не прочувствовал и не обратил внимание на ту необыкновенную и обволакивающую любовь к нему Нади и Генриэтты Абрамовны (Генриэтта Абрамовна – наша бабушка с материнской стороны, с которой мои родители и мы жили вместе. Прим. Автора).

Всю его жизнь они забегали вперёд, заглядывая ему в глаза, всячески старались создать для него нормальные жизненные условия, а проще говоря, беззаветно служили ему. Я никогда не пойму, как можно было не замечать всего этого. Можно было бы привести много примеров, когда его поступки больно ранили всех нас, но мы всё равно продолжали любить его и выискивать какие-то поступки, которые способны были радовать нас.

Я немного сумбурно описываю все события, связанные с Вадиком, но думаю, что моё состояние объяснимо.

Шли годы, и наш сын дошагал до 10 класса, последнего перед выпускными экзаменами. По рекомендации директора школы, где работала Надя, Вадика перевели в их школу. И десятый класс он уже заканчивал под материнским наблюдением и в отрыве от его «сотоварищей». Без этой меры он навряд ли бы окончил десятилетку, но отрыв от его товарищей носил чисто условный характер, зато сохранилась обида на родителей за наш поступок. Я же всегда сопоставлял его отношения с товарищами с собственной дружбой с моими друзьями. Несмотря на все усилия, я не мог найти в его дружбе что либо похожее. Вероятно, мои высказывания на этот счёт ужасно раздражали Вадика. К тому же, как всегда подчёркивает Надя, я постоянно сопоставлял его с Лилей, слишком эмоционально восторгался её поведением, её учёбой, её увлечённостью литературой. Вадик никогда не высказывался по этому поводу потому, что всегда очень любил Лилю. Но зато он как-то высказал нам обиду, что мы не принимаем дома его

друзей. Но в этом вопросе он не мог быть объективен, т.к. в тех редких случаях, когда мы и шли на уступки, все эти «встречи» заканчивались довольно некрасивой пьянкой, а в промежутках между этими пьянками совместные с «сотоварищами» выходы повергали лично меня в ужас.

Когда Вадик закончил школу, то он заявил нам, что собирается поступать в Институт Народного Хозяйства на факультет «Бухгалтерский учёт». Из беседы с ним было совершенно ясно, что Вадика абсолютно не волнует выбор его будущей профессии, а единственным аргументом в пользу выбранного Института и факультета было то, что он будет учиться всего 4 года, а не 5, как обычно и «догонит» Лилю. Все мои убеждения и доводы, что если он решил выбрать специальность, связанную с экономикой или бухгалтерией, то нужно идти в Институт Нефти и Химии на экономический факультет и что, несмотря на пятилетний срок обучения, этот ВУЗ готовит серьёзных специалистов, не возымели никакого действия. В какой-то момент я понял, что просто сотрясаю воздух. Но всё равно я и Надя вместе с родными и близкими радовались, что он вышел на тропу, которая обеспечит ему высшее образование.

Как поступил он в Институт, так и учился все четыре года очень легко и ровно. Закончил свой институт и стал работать в Астрахани. Его приезды в Баку всегда были радостью для нас. В эти дни проявлялась его любовь и внимание к нам. Он старался всегда что-то привезти в дом, ну а мы всегда радовались его вниманию к нам.

Помню, как я и Саша (дядя мамы Вадима - Л.А.) расхваливали привезённый Вадиком напиток с ремарковским названием «Кальвадос», а по существу обычный яблочный самогон. Помню его довольное выражение лица от произведённого эффекта.

А затем наступило время его призыва на службу в армию. Рассказы о дедовщине в армии ужасно встревожили Надю и меня, и мы начали лихорадочно искать пути, которые могли бы хоть несколько облегчить предстоящую службу Вадика в армии. Единственное, что нам удалось добиться, -- это «выйти» на военкома Баку, и он обещал хотя бы зачислить его в, так сказать, «приличную» часть в Подмоскovie.

Наступил последний день пребывания Вадика в Баку, и мы все отправились на станцию Баладжары, где должна была произойти погрузка в вагоны. Чувствовалось, что присутствие нас, родителей, как-то раздражает его, что ему больше хотелось остаться наедине со своим другом Сергеем. Он, собственно говоря, так и поступил, исчез куда-то и только перед самой отправкой нам удалось разыскать его и наспех попрощаться.

Служба у Вадика проходила очень тяжело. Даже несмотря на его немногословность, чувствовалось, что ему пришлось сполна хлебнуть прелести армейской службы. В его время это была совсем не та армия, в которой пришлось служить мне

Как-то в ближайшую командировку я, Лёня Жаров и Милочка, моя двоюродная сестра, поехали в г. Электросталь, где Вадик проходил так называемый «Курс молодого бойца». Тяжело и больно было видеть его и

слушать его рассказы о тяготах армейской службы. А очень скоро его отчислили из этой части и отправили дослуживать в Архангельский край, в г. Котлас. Тяжёлый северный край, место концлагерей и ссылок, плюс бытующая «дедовщина» был не лучшим периодом в жизни нашего сына. Но всему приходит конец, и в один прекрасный день Вадик вернулся домой.

После армии он как-то довольно быстро устроился на работу в организацию при Министерстве Лёгкой промышленности республики, и нам показалось, что наступили спокойные времена. Работа у него проходила довольно легко, и именно в это время, как я уже писал, мой знакомый, который руководил отделом нормирования, где трудился Вадик, очень расхвалил мне его.

Всё было бы ничего, если бы не одна черта Вадика: он всё время «догонял» Лилю. Ускоренно научился читать и писать, в пятилетнем возрасте пошёл в школу, выбрал себе институт, где обучение было всего четыре года, а не пять, как обычно. Так вот, когда Лиля вышла замуж, то её новое положение, видно, не давало ему покоя, и в один прекрасный день он спросил у Нади: «А не жениться ли мне, мама?» Ну а так как и Надя и я всегда считали, что в этом вопросе решение должны принимать повзрослевшие дети, то не особенно и сопротивлялись. Возможно, это было нашей ошибкой. С Инной, своей женой, он познакомился на работе, и она ко времени его бракосочетания была уже довольно опытной женщиной. Дважды до Вадика она уже была замужем и перспектива, что наш сын будет её третьим мужем, не очень нравилась нам. Мне достаточно было один раз попасть к ней домой, увидеть её квартиру, до отказа забитую бессмысленными и, как у нас говорят, «чушкарскими» вещами, чтобы понять, что эта семья совершенно далека от нас, а продемонстрированное накопительство наглядно показало нам, что вряд ли Вадик сможет построить на этой базе свою семью.

Но он был настроен очень решительно, и мы с Надей пришли к заключению, что по всей вероятности Инна стала его первой женщиной и довольно умелой, ну а нам осталось только выдать из себя согласие.

От свадьбы молодые отказались и регистрация их брака была отмечена обедом в нашем доме. Пришли Инины родители, где мы с ними впервые познакомились, а с нашей стороны были Надя, я, Генриэтта Абрамовна и Лиля. Родителей Инны мы так никогда больше не видели.

Очень скоро Инна, а до неё её родители, перебрались в Харьков. Там 12 октября 1987 года она родила сына, нашего внука Юлиана. Вадик же продолжал жить в Баку и в своей семье появлялся наездами.

Восьмидесятые годы – это годы перестройки, когда бурно развернулась кооперативная деятельность. Появилась колоссальная потребность в людях, способных вести финансовую деятельность растущих всевозможных кооперативов, малых и больших предприятий. Наша надежда на то, что Вадик профессионально займётся этой деятельностью, которая могла принести неплохие дивиденды, не оправдалась. Он совершил совершенно противоположный поступок: бросил работу и с головой окунулся в малый бизнес. Он стал кустарно выпускать сомнительные по качеству сувениры,

значки, брелки и т.п. Несколько позднее он сколотил бригаду из художников, своих друзей, и перебрался в Москву. Здесь в ход пошла роспись матрёшек, пасхальных яиц и ещё какой-то чуши. Всё это реализовывалось на Арбате, где он пропадал и днём и ночью. В ход пошли какие-то тёмные делишки, беготня от милиции, крутились какие-то большие по тем временам деньги. Но Надю и меня всё это повергло буквально в шок. Мы привыкли жить и работать совсем по другим меркам, придерживались совершенно иных жизненных ценностей. И когда он однажды приехав в Баку, сообщил нам, что собирается уехать на постоянное жительство в Израиль, мы даже обрадовались. Наконец-то закончится его сомнительная финансовая деятельность в Москве, он оторвётся от всесоюзной толкучки на Арбате и сможет применить свои способности в стране, к которой мы всегда испытывали благостные чувства.

Осенью 1991 года Надя и я прилетели в Москву, чтобы проводить Вадика в Израиль. Ида(тетя матери Вадима – Прим. Автора) приготовила прощальный обед, но Вадик так был занят со своими друзьями, что прибежал к Иде, когда времени было уже в обрез, схватил свой чемодан, и мы с ним, Лёней Жаровым и Мариной (двоюродные брат и сестра матери Вадима – Прим. Автора) помчались на вокзал. Туда же подъехали мой брат Володя с Аллой, Милочка и Таня (Двоюродные сестры отца Вадима – Прим. Автора). На вокзале всё было как-то скомкано, мы с Надей чувствовали себя скованно и наглядно убедились, что Вадика больше интересовало присутствие на вокзале его друзей, чем родителей и родственников. Во всяком случае с вокзала мы шли в совершенно подавленном состоянии.

А в 1993 году Лиля со своей семьёй и я с Надей, прихватив двух наших стареньких матерей, очутились в Америке, в Нью-Йорке.

Вадик же продолжал жить в Израиле, в одиночестве, без своей семьи и без нас. Эмиграция – тяжёлый период в жизни каждого человека, а иммиграция в одиночку – тяжела десятикратно. К тому же Вадик всё предпринял как-то не так. Вместо того, чтобы окунуться в учёбу, которая могла бы гарантировать ему будущее, он стал перебиваться случайными заработками, бесконечно менял места работы, попробовал заниматься какой-то торговлей с Москвой и в итоге оказался без товара и денег в больнице. По ходу своей «купеческой» деятельности он ввязался в Москве в какую-то любовную историю, был жестоко избит, будучи пьяным упал с пятого или третьего этажа, с переломанными костями был доставлен в больницу. Мы находились в Америке, ещё не имели гражданства и вся тяжесть по уходу за ним легла на плечи семьи Жаровых(семья тети моей мамы – Прим. Автора) и моего брата. Вадик же больше всего с особой теплотой вспоминал, как за ним в больнице ухаживала Инна, которая специально для этого приехала из Харькова.

Находясь здесь, в Америке, мы, а особенно Лиля, предприняли невероятные усилия для воссоединения с Вадиком, чтобы у него была возможность перебраться к нам в Америку. Но для этого нам необходимо было получить американское гражданство, а ему оставаться в разводе со

своей женой. Соблюдая последнее условие, он мог претендовать на первоочередное рассмотрение его вопроса по воссоединению с семьёй.

Зная все доводы и условия, Вадик тем не менее поступил совершенно диаметрально противоположно. Он срывается с места, приезжает в Харьков, вновь регистрирует свой брак с Инной, а она вместе с сыном через какое-то время переезжает в Израиль. Таким образом были ухудшены условия для его переезда в Америку. Но Лиля продолжала борьбу за него, а нам оставалось только, как и прежде, материально помогать ему.

Наконец наступило то время, когда Вадик изъявил желание встретиться с нами. Весной 2000 года после десятилетнего перерыва и произошла эта встреча. Мы стояли втроем обнявшись в иерусалимском аэропорту и плакали. Это очень тяжело не видеть своего сына целых десять лет и всё время мучиться и переживать за него.

Затем у него дома мы встретились с Инной и нашим внуком Юлианом. Мы провели чудесные дни в Израиле. Вадик был счастлив, окружил нас необыкновенной и непривычной для нас заботой. Было очень трогательно наблюдать, как он переживал, что мы уезжаем в какую-то однодневную экскурсию, как встречал нас по приезду из неё, как он приволок на велосипеде огромный паралоновый матрац, чтобы мне было удобно спать. Вадик всячески старался улучшить наш быт, и для нас эти проявления заботы были необыкновенно ценны.

Конечно, мы старались максимальное внимание уделять нашему внуку – Юлиану. Юлик оказался славным мальчиком. Мы с умилением наблюдали за тем, как он трудолюбив и ловок. Меня просто привело в восторг, как он умело помогал мне собирать купленную мебель. Но особой близости между нами так и не произошло. Держался он как-то отчуждённо, не проявлял особой близости, которая часто возникает между внуком и бабушкой с дедом. Мы это замечали и, как говорится, не лезли ему в кости. А собственно говоря, нечего было и удивляться. Ведь Юлик нас совершенно не знал, мы для него были новыми незнакомыми людьми. (Юлику было тогда 13 лет – Прим. Автора)

Быстро пролетели наши дни пребывания в Израиле. Общение с Вадиком и внуком, встречи с друзьями, знакомство со страной – всё это произвело просто ошеломляющее впечатление. И, конечно, нельзя не отметить, что нас очень порадовало то, что Вадик стал учиться на курсах по подготовке программистов и даже устроился работать в какую-то фирму. Это были первые успешные шаги в Израиле за десять лет его пребывания в стране.

Позднее у Вадика произошёл крупный конфликт с Инной и сыном. Он вынужден был уйти из дома. Очень скоро Инна отправила Юлика в Харьков к своим родителям. Тяжёлая работа по программированию, а работал он действительно очень много, разрыв с семьёй, как видно крайне депрессивно действовали на Вадика. Во всяком случае всё это привело к тому, что в начале января 2001 года у нас раздался звонок по телефону от друга Вадика – Яника и он сообщил нам, что Вадик предпринял попытку самоубийства, перерезал

себе вены. Яник оперативно примчался к нему, доставил его в госпиталь и фактически спас его.

Надя мгновенно вылетела в Израиль. Я же был совершенно нетранспортабелен, т.к. сравнительно недавно перенёс операцию после того, как был сбит на улице автомашиной (21 Ноября 2000 г. – прим. Автора)

Там, в Израиле, Надя предприняла невероятные усилия, чтобы успокоить Вадика, привести его в нормальное состояние, а убедившись в том, что Вадик не сможет продолжать свою семейную жизнь, сделала всё возможное для облегчения бракоразводного процесса. Она провела переговоры с адвокатом, которая в дальнейшем максимально ускорила и облегчила эту непростую процедуру.

В сентябре 2001 года Вадика наконец удалось получить разрешение на гостевую поездку в Нью-Йорк. Наша встреча состоялась в аэропорту Кенедди сразу после трагических событий, которые потрясли весь мир.

Лиля и наши внучки были счастливы, что встретились с Вадиком. Мы все старались окружить его вниманием и любовью. Я, как всегда, выворачивался наизнанку, стараясь показать ему всю красоту Нью-Йорка, а Надя не отходила от плиты, приготавливая ему какие-то вкусные наши традиционные блюда.

Лиля со своей стороны звонила во все иммиграционные службы и очень скоро Вадик получил официальное разрешение на выезд в Америку на постоянное жительство.

6 июня 2002 года мы встретили Вадика. Поселился он, конечно, у нас. Начались его шаги по иммигрантской дорожке: изучение языка, поиски работы. Как мы ни старались направить его усилия на учёбу, он был непреклонен. Очень скоро он устроился работать программистом, но так же вскоре и бросил эту работу. Началась череда всяческих перемен мест работы. По существу он стал вести ту жизнь, к которой привык в Израиле. Скачки с одной работы на другую до того момента, пока не наступает время, когда можно перейти на пособие по безработице. Затем несколько месяцев отдыха. Нас этот образ жизни просто убивал. Единственное, что мы не учли и ничего в этом не понимали, это то, что он, по всей вероятности, всё время находился в глубочайшей депрессии. Наша безграмотность в этом вопросе и не позволила нам быть объективными по отношению к его поведению.

Будучи людьми жизнелюбивыми, оптимистами, привыкшими к постоянному труду, и находя в труде колоссальное жизненное удовлетворение, мы оказались слепыми к его протекающей на наших глазах, по всей вероятности, болезни. Первая обратила на это внимание Лиля, но наши уговоры обратиться Вадика к врачу не носили настойчивый характер.

Даже то обстоятельство, что у него уже была попытка ухода из жизни, ничему нас не научила. Вадик никогда не говорил на эту тему, ну а я никогда его ни о чём не расспрашивал, не хотел беречь «старые раны». Я привык примерять себя ко всем ситуациям и всегда считал, что при всей моей любви

к жизни никогда не смог бы совершить поступок по бессмысленному уходу из неё.

Вадик был довольно скрытным человеком, не особенно раскрывался и откровенничал по поводу своих поступков. А в последнее время у него появилась и какая-то подозрительность в отношении окружающих его людей. Так, например, его очень взволновало то, что очередной наниматель на работу снял копии с его документов (гринкарта, водительские права). Мне очень долго пришлось объяснять и успокаивать, что это совершенно естественные действия хозяина фирмы. Но Вадик всё равно отказался работать у него.

Вадик мог вступить в драку на работе, защищая какого-то приятеля по цеху, над которым кто-то надсмехался.

Его устройству на работу часто основательно мешало то, что он отказывался трудиться по субботам, т.к. в этот день, как правоверный еврей, читал Тору. В Израиле он проникся идеями иудаизма и старался соблюдать, хотя и не самозабвенно и скрупулёзно, предписания Торы. Мы всегда с пониманием относились к этим его новым проявлениям. Вадик часто с укоризной спрашивал меня, почему я работаю в субботу, сижу за своими гобеленами или занимаюсь с ученицей. Несколько раз он предпринимал усилия к тому, чтобы мы начали читать Тору или посещали синагогу. Хотя сам в синагогу, как мне кажется, не ходил.

По дому он вышагивал в мрачном и подавленном состоянии и оживлялся только, когда общался с дочерью Лили. Иногда мне казалось, что весь смысл его работы сводился к тому, чтобы только регулярно посылать алименты Юлику.

Возможно, я ошибаюсь, но у меня создалось впечатление, что после поездки в Канаду и встречи со своими друзьями детства Тимой и Яником, который прилетел из Израиля, он вернулся в каком-то особенно подавленном состоянии. Дело в том, что все они, пройдя иммиграцию, оказались хорошо устроенными людьми, а Вадик, которого они когда-то называли «мозговым центром», перешагнув уже сороколетний рубеж, так и ничего не сумел достичь.

Иногда его подавленное настроение вызывало у меня и Нади чувство тревоги. Однажды он ушёл на бульвар и долго не возвращался. Уже стемнело, когда он появился дома. Так вот, у меня и Нади, совершенно не сговариваясь, мелькнула страшная мысль, что сейчас принесут найденные на пляже его вещи, а он исчезнет. Возможно, этому состоянию способствовало и событие, связанное с кончиной Алика (наш дядя с материнской стороны, который умер в океане. - Прим. Автора).

Так, шаг за шагом мы приближались к самому страшному дню в нашей жизни.

В ночь со второго на третье декабря 2004 года я поздно сидел за работой над своим очередным гобеленом, а не уходил я спать, собственно говоря, от того, что Вадик молча вышагивал по квартире, от кухни до ванной. Надя давно уже ушла спать, я молча работал, и в квартире была какая-то

гнетущая тишина. Накануне Надя уговорила Вадика пойти на приём к врачу-психиатру. Где-то после часа ночи Вадик ушёл в свою комнату, ну и я пошёл спать.

Часов в 7 утра я внезапно проснулся, рядом со мной стоял Вадик, и он произнёс:

- Папа, спасибо тебе за всё.

Затем взял мою руку и поцеловал её.

- Ну, что ты, сынок. Иди спать. Ведь так рано.

У меня возникло чувство, что он испытывает неловкость от того, что своим настроением, молчаливым вышагиванием по квартире помешал мне вовремя лечь спать и сейчас испытывал какое-то угрызение совести.

А утром он сказал Наде, что у него всё в порядке, ему незачем идти к врачу и почему-то сказал, что он получил хорошее воспитание.

Если бы мы могли догадаться, что он прощался с нами.

Ночью, 3 декабря в нашу дверь раздался страшный стук. На пороге стояло двое полицейских. На вопрос, все ли у нас дома мы утвердительно ответили, а на дополнительный вопрос, а кто ещё помимо нас проживает в квартире, Надя ответила, что наш сын, но он сейчас спит. В подтверждение своих слов она распахнула дверь в его спальню, но кровать оказалась пуста. Первая мысль, которая промелькнула у меня – это то, что Вадик, по своему обыкновению, ушёл ночью на улицу и его задержала полиция.

Как только полицейские увидели, что кровать пуста, они тут же ринулись в квартиру, а один из них загородил собой балконную дверь. Я оттолкнул его и выскочил на балкон. (Не думаю, что папа оттолкнул полицейского. Американский полицейский не позволит себя отталкивать, если ему предписано не пускать никого. Скорее, папа просто успел выбежать на балкон – Прим. автора). У ограждения аккуратно стояли домашние туфли Вадика. Страшная мысль пронзила меня и я крикнул:

- Надя, он выбросился!

Секундой позже я увидел под балконом его лежащее тело.

Нас долго не пускали к нему. Мы вызвали Лилю. Они примчались с Рафиком, через какое-то время. Я не могу изложить на бумаге, что мы пережили, да и продолжаем переживать. Он покончил не только со своей жизнью, но и искромсал нашу.

На кладбище мы увидели его в последний раз. Я никогда не забуду его лица. Он лежал такой красивый и такой спокойный. Ну, а наш дом, который всегда был необыкновенно весёлый, жизнерадостный, просто перестал существовать.

Очень тяжело пережили это событие Лиля и наши внучки. Ведь они считали его «самым весёлым дядей в мире».

Через несколько дней после ухода Вадика раздался телефонный звонок из Израиля и состоялся короткий разговор между Инной и Надей. Инна выразила своё соболезнование и предприняла попытку как-то проанализировать происшествие. Надя совершенно не имела сил продолжать беседу в этом направлении и смогла только пожелать Инне и Юлику

счастливой жизни, отметив при этом, что Инна всегда была хорошей матерью.

А потом у нас возникло желание послать Юлику некоторые любимые вещи Вадика: его книги, музыкальные записи, подстаканник (ещё его прадеда), фотографии. Короче, то, что составляло его духовный мир. Но Инна через друга Вадика, Яника, уведомила нас, что ничего не желает получать и не будет травмировать Юлика вещами его отца.

К моменту трагедии Юлику было уже 17 лет, т.е. это был уже, во всяком случае по моим меркам, достаточно взрослый парень. Но от него не последовало ни одного телефонного звонка или какой-либо открытки. Так мы потеряли навсегда не только сына, но и внука.

Возможно, Юлик и Инна считают нас виновными в том, что Вадик в своё время принял решение о разводе. У меня же сохранилось только письмо к Юлику, которое так и не было отправлено.

Здравствуй, дорогой Юлик!

К сожалению и к большому нашему горю, нам предстоит задача передать некоторые оставшиеся вещи после ухода из жизни твоего отца. Очень тяжело и больно перебирать его вещи, многие из которых составляли его духовный мир. Но, как нам кажется, тебе будет полезно и приятно соприкоснуться со многими из них. Если буквально спрессовать его жизнь, то можно с твёрдой уверенностью сказать, что ты всегда был для него самым дорогим человеком в этом мире. Все его мысли были связаны с тобой, и он очень болезненно переживал Вашу вынужденную разлуку..

Богатства ему нажить не удалось, но вещи, которые мы посылаем, непосредственно его, и ты вправе распоряжаться ими по своему усмотрению. Если они окажутся для тебя лишними, то раздай их бедным людям. В конечном итоге всё зависит от нашей памяти сердца и степени чувствительности.

Пластинки и книги – это то, что он любил слушать и читать, в фотоаппарате он даже отснял три кадра, проявишь, когда закончишь пленку, подстаканник – это единственная семейная память о его прадеде, а значит твоём прапрадеде. Вадик всегда пил чай с помощью этого подстаканника. Посылаем тебе также извещение о его смерти и ряд аттестатов, которые он получил здесь. Нательные вещи – это из тех, которые он любил и носил.

На расстоянии трудно судить о степени твоей привязанности к отцу, но постарайся в своей жизни быть достойным человеком, честным и мужественным, и помни всегда, что он тебя очень любил и мечтал о твоём достойном будущем.

Обнимаем тебя, твои бабушка и дедушка.

6 января 2005 года.

Р. Муслумов

Воспоминания о шурине

С нелегким сердцем принимаюсь я за эти Записки. Оправдывает меня, пусть только отчасти, то обстоятельство, что я, видимо, смогу высветить некоторые

моменты из короткой жизни Вадима, известные мне, и предложить им свое объяснение. Отсюда - субъективизм, ведь пишу я не просто о нем, но - о нем в связи с собою и своим пониманием случившегося. Зато я имею неосторожность вести дневники и Роман-хронику (по ряду причин, материалов последнего почти не буду использовать, компенсируя возможный художественный ущерб, если он есть, точностью изложения. Если она есть). Это дает мне возможность как хронологической привязки действия, так и упоминания о деталях, обычно обретающихся в кратковременной памяти в течение недолгого по определению срока.

О Вадиме я был немного наслышан еще до физического его появления в своей жизни. Я тогда работал в одной организации с его сестрой, мы подолгу беседовали обо всем (напомню - год 1983, «андроповский», вопросы трудовой дисциплины и посещения дирекция принимала близко к карману, в иное время нас бы тяготила необходимость позвоночно отсиживать положенные часы после застойной брежневской разболтанности), в том числе и о ее родне, в частности, брате, о котором она неизменно отзывалась очень тепло и, в то же время с затаенною тревогой. Он в то время служил в армии, и у Лианы были известные основания (пусть она не знала армейских порядков, но знала своего брата) для беспокойства. Я с неизбывным вниманием ее выслушивал, мне были интересны ее рассказы, полагаю, что она переносила часть симпатий к брату и на меня, возможно, по инерции, не успевая притормаживать на крутых поворотах общения. Не скрою, у меня уже тогда в голове роились разные предприятия и кампании. Мне даже приходило в голову познакомиться с Вадимом по его демобилизации инкогнито - каково?! и войти в их дом в качестве... стоп! так далеко мои мысли не простирались. И - к лучшему. Конечно, Вадим о моем существовании и не подозревал, что называется, «невелика птица!» - я о себе. Что ж?.. пару раз мне удавалось проводить Лиану до дома до хаты. Что до третьего раза, то его не было: домашние ей «поставили на вид», а она - мне. Я оказался крайним (по горизонтали) и нижним (по вертикали). Оставалось писать на себя жалобу - все в те же дневники.

Тем временем год изжил себя со всеми своими событиями.

Наступил следующий, 1984-й, насыпавший на меня столько всего, что и по сейчас не вполне прихожу в себя, пережевывая и дохлёбывая его остатки. Весь год меня бросало ups & downs. Не могу сказать, что год тот был самым тяжелым в моей жизни; сейчас, когда мне пришлось столкнуться с ударами много сильнее, есть с чем его сравнивать, но в то время я абсолютно не был к ним готов; счастье? его тоже хватило через край! Но гремучая смесь этих составляющих не могла не оказать сокрушающего действия на меня и не отразиться в этих Записках.

Таков контекст заочного нашего знакомства с Вадимом.

Личное наше знакомство произошло апрелем следующего года. Обстоятельства его врезались в мою память настолько, что почти нет необходимости прибегать к помощи дневников. Я был вызван для некоторых объяснений, в существо которых не буду сейчас вдаваться. Важно отметить,

что ни Вадима, ни сестры его Лианы при этом не было, их поспешно выставили за дверь! После нелिцеприятного разговора, что называется:

День был резкий, и тон был резкий,
Резки были и день и тон -
Ну, так извиняюсь...

...я остался с Лианой и Вадимом наедине. Попервоначально мы с ним чинились, присматриваясь друг к другу, а Лиана выглядела очень оживленной тем, что можно назвать легальной встречей в неформальной обстановке. На столе появился чай, следом - коньяк, языки наши развязались и мы пустились интенсивно общаться, сыпать островами и цитатами. Вадим произвел на меня впечатление необычной смесью сдержанности и разговорчивости: он то молча уходил в себя и делал преогромные паузы, то брал разговор на себя, не оставляя нам никакого пространства даже для междометий. Подобная амбивалентность, возможно, не была для него случайною, а выражала некоторую сущностную черту; тогда я, разумеется, не мог судить об этом категорично, всего лишь отметив на полях: слишком много впечатлений вынес я в тот день! Мы не касались цели моего визита, разговоры были на темы нейтральные, что называется, «ни слова, ни вздоха!» и мысли мои летали в стороне от... и налетели, что называется на... я решился позвать его к себе на следующий день. С этой целью я и передал ему записку-приглашение; он ответил согласием. А потом... мне уж это «потом»... всего то полпервого ночи, впрямь - «счастливые часов не наблюдают!» - вошли ихние родители и церемонно поинтересовались, что, собственно говоря, мы празднуем?! Тогда я осознал, что наше празднество было «передышкой после боя», а возможно - и «между боями», и на состоявшееся объяснение мы смотрим с противоположных берегов. Словом, каждый вел свою партию, и по-разному оценивал ее результаты. Лиана была довольна, как я уже отметил, а мнение Вадима мне оставалось выяснить. Так, безответным вопросом закончился первый раунд нашей встречи. Ее плюсом оказалось то обстоятельство, что, говоря новоязом, я стал почти выездным, хотя и не вполне легализированным. Вроде землемера К., что отирался в деревне, но в Замок до поры путь ему был заказан!

Назавтра в шесть пополудни, как было условлено, я встретил Вадима и, предупредив его как Н. Н. Князев, шукшинский правдоискатель и сочинитель трактата о государстве: «там - женщина (я находился в процессе развода), она как бы не очень любезна, так что не обращай внимания, проходи, не реагируй!»... пронесло, они даже поздоровались, что было сверх программы, и он бочком-бочком прошел в комнату. Разговора как такового не получилось. Мы, конечно, общались, но как-то невесело, он ничего не выяснял, я - тоже... Кофе, бутерброды, коньяк. Я показывал ему слайды, он смотрел... молча. Примите в рассмотрение и то, что оба мы были интровертами, тогда, как Лиана со всем оставшимся семейством - экстравертами. Да и разница наших отчасти темпераментов сказывалась, вернее, недостаточность их разницы: он

- флегматик, я - меланхолик и нам столь явно не доставало его сангвинической сестрицы для веселия (не говорю уже о том, что и другая женщина за стеною не прибавляла нам радости). Конечно, темперамент изрядно характеризует нас всех и не всегда комплиментарно: холерик предстает обладателем вполне предсказуемых реакций, сангвиник облачен в позолоченный сусальный блеск, меланхолик оказывается бездонным занудой, да, еще этот, вот, пуленепробиваемый флегматик, что сидит супротив меня - ничего чрез череп ты не выдавишь его! Тем не менее поговорить нам было о чем, а еще более - о ком. Оказывается, он и раньше искал (громко сказано!) встречи со мною, нет - собирался встретиться, вот! - и на правах брата, как он их понимал, да вот, - прособирался. Это и к вопросу о скорости его реакций. Да и о самых его намерениях я узнал позже, причем настолько, что необходимость этого разговора отпала. А когда я спросил, о чем он собирался говорить со мною, Вадим в ответ досадливо отмахнулся... Словом, в тот вечер встреча оказалась вполне безрезультатной, только примерились друг к другу и через час с небольшим, выдержав приличия, разошлись.

После этого неизвестно на каких правах «с ограниченной ответственностью» мы несколько раз втроем (я, он и она) ходили в кино. Он больше молчал по своему обыкновению, вид, впрочем, имел несколько таинственный, будто выполнял неведомое нам поручение; мы были разговорчивее, пытались и его втянуть в беседу, она настойчивее, я... да не обо мне речь! Без него мы не встречались, как бы сохраняя верность его линии, пусть это от нас, как я понимаю, и не требовалось... Так продолжалось несколько месяцев (Лиана с Вадимом приходили к моим родителям, помнится материнских наказ ему: «Вадик, садись, быстренько поешь, сейчас с Лилей в одно место пойдешь!?!») И - высказывания моего отца, к Вадиму обращенные: «Вы знаете, сейчас на человеческий фактор надо особое внимание обращать!» Вадим и глазом не повел, будто ежедневно выслушивал подобные сентенции)... а - по мне хоть и несколько лет, я вообще не люблю форсировать события, коль скоро каждому из них неминуемо придет свой срок. А нет - так нет!

Судьба распорядилась иначе, как пишут в романах. Вдруг (у нас все вдруг было!)... не поверите! - вновь назрела необходимость объяснения, но уже - как бы взаимная, хотя лично я предпочел бы... да кто с меня спрашивает предпочтений?... Впрямь судьба тащит на привязи тех, кто не удосужился в свое время хотя бы удлинить повод. Или - причину! Не буду подробно (да и вообще никак!) останавливаться на знаменательном дне, коль скоро Вадим отсутствовал, посему событие коснулось его только леденящим крылом последствий. А именно: я стал чаще бывать там, сменив прежнюю «невыездность» на теперешнюю безвылазность; соответственно, чаще, хотя и не всякий раз, встречался с ним. Держались мы ровно, как и всегда. Однажды нас пытались даже едва ли не стравить, усадив за шахматную доску с фигурами. Партия в памяти не сохранилась, только как результат, в котором умер процесс. И - к лучшему! Помню, впрочем, мать его усиленно болела за своего сына, причем, по обыкновению своему - вслух. Меня это немного удивило, я полагал, законы гостеприимства более универсальными... Позже

оказалось, что они вообще были склонны поощрять любые позитивные его начинания, а для симметрии - резко реагировали на все остальные. Иногда, впрочем, страсти накалялись и по пустякам. К примеру, ему однозначно было указано, что он стоит на телефонном шнуре. У меня взмокли лопатки и горели ступни! А он продолжал стоять, хоть бы хны! Было ли дело в замедленности его реакций, упрямстве или в его нереактивности на замечания, а то и погруженности в свои мысли? А может - все сразу, хоть и в разных пропорциях? Но мог и крупно обидеться, как это произошло в первое новогоднее 1986-го утро, когда он ввалился в нашу спальню, и Лиана, а потом и ее мать, сделали ему внушение... на него жалко было смотреть.

Тогда же я начал понимать, а позже - укрепился в мысли, что он относился к той особой категории людей, которые способны у многих вызывать неосознанную симпатию к себе, в том числе у женщин, а, возможно, и прежде всего у них. Отсюда и его популярность у друзей его, которых я почти не знал... Конечно, были и исключения, и весьма большие числом. Я слышал, как тяжело ему приходилось в армии - участь, увы, многих правдоискателей и примкнувших к ним людей, похожих на правдоискателей. Сам я, к слову говоря, годичный срок службы пролетел на автопилоте, но это - особый случай, который годится только для людей моего склада, и не буду рекомендовать его никому иному... Каждому лучше найти собственную нишу в этом мире, а не пытаться играть чужую, а тем паче чуждую роль - себе дороже!

Характер его в значительной степени отличался от остальных членов семейства. Он был, как я уже заметил, интровертом и флегматиком, другие - гораздо более шумны, нетерпеливы и заметны. Центробежные силы в нем преобладали над центростремительными, его постоянно увлекало куда-то вовне, как мне объяснили - к друзьям и рискованным предприятиям. Этим и объяснялось, что его я встречал у них дома реже остальных. Много позже он обмолвился, что только друзья его совершенно понимают, а больше - никто! Я пожегся, представив себя на его месте, что где-то меня видят насквозь! Да я бежал бы от такого места, что называется через три границы! но речь не обо мне...

В такой суматохе дней пролетел конец июля, начало августа, в которые, кстати, Лиана со своими родителями приходили к моим познакомиться, и до другой знаменательной сентябрьской даты оставалось всего-ничего, как выяснилось, что Лиане прост-таки-напросто необходимо в Москву за чем-то: на ярмарку невест!.. нешто. Пришлось с 7-го до 27-го августа одному куковать. Интроверта ведь особенно одиночеством не запугать, как... ежа чем бы таким помягче! Я и залег на дно, как подводная лодка. И предчувствия тогда меня не трогали, просто надо было в мыслях относительный порядок навести и просто на дальнейшее раскинуть чем там-нибудь. Но с Вадимом связь наладить не пытался. Да и отношения перешли на другой уровень. Но прежние виды мои на него вовсе не сняты были с повестки, а всего лишь видо-(прощенья просим за нечаянную тавтологию)-изменились. Не собираясь вызванивать насчет очередных перемен,

собственно, в семейном своем статусе, я минимизировал круг извещенных об этом лиц. Посему и решил предложить Вадиму роль свидетеля со стороны. А чтобы никак не напрягать его допрежь времени - не налаживал связи. Он согласился, я через два десятка месяцев и дней симметрично (Even-Steaven) отплатил ему свидетельством уже на его регистрации.

Вадим обладал особенным чувством юмора и рекомендовал письмо в газету обязательно начинать словами: «Я знаю, что вы меня ни за что не напечатаете!» Тогда вопрос о публикации можно считать решенным!» Он способен был подхватить на лету любое неосторожное высказывание. Мы как-то злословили на тему подруг его сестры, одной из них доставалось особенно крепко. Тут Лиана попробовала заступиться: «Неужели у (она назвала достославное имя) нет ни одного достоинства?!» - «Два! - выкрикнули мы хором: - Большая белая грудь и служба!» Каково?! А когда я с Лианой ломали голову над тем, как назвать первую из новорожденных дочерей, он, ничтоже сумняшеся, предложил: «РЖП - 86»! Для тех, кто не способен самостоятельно декодировать аббревиатуру, поясню: «Ребенок женского пола, год рождения 1986» Ничего, а? Вот и я говорю «а»!

Встречи становились не то чтобы реже, но по-броуновски нерегулярнее. Как-никак, своя отдельная семья со своей территорией, ведением хозяйства, финансами, одним словом, всеми признаками, отмеченными в социологии. Возможно, наша эта отдельность и/или отделенность привели к ответному ходу с его стороны, хотя это, во-первых, лишь мое необязывающее предположение и относиться к нему предлагаю исключительно как к таковому, а, во-вторых, я это акцентирую, не сводился он однозначно к этому ходу, а деталей - не знаю, не буду гадать, коль скоро своих загадок еще не отгадал... Был я у него на регистрации свидетелем, симметрично расплатившись тем самым за его услугу некоторой давности (а на «сдачу» я положил его называть шурином, чего мне хотелось даже еще безотносительно к нему со времен десятилетней давности после спектакля «Царь Федор Иоаннович» в Малом Театре, когда незабвенный голос Смоктуновского, обращенный к исполнителю роли Бориса, засел в памяти и мечтах; Вадим, казалось, был этим даже польщен; во всяком случае, в продолжении полутора десятков лет не выказывал никаких претензий по этому поводу), другим свидетелем выступил брат невесты, и здесь можно провести поверхностную аналогию с моим брачным сочетанием. О невесте его... *aut bene aut nihil*, посему - продолжаю. То же, впрочем, и о свидетеле, но не о себе. Нас там четверо всего, небось не запутаетесь! Шурин нисколько не волновался, был по своему обыкновению задумчив, неразговорчив, медлителен. На общей фотографии он так и выглядел, изогнувшись, впрочем, всем туловом и согнув руку калачиком, типа - «чего изволите?...» Отмечали событие опять же в доме его родителей, где собрались только ближайšie родственники и то, как я к тому времени вызнал, не все, и только со стороны жениха, исключая самое невесту и ее брата. Было не вполне невесело, как всегда почти безоблачно, когда дело касалось Шурина, налицо - камни какого-то преткновения, о существовании которых я пусть и не знал, но -

ненароком догадывался... И об этом доме я некогда имел неосторожность заметить: «Дом кутежом красен!» Очевидно, не так представляли себе подобные торжества и члены алавердовской фамилии. Двое из приглашенных задремали... «Деталь!» - догадаетесь вы. И я сонно кивну... Прикрывая тему его родни, скажу, что у них существовал определенный культ в этом плане, но - ежели кого невзлюбивали, неприязнь продолжалась всерьез и надолго! Со временем я вникся в диспозицию и лианинскую родню узнал лучше своей. Хотя и хуже форсайтовской...

А потом... потом молодые исчезли из вида. Где они жили? дружно ли? «Жизнь позволяет поставить «либо»... - как сказал поэт. Знаю, что у него в том же году родился ребенок, которого я, впрочем, так и не увидел. Отсюда делаю опосредованный вывод, что они куда-то переехали. Но с ним я встречался, пусть и очень редко, на протяжении еще нескольких лет. Шуриин помогал мне приобрести кондиционер; потом Лиана со мною пытались построить его в Институт Экономики, увы, безрезультатно. Словом, отдалялись. И круг его интересов был далек от меня: какой-то бизнес по индивидуальной трудовой деятельности - новая инициатива очередного генсека... Даже раз я ему в столицу какие-то игрушки и причиндалы через проводника ли, пассажиров ли пересылал. Ничего особенного: импорт-экспорт, деньги-товар-навар... Жизнь становилась динамичнее, съезды депутатов, реабилитация прежних врагов, возвращение книг и фильмов, прежде припрятанных в закромах архивов и ящиках столов... что-то прояснялось из прошлого, но настоящее все больше мутнело, напоминало нэп из учебников и книжек, остро приправленный национальными и иными проблемами, неясными перспективами для себя и семьи; прибавьте к тому и личные мои... нет, не прибавляйте, не откроюсь! А что до Шурина, то его авантюрно-предприимчивая натура обрела второе дыхание. Видел я его и в деле, как он, обложившись гобеленами стоял у местной нашей Девичьей достопримечательной башни столбом лотовым и - молчал... Я не в укор ему, я бы и так не смог. Как же, думал я, он другие дела и делишки проворачивает? Верно, организатор он лучше был, чем рядовой исполнитель. Ведь и успехи были, коль скоро он на капиталы свои даже автомашиной обзавелся!.. Но, как это по-русски? Вот, знаю такое выражение: презумпция невиновности, а вот как применить к нему - не знаю. За него очень переживала ближайшая родня, потому и предположу, что деятельность его была на грани фола. Наверное, он знал-таки край, да не падал, в детали я посвящен не был, и не стремился особенно... Как бы то ни было, он под их ли давлением, избегая ли вовлеченности в обострившиеся дела современности, в одиночку засобирался в другое государство, что ни говорите - поступок! Перед отъездом предложил мне подзаработать на изготовлении каких-то бирюлек, но я и к этому, как и многому другому, оказался способен не вполне, пусть мне деньги на выплату алиментарной задолженности и немало нужны были. Провалился я в этом деле, не оправдал надежд. Поделом!

Все устроилось тем не менее. И он уехал в Израиль. Через полтора года - и я с семьей эмигрировал, но - в другую страну. И целых лет десять друг о друге

мало, что знали. Замечу только, что он, один из наименее известных позвонил мне в связи с тяжелой утратой и выразил соболезнование. Впрочем, я никому почти и не говорил о своем горе: не шибко верю в утешительность дружеского участия и его действенность, якобы способные поддержать и помочь справиться. Кому куда, а мне надо уйти в себя. Чем тут можно утешить? Как сказал Иван Лапшин в одноименном фильме Юрия Германа: «Ну, умер человек. Что тут поделаешь?..» Действительно, нечего добавить. Это - единственное, что я могу сказать себе... А все остальное?.. Все же шуринский звонок я запомнил и оценил.

Вот такой водораздел в наших отношениях - десять лет, в течение которых он настолько изменился. Но, по-порядку...

Через годы длительной разлуки мы встретились в Нью-Йорке. Сначала он приезжал с кратковременным, говоря суконым языком, визитом. После - навсегда, как это ни горько сейчас звучит. Сказать, что он изменился? Этого мало! Его было не узнать! И если раньше он напоминал мне молодого Шостаковича (особенно на мальчуковой картине, хранящейся у его родителей), то теперь трудно было подобрать иной оригинал или даже слова для его описания. Вспоминалась не к месту цитата из «Мастера и Маргариты»: «Да его хорошо отделали!» Жизнь тамошней! Время мало кого красит, да еще - в лучшую сторону. Но он слишком поблек и утх. Так выглядят люди, которым не хочется, а главное, незачем жить. Почему? Ему всего сорок, он крепок физически, способен к языкам? Что так надломило его? Нет, я, конечно, знал кое-что о его жизни вдали от нас, но не в деталях, из вторых рук, так что не буду пересказывать, а просто констатирую самый факт его перемены, не вдаваясь в причины.

Встретили мы его хорошо; да иначе и быть не могло. Приезжать в другую страну тяжело, если это не туристическая поездка, вторая эмиграция - испытание вдвойне. Он, как мне передавали, так и высказался: «Второй эмиграции я не выдержу!» Но - примите в рассмотрение, ехал Шурин не на пустое место, к родным людям, которые обеспечили его заботой, жильем... что там перечислять! Так что, говоря откровенно, проблемы его были минимизированы. Внешние. Потому, если кто-то на основании реальных фактов будет доказывать, что он был благополучен вполне, и все его трудности оказывались «в пределах эмигрантского допуска», порушить такой подход может единственная мысль: «чтобы судить о ком-то, мало знать перечень событий его жизни, надо знать еще и отношение этого человека к ним!» Скорее всего, такое отношение является более реальным источником его внутренних мучений и переживаний, пусть они тоже связаны с фактами, но - прошлой жизни и больной памяти. А если к этому присовокупить и некоторую его склонность к суевериям и вообще мистике, то картина не то, что более усложнится, но даже много иррационализируется. Что творилось у него в душе? Не знаю. Но о чем-то по внешнему виду могу догадываться. Он временами становился суетливее, раньше за ним такого не водилось. Он рвался найти хоть какую работу, упрекал нас, что мы не можем в этом преуспеть. Когда ему говорили, что у него есть возможность учиться, да и

языком нужно заняться, он отмахивался. Устраивался сам, но подолгу нигде не задерживался. В этом он был моей противоположностью: я, заполучив работу, пусть самую грязную и неблагодарную, держался за нее, но не в силу особой сознательности и/или необходимости, а более - безынициативности, «смирясь легче со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремясь!» Тут и иные из моих интенций сказались, о которых сейчас не время и место; просто, это оказалось еще одним пунктом, препятствовавшим моему с ним сближению и пониманию. Несмотря ни на что, я спробовал его в некий Автозона встроить, где и сам вкручивал баранку, одновременно опасаясь за (него, вернее,) свою рекомендацию, Он явился, говорил с начальством, но, как я понял, одно из шуриных условий было чрезмерным для них - не работать по субботам, то есть в самый напряженный день недели. Словом, не выгорело... И это при том, что он вопросы финансовой зависимости от... обстоятельств принимал близко к сердцу.

Другим пунктом наших разногласий были его суеверия и мистические предрассудки, к которым я относился с понятным чувством скептицизма и, но не столь уже необходимым, снисходительности... А это уже мало кому понравится. Одно качество у него осталось неизменным всегда - желание помочь. Да он и помогал: когда мы собирались сменить машину, Шуринов ездил с нами в Лонг-Айленд (в этой поездке я обратил внимание на причудливый шрам на его запястьи и не смог удержаться от цитаты, доселе мирно дремавшей в памяти: «Откуда у вас такой странный шрам? аппарат Гарина, да?» Он недовольно глянул на меня и... я вспомнил!) !)... Я всего могу не упомянуть, должно быть что-то остается и за кулисами памяти. Вот, еще одно: Шуринов терпеливо возился с нашими компьютерами, в которых разбирался поболее нас. Это качество, я имею в виду бескорыстной помощи всегда в нем было очень развито. Оно даже почти не зависело от степени близости к нему. Почти наоборот. Он мог помогать и малознакомым людям. Когда еще в Баку обострились межнациональные отношения, он с риском и для себя, помогал несчастным; его отношение никоим образом не зависело от их национальной принадлежности, да Шуринов от этом и не задумывался специально; его вело исключительно желание помочь и спасти людей, тех, кому пришлось очень нелегко. Надеюсь, что это ему зачтется там, где спрашивается со всех. А если не спрашивается, все равно, останется в памяти, пока есть те, кто способны помнить...И - очень тоже щедрым и щепетильным был еще: взяв на пару-тройку часов нашу машину на предмет изучения маршрутов возможной работы в кар-сервисе, вернул ее с полным баком бензина. Но эта почти болезненная честность стала сочетаться у него с исключительной мнительностью к окружающим: он опасался, что его хоть в чем-то обманут... Это был поразительный контраст с ним прежним, Шуриновым-бизнесменом: не мог же он в те времена играть не по правилам, не им заведенными, да еще столь успешно! Свою роль сыграла и его религиозность, которой он отдался всеми силами, видимо, возлагая на нее определенные надежды, чувствуя, что с ним происходит что-то не то... В целом же мы сильно отдалились взаимно, более, я полагаю по причине

изменений, происшедших с ним. Тогда же я поделился опасениями с его сестрой: Шурин так себя ведет, будто «его поставили на счетчик» или он балуется наркотиками, хотя не могло быть ни того, ни другого. Он не курил и даже отказывался от самых безобидных медикаментов. О депрессии я имел самое общее представление, пусть мне и самому были свойственны некоторые ее черты, причем, причины которой мне достаточно были известны. Потому я самоуверенно выводил свой личный опыт на уровень едва ли не универсального, не веря в беспричинность депрессии и «химические ее основания» у других, самочинно боролся с негативными ее тенденциями приверженностью к здоровому образу жизни, особенно утренним пробежкам (однажды и он присоединился ко мне, но дальше этого раза дело не заладилось), музыкой, природой, окунальством в семейные ценности и еще кое-какими личными иллюзиями. Ему, вероятно, все перечисленное было более чуждо... Он становился все мнительнее, даже агрессивнее, принимая на свой счет самые невинные замечания. Впрочем, если их слишком много, количество не замедлит перейти в качество, по меньшей мере, в восприятии человека мнительного. Подвез я его утром с сестрой к остановке сабвея и предложил (неуместною цитатой из фильма) покинуть машину. А до этого на сайте электронной газеты «Семь-сорок» при нем еще и шуточный тест с низкопробным национальным подтекстом заполнял. Вечером, он вызвал меня на толковище по обоим вопросам. Я взял все свои слова обратно, одновременно объяснив отсутствие задней мысли в инкриминациях. Было и такое, что я прошелся по адресу пенсионеров («я, дескать, живой человек, а не пенс!») Он и тут встрепенулся! Вообще, перестал приемлеть злословие в любой форме, даже самой веселой и безобидной. Наконец, я объявил ему, что некую проблему он может вполне решить и с Лилей, его сестрой, не адресуясь ко мне! Это когда Шурин пытался взвалить ответственность на меня за одно из ее решений, не столь важно, какое именно. Вот тогда, кажется, он сказал (ближайший аналог дипломатического - *Persona non grata*), что не хочет, чтобы я называл его сказал, что не хочет, чтобы я называл его шурином, ибо «он не сводится к этому определению». Трудно же мне было переделываться! Несколько раз я по упрямой инерции продолжал его так называть, оправдываясь тем, что есть стандартные обращения, типа «папа», «мама», «дядя»... Но он отказался входить в рассмотрение вопроса и, надо сказать, с формальной стороны был совершенно прав. Это, как «вы» и «ты» или «господин» и «товарищ». Если одну из сторон обращение не устраивает, вопрос однозначно снимается! Хотя неприятный осадок остается...

В первый день нового 2004 года он в отсутствие родителей пригласил меня на хаш, который собственноручно сварил. Мы мирно сидели, хаш без выпивки не обходится, потому выпивали, как в добрые старые времена, от которых ничего не остается, кроме воспоминаний. Стало быть, остается все, но - в душе! Ведь сокращаются не только большие расстояния, как в песне поется, но и временные сближения происходят: некогда на заре туманной юности сестра его ненароком переносила на меня часть симпатий к своему брату; а в

этот момент я был для него суррогатом друга, столь одиноким Шурином тогдашний представляется мне сейчас.

Весь этот год для него был очень тяжелым: разного рода размолвки с близкими, потеря горячо любимого дяди, он перенес два разбойных нападения на улицах большого города, был сам не свой... Вадим - то рвался уехать к своим друзьям, то терял ко всему интерес, вел безрежимную жизнь вне времени и реалий...

В последний раз мы виделись на дне рождения его средней племянницы. Вадим пришел, чему все обрадовались, очень все три сестры к нему тянулись, причем для этого он не предпринимал ровно никаких усилий. Его они уговаривали прийти и днем раньше на День Благодарения. Вадим отказывался... И в этот раз речь у нас с ним вне всякой связи зашла о философии. Он вяло отстаивал каких-то неслыханных мною доселе авторов. Я с долей высокомерия объявил, что, дескать, нечего с них взять, маргинальных с обочины прогресса, когда есть такие, как Кант, Гегель, да, мало ли... Он промолчал. Не могу вспомнить, как Вадим уходил от нас. Больше между нами не было сказано ни единого слова никогда.

Стихи

Оглушенные и раздавленные смертью моего брата, задолго до того, как мы стали приближаться к пониманию причин его чудовищного поступка, мы были охвачены всепоглощающей, неутрачиваемой, неотступной болью. В какой-то момент самые первые, самые дикие и кровавые строки я безжалостно отмела: мне показались кощунством облекать в слова то, что невыразимо словами. К черту стихи!

Но стихи все равно стали приходить как необходимая терапия, помогавшая справляться с болью, проговаривая ее вслух.

Я хотела бы, чтоб мои стихи прочитали те, кто прошел через подобное горе. Они составляют рассеянное по земле особое братство, братство людей, переживших самоубийство своих близких, не знающих друг о друге, скрывающих страшную правду от многих и зачастую от самих себя, молчаливо страдающих. Если бы хоть на йоту после прочтения моих стихов они почувствовали себя не такими одинокими в этом мире, одержимые чувством вины, потери, пустоты, растерянности, урагана чувств, который разметал в клочки их прежнюю жизнь, навсегда изменив их души и судьбы...

БРАТ

Памяти моего любимого брата Вадима (Зеева) Алавердова

посвящается

“Life goes on...

I forget just why.”

Жизнь продолжается...

Почему – непонятно

Lament, Edna St. Vincent Millay

«Жалоба» *Эдна Сейнт Винсент Миллей*

Пролог. *(Это стихотворение написано в 1991, перед отъездом Вадика м Израиль. Все остальные стихи написаны после его смерти. – Прим. Автора)*

Уезжает брат родимый

далеко-далеко.

Мне без брата будет грустно,

будет одиноко.

Рыжеусый и румяный

и смешной немножко –

уезжает брат родимый –

дальняя дорожка!

Знак Давидовый на шее –

дедушкина память.

Одинокая дорога...

Что же с нами станет?

Поколения мечтали,

умирая в гетто,

о тебе, Эрец-Исраэль –

помнишь ли об этом?

Поплывешь лодчонкой малой

среди людского моря...

Уезжает брат родимый.

Радость или горе?

1

Брат мой, брат мой,
отчего морщины?
След какого горя
и какой кручины?
Видно, много плакал
у Стены ты Плача.
Видно, что разлука
много в жизни значит.
Погрустнел твой голос
и пропал румянец.
Может, ты не брат мой,
просто самозванец?
Не создал ты дома,
не построил храма.
Без тебя в печали
и тревоге мама...

2

Жил-был ты, человек невпопад,
мой любимый, мой младший брат.

О чем это вы говорите?
Леденеет вода. Крупинки льда
раздавлены каблуком на граните.

Жил-был брат, человек-чудак.
Стоп-сигнал. Повернут рычаг.

От тебя отдираю душу.
Можно ли?

Заживает, но только снаружи.

Сложно...

Голос твой притаился в извилинах,
скорчился.

«Алло, Лиля!» -

выть хочется.

3

Почему заспешил?

Почему заскучал?

Отчего не дождался?

Зачем не позвал?

Я-то думала,

будем бок о бок стареть...

Не сестру призывал ты

на помощь, а смерть.

В жизни много прекрасного,

много дорог.

Как оставить родных

ты безжалостно смог?

Ты, так щедро дарящий,

что ж скупой любви

нам отмерил? Теперь

хоть зови-не зови,

хоть кричи-голоси,

хоть вопи на весь свет –

бесполезно. Сим-сим

не откроется, нет.

4

Первое воспоминанье –

радость: родился брат.
Я прыгаю на диване,
(в кроватке, как говорят).
Неважно – главное это,
что у меня есть ты.
Слово «брат» заполняло
нишу моей пустоты,
где я одинока с человеком
взрослым, среди ребят –
уже никогда не буду:
ведь у меня есть брат.

5

Ты преступить решил.
Был до безумства смел.
Выпрашивать удач
у жизни не хотел.
И что тебе сестра,
родители, родня?
Мы были за бортом
сознания у тебя.
Трагедию тащил
всю жизнь на поводке.
По жизни шел шутя,
подростком, налегке.
Трагедия хрипит
и рвется – приручить
ее не удалось –
и обрывает жизнь.

6

- Мой любимый, приходи
в День Благодаренья:
вот индейка, вот пирог
тыквенный, варенье.

- Нет, сестрица, не могу,
тяжко мне, сестрица.
Я на дальнем берегу,
жизнь мне только снится.

- Ах, мой братец, приходи,
дети будут рады.
Все один ты да один –
быть нам вместе надо.

- Я, сестрица, одинок
и поставим точку.
У тебя обед и дом,
муж, работа, дочки.
Я уж лучше погляжу
на закат с балкона,
я уж лучше послежу
за волной соленой.
Ты не сможешь мне помочь,
и никто не сможет.
Жизнь мою подруга-ночь
звездами итожит.

7

Мне остается удел –
кариатидой слепой –
кто б осмеять посмел? –
дом подпирать собой.
Каменным сим столбом,
зубьями скрежеща,

чтобы не рухнул дом,
дом на моих плечах.
Слабый брат, не Атлант.
Выдержать ты не сумел
мой сизифов наряд,
глыбовый мой удел.
Из-под каменных век
вам не увидеть слез.
Буду я в дождь и снег,
и в жару и мороз.
Трещины на руках.
Буду стоять. Пока.

8

Не могу сказать «прощай».
Ты со мной иль где-то рядом.
Горе – это не печаль.
Горе укрощать не надо.
Пусть оно в груди сверлом
рыщет и меня калечит.
Мне заботы нет о том,
чтобы было легче.

9

...и неразлучна я с бедой.
Она со мной, всегда со мной.
Глаза открыв или закрыв –
один в душе моей мотив.
Ложусь, встаю и что-то ем –
ее не отогнать совсем.
На все грядущие года
она со мной, моя беда

На снежную равнину лет –
тень смерти, мысль, что брата нет.

10

Вместо твоего плеча –
камень, памятник поглажу.
Мне осталась лишь печаль.
Мне одной нести поклажу.
Вместо серых глаз твоих –
надо мной сереет небо.
Ты оставил мир живых
так поспешно и нелепо.
Локти грызть, себя казнить –
не помогут завыванья.
Не оставил ты письма
на прощанье.

11

Забудьте обо мне, как будто не жила.
В какой дыре, в какой норе мне скрыться?
От бледного любимого чела
не отвлекают ваши лица.
И дайте вдосталь мне наплакаться одной,
излиться водопадом боли.
Я перешла рубеж. Я в стороне иной.
Участие меня неволит.
Букет засохший на могиле. Мелкий дождь.
Меня вы утешать не смейте!
Когда поправший жизнь и понимавший ложь
он отнял право первой смерти...

12

Оттолкнувшись, прыгнуть в никуда.
В землю врезаться метеоритом.
Безмятежный и лихой чудак
сорвался с орбиты.
Не заметил мир. Милльоны тел
спали и ворочались в постели.
Выпав из гнезда, птенец летел
к цели.

13

Валяйте! Гурьбой веселитесь
в своем карнавальной чаду.
Но только меня не зовите
на пиршество. Я не приду.
Я миру иному причастна,
и я презираю обман
улыбок чужого участия
и непотопляемый fun.

14

Лучшие уходят.
Мир их сложен.
Мы же остаемся.
Толпы толстокожих.
Среди писем старых
и конвертов
мы разгадки ищем.
Нет ответа.

Улетел наш сокол, и не стало песен.
Мир тебе, как клетка, оказался тесен.
Извини, мой братик, говорю банальность.
Причитать и плакать только и осталось.

18

У каждого свой путь.
А ты свой оборвал.
У каждого свой крест.
А ты свой обронил.
У каждого свой шанс.
А ты свой потерял.
Меня заставил жить
Одну среди могил.

19

Мне оставил Звезду Давида,
до конца моих дней обиду,
что ты первым посмел уйти.
Как ты мог преступить, мой хороший?
Нас оставить в беде, одинешеньких,
в неизвестности и в пути?
Хоть планета людьми богата –
мне никто не заменит брата,
наше прошлое и тепло.
Словно сфинкс, глядишь с фотографий.
Улыбаешься. Ах, отстаньте,
мол, не видите, тяжело.
Жалят душу вопросы-осы,
и досада и боль заносят
и приводят опять во мглу.

Утешенья нет и ответа.
Издевается только эхо:
«Почему? Почему? Почему?»

20

Я улыбаюсь и хожу,
Пью чай, киваю Вам.
А он в могиле, он один
там, там, там.
Я безголовый манекен,
автомат.
Душа моя зарыта там,
где мой брат.

21

Одиннадцать лет разлуки
и вот – разлука навек.
Не надо, не поднимайте
моих истерзанных век.

22

Чтобы тебя оживить,
я б реки свернула вспять,
но мойры порвали нить,
и нечем горечь унять.
Я не сказала слов
нужных, не помогла.
Твой молчаливый зов
глушили мои дела.
Поздно, поздно теперь

клясть и волосы рвать.
В limbo захлопнулась дверь,
и рек не воротишь вспять.

23

Все теперь не то,
все теперь не так.
Жизнь пошла теперь
наперекосяк.
Мне не в радость день,
не во благо ночь,
и не отогнать
черных мыслей прочь.

24

*«Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком»*
Даниил Хармс

Из дома вылетел птенец,
из отчего гнезда.
Он далеко не улетел,
а рухнул вот сюда.
В ложбине лужица блестит,
весной взрастет трава.
Зачем об этом я пишу?
Зачем еще жива?

Воспоминанье о тебе
в костюме, талесе, кипе...
Ты как фигурой восковой
предстал на миг передо мной.
Я буду помнить до конца
рыданья матери, отца.
Что ты наделал, глупый?
Лежишь безмолвной куклой,
красивый и несчастный,
навек безучастный.

26

Упустили, проморгали,
недопоняли, слепые,
до глубин не докопались,
не дознались, упустили.
А теперь гадать на гуще:
«Если б так, а если б эдак».
Валидол на сон грядущий,
и сочувствие соседок.

27

Мне снился разговор по телефону.
И голос твой был слышен, как живой.
Какие-то вещицы занимали...
Потом, проснувшись, даже и не вспомнишь.
Ты односложно отвечал и вдруг
сознание забрезжило, что этого

не может быть. И тут же захотелось
наш разговор продолжить, но увы:
померк он, оборвался... Пробужденье
на тридцать пятый день, как нет тебя.

28

Не говорите фраз «Жизнь продолжается»
и «Время лечит».

Не надо мне напоминать о долге:
о своих долгах я знаю.

Не говорите нет моей вины.

Не сообщайте мне, что был он болен.

Не спрашивайте о моих делах.

До ваших дел мне тоже мало дела.

Не приглашайте в гости, на концерт,
не улыбайтесь мне, не отвлекайте.

Забудьте о моем существовании.

Я примитивной камбалой на дне
хочу лежать. Мне дела нет до пены.

29

Ты чувствовал, что ты один.

Ты чувствовал, что никому не нужен.

Как ты посмел подумать так? А мы?

Сестра, отец и мать, твои родные?

Твой сын, твои друзья?

Ты и не вспомнил...

Тянулся к людям и от них бежал.

Советовал, шарахался советов,

и никого обидеть не хотел –

и нам нанес смертельную обиду.

Сквозь скорлупу нам было не пробиться,
в которой ты себя терзал, казнил,
и выпорхнул, и нас навек оставил,
страданья эстафету передав...

30

Как по минному полю вслепую бреду,
и теряю родных, и встречаю беду.
А последняя эта потеря
распахнула мне адовы двери.

31

Когда б могла я верить,
что души близких где-то надо мной,
соединившись, радуются встрече,
то я б успокоение нашла.
«Блажен, кто верует»!
Увы, святая правда.

32

На двадцать третий день, как ты погиб,
волеием неодолимых сил
земные плиты сдвинулись, цунами
обрушилось на Азию, сметая
деревни целые и пляжников беспечных,
круша дома, ломая поезда,
как щепы, и пришло на Землю горе,
что охватило сразу сотни тысяч
людей, беды не ведавших, однако
чужое горе наше не затушит,

не легче нам, хотя бы и страдал
весь род людской...

33

Внезапно ты ушел, и твой уход
подобен был треклятому цунами,
коварно застающему врасплох,
несущему Земле тупую ярость,
бездушие и волю сил слепых.

34

«Так, старый крот! Как ты проворно роешь!»
«Гамлет» Шекспир в пер. М. Лозинского

Не могу говорить о тебе с чужими...
Как объяснить твой поступок?
Хлопает дверь на ветру.
Как ветер уймешь?
Твой уход оставил в сердце дыру.
Ты оказался хрупок.
Ветер и дождь.

Да, это было счастье,
когда был жив.
Мы же счастья прождали:
«Вот завтра, вот
прекрасные дали».
Тревоги мотив.
Роеет проворный крот.

35

Ты был не похож на прочих,
сам по себе живя
где-то за облаками,
в измереньи ином.
Некогда было очень
расспрашивать тебя
о мире тебе
интимно знакомом.

Некогда, некогда было
о боли твоей расспросить,
некогда докопаться
до чудных твоих пружин.
Тело твое остыло.
Теперь ничего не болит.
Ты лежишь под землю.
Отец. Брат. Сын.

36

Водолей... Ускользнул-таки, да.
Ты от нас ускользал всегда.
В глубину, в себя, ну а то к друзьям,
в города чужие, к чужим морям.
Непоседа, вечный странник, чужак
ускользал приключений ради, за так,
ни во что не ставя комфорт и быт:

Диоген современный в постели спит.
Ты трагедию взращивал или Бог
надоумил? Или бездушный рок
подхватил в поток, мол скорей, скорей,
утекай из мира, мой Водолей...

37

Выгравировано в памяти: отмахиваешься
от моих советов, словно сноб;
от моих объятий уворачиваешься,
пиво пьешь и некрасиво морщишь лоб;
за компьютером сидишь привинченный,
возражаешь (вечный оппонент!),
улыбаешься улыбочкой да-винчевой,
поглощаешь миллион конфет,
или притчу скажешь, словно с цадиком
довелось мне говорить, а не
с моим братом, братиком, не с Вадиком,
и уходишь от меня – ко мне.

38

Ушел, ушел
без возврата,
ушел,
как не было брата,
стерев в порошок
«Все будет хорошо».

39

Сердце оборачиваю ватой.
Память прячу в коробок.
Вот за благодушие расплата.
Вот урок.
Буду скрягой в коробке я рыться,
бережно перебирать
то, что было и чему не сбыться,

в сотый раз вопросами казнить,
облик милый вызывать опять.

40

Ты любил дарить подарки...
Тут они, все как один.
Вот бессмысленный и яркий,
надувной большой дельфин,
чья-то морда на пружине,
красный плюшевый медведь;
чашке из Канады синей
весело должно быть здесь
среди армуд бакинских, стройных,
что ты тоже подарил.
Спи, мой братик, спи спокойно,
ничего ты не забыл.
Амулет, значки и бусы,
жвачки детям, виски взрослым,
и твое наследство грусти –
сиротливые вопросы...

41

В день рожденья без тебя
буду притворяться я,
что сегодня день обычный:
день рожденья без тебя.
День последний января.
Люди что-то говорят.
Ничего слова не значат.
Все, что было, было зря.
Тосты, пожеланий пыл

дух мороза остудил.
Водолей журчал и лился,
и в земле навек застыл.
День рожденья без тебя
худшим днем календаря
был бы, если б не страшный
смерти день на месяц раньше.

42

Неба скатаю серый ковер
в трубочку астронома.
Нет тебя там,
нет тебя здесь,
в небе и дома.
Знала бы – псом на пороге легла,
взвыла бы воем.
Только уйти бы я не смогла
вместе с тобою.

43

Ангел Смерти коснулся меня крылом,
с твоей душой отлетев.
Твоих фотографий полон дом,
я вижу тебя во сне.

Что понял, чего не допонял ты –
тщетно разгадка искома.
Оставив листы дневника пустыми,
ушел человек из дома.
Не досказав, не объяснив,
в гибель ушел, в хаос.

Песни неспетой твоей мотив
Ангел Смерти унес.

44

Три дерева на память о тебе
пускай растут в израильской земле.
Пускай их кроны плачут и поют,
и тень дают, и птицы гнезда вьют.
Ты эту землю почитал своей.
Там ты прочувствовал, что ты еврей.
Что Новый Свет и все богатства в нем?
Ты был не очарован, не пленен.
Когда-нибудь, да-да, когда-нибудь
в родную землю приведет мой путь.
Там, где невидимы твои следы,
где десять лет один скитался ты.
Там все деревья будут мне родня.
Тысячелетья обоймут меня.
Пока же неизвестен мой маршрут.
Три дерева пускай растут, растут...

45

*«Все люди – деревья.
Одни растут прямо, другие криво».*
Вадим Алавердов

Растут деревья прямо,
растут деревья криво.
На глянцевої открытке
огромная олива.
То мне к сорокалетью

от брата поздравленье.
Меня сравнил с оливой,
хоть я и так растенье.
Желал плодов побольше
и много лет пророчил.
С израильской оливой
тягаться мне нет мочи.
Усталость черной тучей
накрыла, не уходит.
Огромная олива
красуется в комодке.
К чему мне плодовитость?
На что мне долголетье?
Вот только держат в жизни
родители и дети.

46

Как можно так уйти, любя?
Украдкою, по-воровски,
и не оставив второпях
записки. Память – на куски.
Улыбки и слова, весь путь
перечеркнув и обломав,
все письма, радости (о жуть!),
всей жизни трепетный анклав
и – вдребезги, как ничего
не значит прошлое, ничуть.
Без объяснения. Нет его.
Пусть кто-нибудь ответит. Пусть!

47

Где-то сквозь звездные дали
плывет планета Титан.
Шум ветров океанских
космический аппарат
доносит до нас оттуда,
где никто не бывал.
На что мне странные звуки
чужих метановых волн?
Мне б голос родного брата
хотя б на миг услышать...

48

Если б ты поделился мукой,
если б помощи ты попросил –
я приползла бы, мой братец,
к тебе из последних сил.
Но помощь моя постыла,
мой голос завяз в ушах,
и ты не подал сигнала,
и ты превозмог свой страх.
Быть сильным всегда казалось
тебе важнее всего.
Остались досада и жалость,
остались горе и боль.

49

Снег на могиле.
Камешков ряд наверху,
словно позвонки.

50

Смейтесь надо мною
те, кому не жалко!
Я от вас не скрою,
Что пошла к гадалке.
Мне она сказала
о моей потере.
Сердце губкой сжалось –
как тут не поверить!
И всего отрадней,
что душа родная
бродит где-то рядом,
только где – не знаю.

51

Тишина в доме.
Только вопросов крючки
сердце пронзают.

52

Прежде
ты занимал
места немного:
не точка, но
нечто вроде кружочка,
учитывая биополе,
может быть, шара...
Теперь же,
карма на то или кара –
ты везде,
где я,

следом, следом,
послушнее тени,
за каждым движеньем,
за каждым словом моим
следя.

53

Вот и все. Окончательно. Точка, топор,
Разрубающий Гордиев узел. Кранты.
Не могу я понять и простить до сих пор,
как украдкой ушел без прощания ты.
Только снял магендовид, что был на груди.
Только все зачеркнул, что ни есть впереди.

54

Умело всхлипывает директор похоронного дома.
Десятки ненужных и нужных знакомых.
Их благодушие, этикет и манеры.
Дают советы. Приводят примеры.
Некоторые соболезнают – в глазах улыбка.
Осуждать ее было бы ошибкой.
Непробиваемое благополучье.
Хорошие и достойные люди.
Приручают страдание. Дикого зверя –
пряниками вскармливать? Не верю!
Ничего у вас не получается!
Зубы скалит и не приручается.
«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя».
Благоразумные ваши игры не принимаю!

55

А жизнь была недлинной.
А жизнь была печальной.
И твой корабль сгинул,
исчез и не причалил
Ни к дому, ни к работе
и ни к иудаизму.
Трепался бедный парус,
как символ укорины
благополучью прочих,
достатку и довольству,
дразнил сознание парус,
как дерзкий знак вопроса.
Трагично и нелепо,
нелепо и трагично
исчез, как растворился
в пучине безразличья.

56

Мама, не плачь! Ему хорошо.
Мучений нет. Он просто ушел.
Прими валерьянку. Поешь. В мире сем
все образуется. Проходит все.
Жить надо. Жить надлежит.
Испытанье ниспослано. Помнишь, Иов?
Мама, не плачь! Без телесных оков
Душа его с нами. Его любовь.

57

Кружится голова и тянет бездна,
но стану бабой каменной, железной,

но стану бабой железобетонной:
терзанья и уклоны – вне закона.
Биение моей сердечной мышцы
никто-никто на свете не услышит.
О чем я думаю, о чем мечтаю,
никто-никто на свете не узнает.
Но если тень любимая, но если!
Тогда я снова, прежняя, воскресну...

58

Расслабиться и замереть –
и только уши мерзнут, только
земная ледяная твердь
и ход безжалостной истории.
И мысль о том, что он застыл,
закаменел в земле промерзшей.
Не говори: он так решил
и что не холодно умершим.

59

Не от мира сего ты был, говорят,
непутевый, любимый мой младший брат.
Непохож на расчетливых и деловых,
кто-то скажет: «святой», а кто-то – «псих».
Кто-то скажет «псих», а кто-то – «святой».
Не пролезть, не узнать дух загадочный твой.
Ко двору не пришелся нелепый чужак.
Не ценя свою жизнь, с ней расстался за так.
И оставил меня, разрубив пополам,
чтоб на время служила обоим мирам.

Украли «Крик»
знаменитого Мунка.
Украли «Крик».
Я думала: шутка.
Нелепо и жутко.
Ты слышишь, старик?
Украли – «Крик».

Крик провидца,
нутром почуявшего
ужасы бойни
грядущей, мировой,
говорят, уничтожен.
Можно окочуриться
от непроходимой
Тупости людской.

Мой же крик
вы не уничтожите:
обручем стальным
горло сведя,
крик мой ворочается
под кожей,
нутро разрывая,
выхода ища.
Слезами жалкими
просачивается,
во мне законопачен –
никому не украсть.
Вот-вот грохнет
в небеса святотатственно

его жерло-пасть.

61

Треугольник. Верхний угол –
к Богу, к небу голубому.
Треугольник смотрит вниз
обращен к земному дому.
Знак Давидовой звезды –
двух миров объединенье.
Говорил об этом ты
мне когда-то с убежденьем.
Эту мысль сейчас прочтя
в книге «Как справляться с горем»,
я увидела тебя говорящего, живого.

62

Треугольник, обращенный вверх.
Треугольник, обращенный вниз –
то шестиконечная звезда
и геометрический пример.
Посмотри, вздохни, в него взглядишь,
помолчи, коль нечего сказать.

Брата вспомни, как однажды он
указал тебе на эту связь:
Знака с Мирозданием союз,
Духа вездесущего закон.
Цельность мира прошивает нас:
небо и земля, и смех и грусть.

Что еще сказал любимый брат?

Память виноватая молчит.
Съежилась, сиротствуя, душа.
Нет пути вперед и нет – назад.
Он оставил старые ключи,
чтоб загадки новые решать.

63

Мне хочется верить, что прошлого нет.
Ведь ты говорил : «Жизнь и смерть – все едино».
Вопрос возникает, коль найден ответ.

Следы, отпечатки... Художник, поэт...
Бессмысленный труд над игрою-картиной.
Мне хочется верить, что прошлого нет.

Хаос и гармония, смысл или бред?
Нам будущий ветер колотится в спину.
Вопрос возникает, коль найден ответ.

А ты не ушел. Ты в созвездии лет
навек, сохранно, неуничтожимо.
Мне хочется верить, что прошлого нет.

Младенец, подросток, мужчина... Не дед:
не дожил, имея растущего сына.
Вопрос возникает, коль найден ответ.

И что изначально: тьма или свет?
А наша судьба – это сгусточек дыма.
Мне хочется верить, что прошлого нет.

Вопрос возникает, коль найден ответ.

64

Все мимо, мимо, мимо, мимо,
неумолимо и незримо
меня относят от тебя
заботы дня.

Прости за то, что не сумела
и просто не допоняла.
Разбросанность моя, незрелость,
дела, дела.

Прости за то, что мне наскучил
холодно-отчужденный вид,
что не смогла сestroю лучшей
тебе я быть.

Мой близнецово-половинный,
что могут выразить слова?
Прости меня, родной, любимый,
что я жива.

65

Манхэттен. Конец мая. Тепло, и цветут деревья.
Девять человек собираются в прекрасном здании,
похожем на церковь.

Наши стулья расставлены так, что образуют круг
И рядом с каждым стулом лежат бумажные носовые платочки.
Мы не знаем друг друга.
Мы записываем наши имена на листке у входа.

Мы садимся.

Мы ждем в неловком молчании.

Потом мы говорим. Мы говорим о НИХ!

«Она была моей сестрой, любовью моей жизни. У нее был чудесный, преданный муж и двое детей, 8 и 11 лет».

«Он был моим 16 летним племянником. Его младший брат обожал его».

«Он был моим сыном».

«Он был моим братом... благополучный юрист... дом... семья с двумя детьми».

«Она была моей матерью. Оставила семерых детей».

«Он был моим младшим братом. Комната светлела, когда он входил. На следующий месяц ему предстояла свадьба. Именно его невеста нашла его».

«Она была моей сестрой. Если Вы посмотрите на наши семейные фотографии, я кажусь какой-то чужой, не из этой семьи, зато она – живая картина успеха».

«Он был моим братом, программистом-компьютерщиком. Мои дети называли его «самый веселый дядя в мире».

«Это большой секрет. Даже наш священник не знает».

«Соседи нас очень поддержали».

«Наш привратник до сих пор не знает».

«Люди говорят: «Я знаю, что вы чувствуете. Моя бабушка умерла в прошлом году. Ни черта Вы не знаете».

«Мы не говорим об этом в нашей семье».

«Это случилось месяц назад».

«Это случилось 30 лет назад. Как будто вчера. Мой мир взорвался».

«3 июня будет 6 месяцев».

«Это произошло 3 месяца назад»

«Я виню себя. Я убила мою сестру. Почему я позволила ей поехать в эту командировку?»

«Мне нужно было поговорить с ним душевно, спросить: «Эй, что не так? Чем я могу помочь?»

«Мы не понимали».

«Я не могла представить».

«Я был дураком».

«Я чувствую провал. Я провалила испытание».

«Мы проговорили весь день. Я не заметила ничего подозрительного».

«Я как замороженная. Я не могу плакать. Я пришла сюда, потому что я хотела плакать».

«Я все время плачу. Я не могу выразить соболезнование кому-нибудь без того, чтоб не расплакаться самой».

«Я думаю о нем, как только проснусь и перед тем как засну».

«Его невеста очень занята. Она хочет быть занятой все время».

«Его мать не верит».

«Я не могу войти в ее комнату».

«Они продали дом».

«Я ненавижу Манхэттен. Я не была в Манхэттене сто лет».

«...депрессия».

«...маниакально-депрессивный психоз».

«...психическое расстройство».

«...электрошоковая терапия».

«...совершенно здоровый парень».

«...две попытки».

«Я ненавижу слово «совершил». Вы не «совершаете» диабет».

«Вы сердитесь?»

«Мне его не хватает».

«Как его мать?»

«Почему она меня наказала?»

«Почему?»

«Почему?»

«Почему?»

«Почему?»

«Почему?»

Мы плачем

Мы беседуем

Мы говорим и говорим и говорим.

Бумажные платочки почти все израсходованы

В соседней комнате смеются.

Какое-то мероприятие в актовом зале.

Что-то происходит и здесь.

Мы ткем гобелен.

Гобелен из вины, само-обвинений, унижения, боли.

Чувства предательства и пустоты, чувства непринадлежности, чувства, что мы совершенно изменились, мы незнакомы самим себе, чувства, чувства...

Мы ткем гобелен, и он исчезнет, когда мы уйдем.

Нам пора уходить.

Вновь неловкое молчание.

«Спасибо, «Спасибо», «Спасибо».

Много благодарностей.

Мы уходим.

66

Нет, не лепестки, а снег в апреле

поворачивает время вспять!

И расцветшие деревья обалдели:

Как такую наглость понимать?

Говорят, что потепление глобально.

Непохоже, если выглянуть в окно.

Неуместно и нелепо, inferнально,

и назойливо, и вовсе не смешно.

Снег в апреле – шепот смертной стужи,
неба вздох о роковой зиме.
Может быть, напоминанье нужно
тем, кто хочет позабыть. Не мне.

67

Я тебя прощаю за то,
что была для тебя не тем,
кем был ты для меня;
что во мраке остался один,
а ведь было вдосталь огня;
и что ты не сказал мне ни слова
ни после ни до;
и что жизнь искромсал в лоскуты
процентов на сто;
и меня к скале безучастья
навек приковал;
а ведь сам сбежал, драпанул,
сиганул в провал,
ускользнул, излился,
наивных перехитрив,
молодым оставшись,
близких осиротив,
нам – ночные кошмары,
себе – тишину.
Я прощаю тебя, мой братец.
Спи.
Я после усну.

68

Кипарис на могиле твоей посажу.

На тебя то сержусь, а то не сержусь.
Как ты мог? Как ты мог?
Как ты мог? Как ты мог?
Мне ответят ангелы или Бог,
или у самой заветной черты,
когда обнимемся, я и ты.

69

Писала я по-бабьи и по-дурьи:
«Мой брат живет и в ус себе не дует».
Ему осталось жить всего неделю –
Куда глаза мои дурацкие глядели?
Не понимала я, не понимала...
Когда же поняла – старухой стала.

70

Все о тебе, все о тебе...
Плющ на земле, самолет в синеве,
Шорох зеленый, оранжевый зной
Мне говорят, что тебя нет со мной.
Вешней природы слепая краса
Несправедливостью режет глаза.
Буду стареть, одиноко скорбя,
Что никогда не увижу тебя.

71

Запрячь в шкатулку глубоко,
непостижимо глубоко,
неумолимо глубоко
запрячь, на ключ запри

то, что и мучило и жгло,
что изморщило чело –
окаменевший крик.

72

...А в Ботаническом саду
казалось мне, что я найду,
чего и не бывало.
Среди приветливых аллей,
цветенья, шорохов, теней –
невестой жизнь предстала.

Зачем же в этот дивный сад
Тебя не привела, мой брат?

73

Ботанический сад каждый день иной.
Только Ты неизменно всегда со мной.
Взгляд назойливой совести.
В ад
Превращается Ботанический сад.

74

Я жертва крушения корабельного,
На берег выброшена волною.
Мои иллюзии и сомнения
В обломках валяются предо мною.
Невежественна, как простая устрица –
Замыслы, планы – в жалкие щепы!
Что толку каяться или безумствовать?

Голову посыпаю пеплом.
Меня истрепали волны отчаянья,
И вот лежу трухою безжизненной.
Не спрашивай, отчего опечалена,
И не гляди на меня укоризненно.

75

И блеск воды, и яхты на причале,
И безмятежно лебеди плывут...
Сюда, сюда, подальше от печали
Нечаянный привел меня маршрут.
Хоть ветрено, но на душе покойно.
Ухоженный, приветливый причал.
И лишь скребется мысль одна невольюно:
«О, если б ты все это увидал!»

76

Вот подкрадывается зима.
Подползает зловецкий мороз.
Мы с тобою навеки врозь.
Мы с тобою навеки врозь.

Твое тело лежит в земле.
Дух витает Бог знает где.
Обо мне не подумал ты.
Мое горе ты проглядел.

На могиле желтеет куст.
Безразличные небеса.
А на сердце такая грусть,
Что не высказать не сказать.

Я зажгу по тебе свечу.
Выпью рюмку вина. Помолчу.
Виновата – не виновата –
Я одна осталась. Без брата.

77

Как ты мог уйти так рано?
Как ты мог уйти?
Ноет, ноет, ноет рана
У меня в груди.

Узы любящие – путы.
Не доверил боль
Никому ты, никому ты.
От себя ушел.

Не стерпела униженья
Гордая душа,
Суд безжалостный, последний
Над собой верша.

78

Коренастый куст самшита.
Крепкий, сильный, глянцевитый
И выносливый - нет слов.
Куст самшита, куст самшита...
Запечатана, зарыта
Под тобой моя любовь.

Если бы Господь дал силы,

Посадила б на могиле
(Что б одобрил брат мой сам)
Иву, родственную грустью,
Или кипарис, и пусть бы
Он тянулся к небесам.

Но нужна для ивы влага,
Кипарису же – отвага
Устоять на злых ветрах.
Все прекрасное ранимо –
Бабочка порхает мимо,
Гаснет радость на устах.

Потому и куст самшита,
Прозаичный, в землю влитый,
Нужен здесь, незаменим.
Средь бунтующего горя
Он один судьбе покорен
И надежен он один.

79

«Моя свеча, ну как тебе горится?»

Леонид Губанов

Моя свеча, ну как тебе горится?
Простая поминальная свеча...
Уснул весь дом. Лишь нам с тобой не спится:
Мы тлеем и горюем по ночам.

Сохранна под защитой плексигласа
Мерцаешь ты, питая огонек.
Благодарю, что не сгораешь сразу.

С тобой, свеча, мой дух не одинок.

Прикрою форточку, чтоб ветром не задуло,

Пытаясь пламя памяти сберечь.

А ход часов неумолим и гулок,

и близит миг неотвратимых встреч.

80

Как во первый раз посадила куст – пожелтел, завял.

Как во второй раз посадила куст – ворон злой склевал.

Как во третий раз посадила куст – вор украл.

81

Далеко-далеко от обид и угроз

Ботанический Сад веет запахом роз.

Пруд японский – осколок нездешней красоты.

Черепахи на солнышке греют носы.

В уголке безымянная чья-то скамья.
Все скамьи с именами – она же – ничья.

И назойливо вертится мысль в голове,

Чтобы имя твое прикрепить к той скамье.

Чтоб усталый прохожий, когда довелось,

С благодарностью имя твое произнес...

82

Ты ходил неслышной походкой.

Ты легко относился к деньгам.

Маме сказал: «Возьми, сколько тебе надо, вот в ящике лежат».

Ты мог сидеть, уставившись в одну точку и теревить губы,

И думать, думать о чем-то своем, тебе одному известном.
Ты жалел все живое, от мух до стариков.
Ты любил Гашека, Ильфа и Петрова, песни Высоцкого.
Ты пытался проникнуть в тайны Каббалы.
Ты не любил советов.
Ты не верил в себя.
Ты молча страдал.
Ты бы выполнил любую мою просьбу.
Почему я не попросила тебя сохранить свою жизнь?

ЭПИЛОГ

Что бы я тебе сказала, если б могла тебя вернуть?
Что ты мне дорог каждой клеткой, самой больной, дерзкой и безумной...
(Твои руки, похожие на мамины и на дедушкины...
Твои редяющие волосы ... Когда стригся – становился похож на мальчишку.
Твой беззвучный смех...)
Что я готова тебе служить до конца своих дней,
что ты у меня один, один-единственный,
что у меня никогда не будет брата,
что ты не имеешь права бросать меня...
Что я как дерево, разрубленное пополам.
Я бы крикнула: «Не смей! Не уходи! Не уходи!
Твоя жизнь – не только твоя.
Не ты ее создал – не тебе ее забирать».
Я бы бухнулась на колени и умоляла, умоляла., умоляла...
Но боюсь и тогда бы ты покинул меня
И ушел... Во тьму или свет?

Декабрь 2004 г. – сентябрь 2009 г.

Переводы

Ричард Кори

Эдвин Арлингтон Робинзон (перевод Лианы Алавердовой)

Когда б ни появлялся Ричард Кори,
Он привлекал вниманье непременно:
С иголочки одет, побрит и строен,
Он с головы до пят был джентльменом.

Беседовал на равных с первым встречным,
Покой и человечность излучая,
И учащал биение сердечное,
Приветствием простым, и шел блистая.

Он полон был ученых разных знаний,
Богат же, как король, притом безмерно.
И был примером он для подражанья
И нашим идеалом неизменным.

Мы жили тяжело и ждали света.
Кто клял свою судьбу, а кто молился.
А Ричард Кори ночью жарким летом
Пошел к себе домой и застрелился.

Портрет

Стэнли Кьюниц (перевод Лианы Алавердовой)

Моя мать никогда не простила моего отца
за самоубийство,
особенно в такое неподходящее время
и в таком месте, как в парке весной,
когда я вот-вот должен был родиться.
Она заперла его имя
в самом глубоком ящике
и не выпускала его наружу,
хотя я мог слышать, как он стучится.
Когда я спустился с чердака
с пастелью в руках,
на которой был изображен большеротый незнакомец
с бравыми усами и спокойным взглядом глубоких карих глаз,
она разорвала рисунок на части
и, ни слова ни говоря, вlepила мне пощечину.
В свои шестьдесят четыре года

я все еще чувствую,
как горит щека.

Корабль
Фредерик Бакнер (перевод Лианы Алавердовой)
Frederick Buechner from the book Dwarves in the Stable
Из книги After the suicide.

Я стою на берегу, когда большой корабль
невесомо выплывает из гавани и уходит вдаль.
Он прекрасен. Раздуваются паруса.
Корабль сверкает, словно луч солнца на водной глади.
Он уменьшается в размере, и наконец его белые паруса становятся ленточками
там, где сливаются море и небо.
Я гляжу на него, а голос за моей спиной произносит:
«Ну вот, он исчез». Исчез. Исчез?
«Нет», - я говорю себе.
Нет, он не исчез. Неправда.
Он исчез только в том смысле,
что я не могу его больше видеть.
Но в реальности он такой же, как всегда,
такой же прекрасный, сияющий.
В глубине сердца я знаю,
что на другом берегу
другие голоса кричат:
«Смотрите! Смотрите все! Вот он идет!»

СЫН

Айрис Болтон (перевод Лианы Алавердовой)

Холодный и жестокий сын
лежит, непроницаем.
Он теплым был. Он добрым был.
Я мать его. Я знаю.

В крови и тело, и душа.
Что можно тут сказать?
Он прожил двадцать лет всего
и вот закрыл глаза.

Друзья все бьются разгадать,
Достигнуть понимания:
была ли цель, светил ли смысл
в его душе израненной?

Во мне и ярость, и любовь –
в борьбе на поражение.
Молюсь за силы, за покой,
молюсь за исцеление.

Угмонить бурлящий дух
и ад в душе унять
хочу. Когда и где найду
смирения печать?

Мне весть о смерти принесла
агонию страдания.
Хочу я вновь почувствовать
тепло его дыхания.

Из неизведанных глубин
шквал слез меня сломил.
Я помню: крепко обнимал.
Я верю, что любил.

Я пленку целый день кручу
в мозгу с его участием:
его улыбка, слезы, смех,
игра - все было счастье.

Мой сын, мой сын, как ты посмел?
Каких искал ответов?
Но нет, не слушал, дорогой,
ты любящих советы.

Отец и я: стремились мы
спасти – и вот расплата.
Теперь лежишь ты примирен,
как некий триумфатор.

Не знал ты, гордостью ведом
и вверх стремясь отчаянно:
без неудач нет полноты,
увы, существования.

Сказали: ты оставил дар,
в нем будет исцеление.
Но заблокирована мысль
твоим исчезновением.

Быть может, я найду тот дар,
наследие от сына.
Иль ты с собой его унес
в душевную пучину?

Дар веры и надежды, коль
надеяться смогу, -

как воробьиные следы
на выпавшем снегу.

Дар указующий: замри и вспять –
потоки слезные.
Он соткан из гармонии
и музыки небесной.

Та музыка, что ты творил
и разделил так щедро,
возносит мой разбитый дух.
А ты лежишь, ты мертвый.

Хоть муза светлая твоя
груз облегла слезный,
ты не ценил, не сознавал
той радости, что создал.

Стоит заброшенный рояль:
и он лишился брата.
Он помнит все мелодии,
что ты играл когда-то.

Магнитофонных пленок ряд,
твой голос с ними слит.
Твой музыкальный редкий дар
мой дух да укрепит.

В распотрошенные сердца
в агонии сцепления
вольется музыка твоя,
неся успокоение.

Душа болит за матерей,
которым трудно, сложно.
О, как помочь их сыновьям,
пока еще возможно?

Мы без «зачем» и «почему»
узнаем, как нам быть,
чтобы бессмысленных смертей
опять не допустить.

И если мука, если боль
покинут дух и тело –
молюсь я, Бог, восстанови
меня в былых пределах.

